

СЕВЕРНЫЙ

ВЕТЕР

МИДСАММЕР
№ 25

В НОМЕРЕ:

ФРЕЙЯ — БОГИНЯ СЕВЕРА
АЛТАРЬ ОДИНА
ЧТО ТАКОЕ КОНА?

САКРАЛЬНЫЕ ТАТУИРОВКИ
ТРИАДНЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ И ПАЛИНДРОМЫ
КАК СВАРИТЬ МЕД ПО РЕЦЕПТУ XIV ВЕКА

Главный редактор:

Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редакторы:

Алина Петрова (Сигрид),
годорд Иггдрасиль (Киев — Краков)

Алексей Глазачев (Андвари),
(Москва)

Верстка:

Анна Пермина

Корректоры:

Esgal, Helna Lohen

Дизайн номера:

Анна и Вадим Пермины,
Алина Петрова (Сигрид)

Редакция выражает благодарность за помощь при подготовке журнала Антону Платову, А. А. Хлезову, Бьярке (Елене Кисюра), Евгению Нечкасову, Hadeken, Хранителям Традиции, Svetlana Husser, Ольге Маркеловой, Esgal, Анне Блейз, Дмитрию Даммеру, Катерине Андреевой, Iren Horrors, Марии Тихоновой, Helna Lohen, всем ребятам, приславшим свои истории про татуировки, Дмитрию Черкашину, Филину, Анастасии Тишуниной, О.В. Кутареву, А.К., Алене Байковой.

Наши контакты:

http://vk.com/yggdrasil_ukr

Годорд Иггдрасиль

<http://vk.com/friggerock>

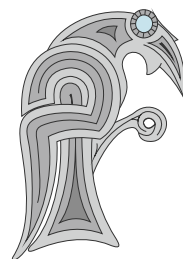
Веретено Фригг

<http://vk.com/nordanvindr>

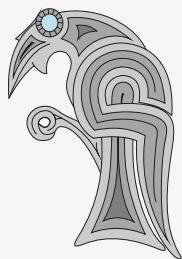
открытая группа журнала

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ОТ РЕДАКЦИИ	4
НОВОСТИ	5
ЛЮДИ, С КОТОРЫМИ НАМ ПО ПУТИ	12
Мария Тихонова.	
ИССЛЕДОВАНИЯ	
Ладьевидные каменные кладки и география раннего политогенеза Скандинавии	16
А.А. ХЛЕВОВ	
Триадные заклинания и палиндромы	19
Антон ПЛАТОВ	
Как сварить мёд. Рецепт XIV века и современная адаптация.	23
Helna LOHEN	
К образу Локи в контексте шутовской культуры	27
Алексей ГЛАЗАЧЕВ (АНДВАРИ)	
Создание современных языческих алтарей в духе Северной Традиции	32
БЪЯРКА (Елена КИСЮРА)	
Положение женщины в германской и кельтской культурах.	36
Svetlana HUSSER	
Жрицы германских племен	39
Svetlana HUSSER	
Сакральные татуировки	41
Алексей ГЛАЗАЧЕВ (АНДВАРИ)	
ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ	
Исландия: негламурный Глимур	45
Катерина АНДРЕЕВА	
ПЕРЕВОДЫ	
Что такое Копа? Йоханна ВОС	52
Перевод: Хранители Традиции	
Фрейя — Великая Богиня Севера	61
Перевод: Анна БЛЕЙЗ ©	
Ньорд, бог кораблей. Хильда Эллис ДЭВИДСОН	68
Перевод: ФИЛИН	
МУЗЫКА	
Север помнит: альтернативная музыка и Скандинавия	73
Дмитрий ДАММЕР	
Månegarm — «Fornaldarsagor», 2019	77
Анастасия ТИШУНИНА	
«Amon Amarth» в Нью Джерси. Live. Ранхильд	79
СКАЗКИ	
Волшебные норвежские сказки	80
ВИДЕООБЗОР	
Эрик-викинг	84
Дмитрий ДАММЕР	
КНИЖНАЯ ПОЛКА	
Скальдическая поэзия	86
Перевод: Анастасия ТИШУНИНА	
Читательские впечатления от романа «Герпла»	91
Ольга МАРКЕЛОВА	
О книге «Сага о йомсвикингах»	93
О.В. Кутарев	
ТВОРЧЕСТВО	
Педер Арребё. Ольга Маркелова	100
Стихи Ольга Маркелова, Дмитрий Черкашин	108
Цикл стихотворений «Разомкни реки»	109
Ольга МАРКЕЛОВА	
Арт А.К.	112
Арт Iren Horrors	113

3...

Друзья!

За все 25 выпусков журнала «Северный ветер» мы никогда не планировали тематику и направления номера заранее. И всегда было очень интересно наблюдать, как каждый раз, подчиняясь только ему введомой воле, журнал собирался и писался сам, из разрозненных кусочков текста и отголосков фраз выстраивался четкий каркас-посвящение. Не оговаривая специально, у нас получались номера, где голос определенного бога или богини звучал громче других. В этот (к слову, юбилейный!) раз произошло ровно то же самое. Совершенно неожиданно — в первую очередь для нас самих — созданием этого номера руководил Браги. Да так умело руководил, что у нас появилась новая рубрика «Книжная полка», в которой с этого номера мы планируем печатать отзывы и личные читательские впечатления о книгах, затрагивающих какие-либо аспекты Северной Традиции.

Так тому и быть. А мы в ответ с огромной благодарностью возносим нашу чашу тебе, Длиннобородый, тебе Хранитель крови Квасира и Держатель клятв и обетов. Славься мудрый ас, Браги! Тебе посвящаем этот номер Северного Ветра!

И в честь праздника мы рады разыграть очередной дар от друзей нашего журнала. **Мария Тихонова**, интервью с которой вы можете прочитать в этом номере, передала для вас великолепного **змея-уробороса** из европейской геральдической традиции. Правила розыгрыша традиционно просты:

— сделать репост записи о выходе 25 номера «Северного Ветра» на своей страничке в контакте;

— быть участником группы нашего журнала <http://vk.com/nordanvindr>.

21 июля 2019 года мы попросим богов выбрать самого достойного и с помощью рандомайзера определим победителя.

Поздравляем всех верных с праздником Летнего Солнцеворота. Славьте Богов, жгите костры, подносите дары, поднимайте кубки и храните угли Купальского огня.

Мы приветствуем наших новых авторов и читателей и благодарим старых. Всех, кого поманил за собой Северный Ветер.

Ранхильд, Сигрид, Андвари

Празднование Первого дня лета в языческой общине Исландии

Члены языческой общины Исландии отметили традиционный праздник — Первый день лета (Sumardagurinn fyrsti). В этом году он пришёлся на 25 апреля. Празднование проходило у подножия холма Эскьюхлид (Öskjuhlíð) в Рейкьявике. Бессменный лидер общины Хильмар Эртн Хильмарссон (Hilmar Örn Hilmarsson) вознёс хвалы богам и совершил в честь них возлияние.

На празднике присутствовали зарубежные гости, в т.ч. журналист от „BBC Travel“.

Погода на Первый день лета в Исландии — излюбленный предмет для шуток: в этот день нередко бывает снегопад. Но в этом году праздник оправдал своё название: погода стояла почти летняя. По окончании церемонии все собравшиеся отправились к заливу Нейтхоульсвик (Nauthólsvík), где расположен единственный на острове общественный морской пляж.

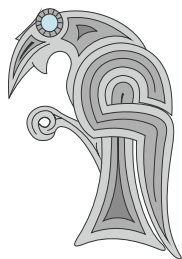
За текущее десятилетие в языческой общине Исландии произошли изменения. Некоторых старых членов общины уже нельзя увидеть на праздниках: так, ушёл из жизни Кетиль Ларсен (массовик-затейник, талантливый рассказчик, художник и просто душевный человек); уже много лет живёт в Норвегии Эйвинд П. Эйрикссон (филолог и писатель, в прошлом годи Западных фьордов). На должностях годи различных регионов появилось много новых людей, в частности, молодых. Язычники младших поколений уже

5...

СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР

№25
2019

не помнят, что когда-то контора общины помещалась в здании старого рыбоперерабатывающего комбината на мысу Гранди в западной части Рейкьявика. (Сейчас это здание полностью перестроено, и в нём располагается Морской музей). На Эскьюхлид медленно, но верно строится капище. Уже построен фундамент, начинают возводиться стены. Община продолжает оставаться одной из самых популярных в Исландии религиозных организаций, и она привлекательна для молодёжи. Нередко современные молодые исландцы приходят туда через увлечение фэнтези — как правило, зарубежным — и исторической реконструкцией.

Нельзя не отметить, что в общине есть ощутимое количество молодых семей с детьми. Первый день лета — в некотором отношении семейный праздник, и в этот день дети смогли как присутствовать на *sumarblót* вместе со своими родителями, так и развлечься на берегу моря: получить угощения и принять участие в конкурсе песочных замков.

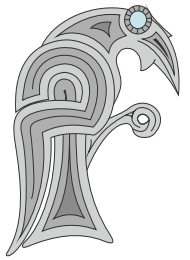
Счастливого лета! — Gleðilegt sumar!

...6

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

Под Калининградом воссоздано каменное святилище

На хуторе Каймэн (Лесной хуторок), что в 30 км от Калининграда, построено каменное святилище, ориентированное по сторонам света.

Хозяин хутора, Василий Иванович Мидялко, много лет интересуется историей Калининградской земли. По его словам, камни для святилища были найдены и собраны в прилегающих к хутору полях.

В 2016 году на Балтийском выездном семинаре школы Северной Традиции Нордхейм под руководством директора школы Антона Валерьевича Платова были проведены работы по разметке мест установки камней святилища. Основная ось святилища выровнена по линии восхода Солнца в день Зимнего солнцестояния. Установка камней была проведена хозяином и работниками хутора.

Разметка места. Бельтейн 2016

*Святилище. Вид из космоса.
Координаты
54°46'46.4"N 20°52'10.5"E*

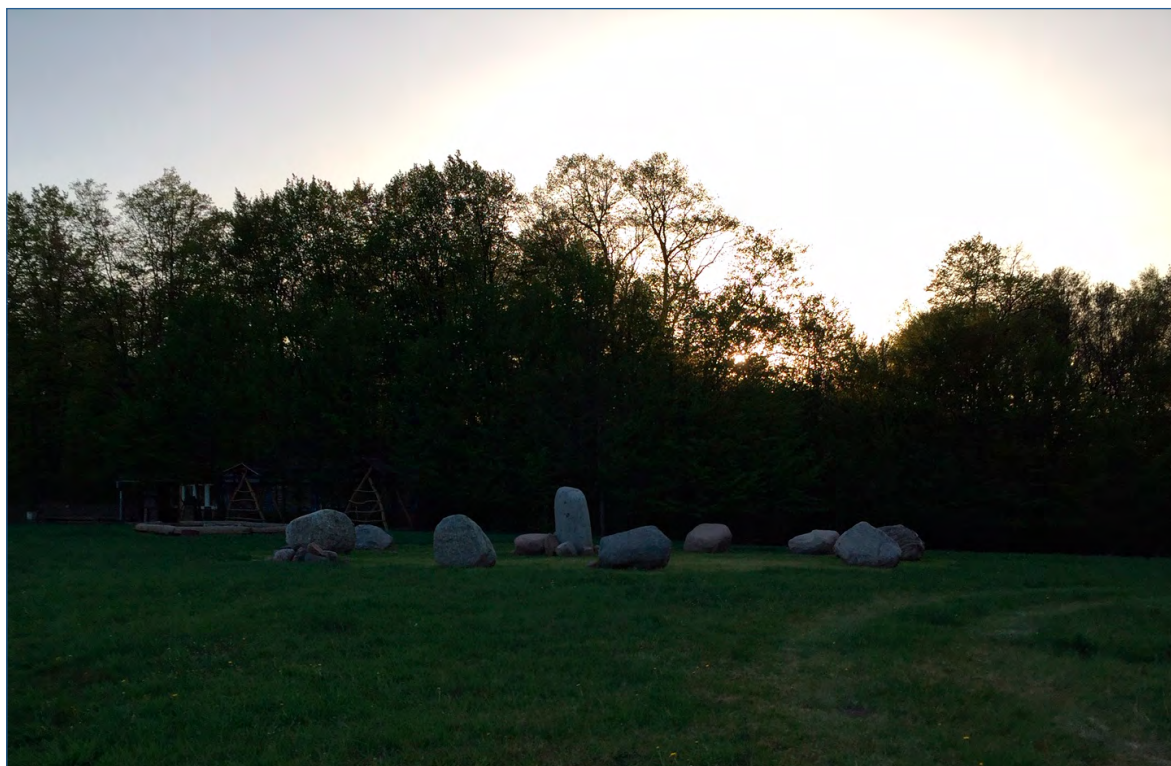
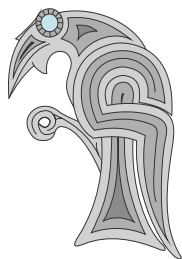

7...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

Святылішча. Агульны выгляд. Бельтэйн 2019 года

Хутор і святылішча адкрыты для наведвання па прадварытнай дагаворэннасці. На тэрыторыі хутора сабрана калекцыя мельнічных жерноў, зброі, прадметаў народнага быта, музей чучел (дзеляць на заказ), гасцёвай дом, баня, можна пагладзіць-покорміць коз, прадэгу-стыроваць і купіць козье малако, твораг, сыр.

Да хутора можна лёгка добрацца на Яндекс.Таксі. Орыентірам указаць пасёлак Разіно. Поездка в адну сторону ад Калінінграда будзе коштаваць каля 800 рублёў.

Адрас: Гур'евскі раён, пасёлак Разіно,
Мідзянко Васіль Іванавіч +7(905)243-44-72

... 8

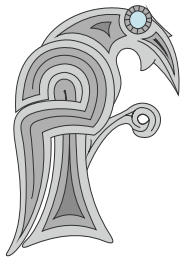
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

*Антон Платов расказвае гісторыю стварэння святылішча.
Бельтэйн 2019*

**Вышел АЛЬМАНАХ
WARHA EUROPE VOL. 2**

Альманах содержит почти 300 страниц статей, новых и эксклюзивных материалов и переводов на английском языке. Это наш мост между русскоязычными и европейскими язычниками и традиционалистами.

Альманах «Warha» выходит в России с 2015 года и последние выпуски выходят раз в год, суммируя в себе все лучшие тексты о языческом традиционализме, а также презентуя публике свежие переводы, интервью и оригинальные тексты. Этой осенью выйдет уже шестой выпуск.

Первый англоязычный выпуск альманаха «Warha» вышел в 2017 году и был пробной попыткой. И вот спустя два года мы созрели для второго тома на английском языке. Мы задумывали наш альманах как своеобразный мост и пространство знакомства, диалога и обмена мнениями и мастерством между русскоязычными язычниками и традиционалистами с одной стороны, и европейцами и американцами — с другой. Мы разные, традиции наших народов и в наших землях подчас различаются очень сильно. И в этом нет ничего плохого. Тем не менее все мы — язычники, а значит, между нами есть и нечто общее в глубинах нашей философии и мистического опыта.

В русской версии мы много и часто публиковали переводы европейских и американских авторов. Во втором выпуске англоязычного сборника, который значительно богаче первого, мы собрали очень много материалов от русских авторов, привлекли к участию наших европейских друзей, а также единомышленников из Северной Америки.

Обе версии альманаха с самого начала являются волонтерскими некоммерческими проектами. Из года в год мы вкладываем в него деньги, не особо заботясь о прибыли. Идеи для нас на первом месте. Поэтому любой желающий может скачать этот выпуск и поделиться им с единоверцами. Либо вы можете сами напечатать любой тираж этого альманаха и распространять его самостоятельно, если вы издатель.

Евгений Нечкасов

Скачать альманах можно здесь:
http://askrsvarte.org/pub/downloads/warha_eu_vol_2.pdf

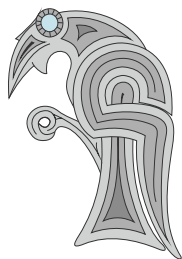
9...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

Как зарегистрировать религиозную группу: живой опыт

Беседуем с Хадекенем (Hadeken), автором книги «Белый ворон» и главой общины асатру «Svartland» («Черноземье») в Воронеже.

— Приветствуем! Почему возникла необходимость регистрации?

Закон, в частности 125-ФЗ, не принуждает к регистрации религиозной группы (РГ), и любой человек или группа людей в своей квартире или на своей земле может отправлять свои обряды. И на практике, особенно если ты один и тихо молишься в своем укромном уголке квартиры или лесной чащи, то, конечно, в регистрации нет нужды абсолютно. Но если представить, что вас уже несколько и вы сооружаете алтарь во дворе, и ваши обряды будут замечать окружающие, то вопросы у представителей закона неминуемо возникнут, мол, кто такие, почему не знаем. В этом случае и пригодится пресловутая бумажка о регистрации РГ. Разумеется, это не ахти какой щит от возможных претензий, но сам факт того, что мы не прячемся, не шифруемся и не шалим, воспринимается представителями власти достаточно положительно. Будут трудности? Хорошо, пусть будут, мы готовы с ними бороться, и наш опыт пригодится тем, кто продолжит наше дело.

Регистрация группы, таким образом, — это своеобразный тест диалога с государством в отдельно взятом регионе. Также есть единоверцы, которым важна юридическая составляющая, «официальность».

Наконец, регистрация группы — это и шаг на пути к более серьезной цели, а именно — регистрации религиозной организации (РО). Здесь тоже можно сказать, что вполне возможно пропустить шаг с группой и заниматься сразу РО — да, это так. Однако мы хотим сначала сформировать костяк группы, узнать, кто чего стоит, горит ли идеей, готов ли вкладываться в реальные дела и т. д. Как и везде — «кадры решают всё».

— Консультировался ли ты с юристами или работниками Минюста предварительно?

Да, у нас есть юрист-единоведец с серьезной частной практикой, который оказывает нам неоценимую помощь в этих вопросах.

— Какие документы нужно собрать?

Для регистрации РГ достаточно обратиться в орган, регистрирующий религиозные объединения, и заполнить уведомление по унифицированной форме РГ0001. Сделать это может руководитель РГ или представитель.

— Какие требования: кол-во участников, возраст, уставные документы?

Для РГ всё устроено очень просто. Количество участников может быть не ограничено — хоть два, хоть тысяча. Также участники группы могут быть из разных населенных пунктов (в отличие от РО, где учитываются только местные). Возраст — лично мы поставили ограничение старше 21 года. Уставных документов как таковых нет, а любые внутренние положения на этом этапе (регистрация РГ) компетентным органам не интересны.

— Основы вероучения — что это был за документ?

Это был продукт коллективного творчества нескольких летней давности. На практике он оказался не особо-то и нужен. Дело в том, что в форме уведомления есть пункт с пустой графой, где вкратце нужно разъяснить, что это за вера такая. Мы предлагали просто приложить распечатанный документ «Основ», но нам было сказано, что это излишне и будет достаточно лишь краткого изложения сути.

— Какое учреждение в итоге вас зарегистрировало: местный Минюст, федеральный, мэрия?

Управление Минюста РФ по Воронежской области.

— Были ли контакты с правоохранительными органами, РПЦ в процессе?

Да, при получении уведомления о регистрации имели диалог с участковым, он просто проверил паспорта. А потом был оперуполномоченный с вопросами типа: «Не будет

ли миссионерства, разнузданных игрищ?» и т. п. Нормально пообщались, больше контактов не было.

— Вы локализованы в деревне, если я правильно понимаю, были ли нюансы, связанные с местом расположения религиозной группы?

Нет, нюансов нет. Место регистрации РГ — просто адрес квартиры, дома.

— Какой документ в итоге тебе дали на руки, что он дает?

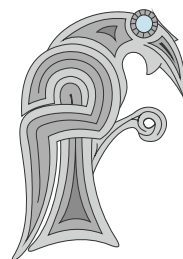
Обычное заказное письмо с уведомлением о регистрации и присвоением индивидуального номера, т. е. просто обозначение факта наличия. Каких-то ощутимых бонусов и привилегий этот документ не даёт. В дальнейшем, конечно, при составлении различных характеристик, он позволит сказать, что мы не вчера появились и в правонарушениях за время существования не замечены.

— Какие планы на будущее в этом статусе?

Глобально — регистрация РО. Здесь уже потребуется и Устав, и подробные Основы, а не прежние с общими обтекаемыми формулировками, регистрация юридического лица со всем сопутствующим комплексом забот (ведение бухгалтерии, отчетность) и т. д. Надеюсь, хватит сил и средств, дело выгорит и боги поддержат.

Локально — строим хоф, готовим рунический камень, отмечаем даты, разрабатываем обряды.

*Беседовал Е. Нечкасов для ФТР
(Фонд Традиционных Религий
<https://tradition.foundation/>)*

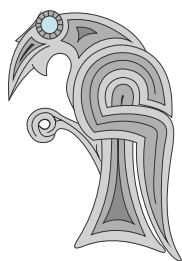
11...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

Алексей ГЛАЗАЧЕВ
(АНДВАРИ)

Интервью: Мария Тихонова

Сегодня у нас встреча с Марией Тихоновой. Мария более четверти века занимается исторической реконструкцией, археологией, этнографией, историей костюма и, в том числе, изготавливает реплики ювелирных украшений древних культур, в частности, скандинавов и славян.

... 12

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

С — Первый традиционный вопрос. Расскажите, пожалуйста, кратко о себе.

— Народной культурой и историей нашего народа я занимаюсь очень давно. Достаточно внезапно после третьего класса я поняла, что я чего-то не знаю. Надо узнавать! Сначала это был фольклорный коллектив, попытка заниматься в археологическом кружке. Серьёзно археологией я увлеклась уже после школы, когда кроме народного костюма и прочего я начала заниматься историей нашего народа. По образованию я учитель биологии и экологии. И даже полтора года преподавала в школе. Я потомственный биолог: оба родителя — биологи. Когда тебе всю жизнь показывают каждую травинку и былинку, ты волей-неволей начинаешь любить природу. Один родитель — зоолог-позвоночник, другой — миколог. А я пошла в педагогику.

С — В какой-то момент вы пришли в историческую реконструкцию. Расскажите, как это произошло?

— Это случилось в середине 90-х, я была толкинистом, работала в библиотеке МГУ. Как-то раз я увидела объявление о наборе в клуб исторической реконструкции «Серебряные волки» по направлению «Раннее Средневековье, эпоха викингов». Что я там в те времена шила — это смотреть страшно (смеётся). Например, расшитая красным мулине белая льняная рубашка с хангерком, выкроенная из дедушкиного пальто. Бабушка специально отдала мне его старое пальто и помогала вышивать. Бытует мнение, что историческая реконструкция появилась в нашей стране в 90-е годы, но и до 90-х существовали так называемые военно-патриотические клубы, которые тоже фактически занимались реконструкцией. Например, реконструкция войны 1812 года была и в Советском Союзе.

С — Расскажите, пожалуйста, про ваши изделия.

— Скажем так, это ювелирные украшения. Я работаю на уровне деревенских кустарей, использую их технологии. Технологий была

масса. Например, одна из технологий — это вытачивание формы (под заливку металла) на мыльном камне. Основная моя технология — это работа по исчезающей модели. Это когда из воска делается модель. В оригинале её сразу закатывали в глину и потом уже выжигали и заливали. Воск вытапливается, его место занимает металл, обычным самотёком. В модели делают так называемые выпары, чтобы модель пропускала воздух. Металл заливается с запасом, с учётом усадки. Много работаю и с восковым плетением, оно достаточно хорошо исследовано по научным источникам.

Рис. 1. Пример воскового плетения.
Работа Марии Тихоновой

— Были ли у вас какие-то открытия в процессе работы?

— Когда я начала осваивать восковое плетение, я поняла, что получаются сложные, интересные и очень разнообразные вещи. Чтобы создать ажурный рисунок, нить пропитывалась воском и создавался сложный рисунок. Когда я начала делать модели, я поняла, что треугольнички на этих украшениях здесь и здесь (показывает фотографии) полностью идентичны. (На фотографиях — верхняя часть изделия). Делались по одной матрице. Был один шаблон.

Рис. 2. Примеры воскового плетения.
Заготовки для реплик украшений
V в до н.э. и XIII в н.э.

Такие вещи могли заимствоваться и переходить из одной культуры в другую. Если в V веке до н.э. подобные треугольнички встречаются на территории Москвы, то в XIII веке н.э. они встречаются уже на территории Вологодской области. Прошло более полутора тысяч лет, а символика продолжает жить. Происходил переход из одной культуры в другую, и это очень интересно.

— Скандинавские и славянские предметы. Есть ли у них общие черты?

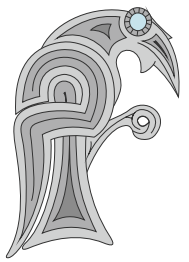
— У скандинавов, в отличие от славян, есть сборные мужские амулеты с мечами и щитами. Топоров, в отличие от славян, нет, но молоты встречаются. Стоит отметить, что скандинавские мужские амулеты сделаны достаточно просто. Например, меч — просто вырезан из листа металла. Щит тоже просто кусочек металла. Минимализм. У славян как таковых боевых мужских амулетов, кроме секир, нет.

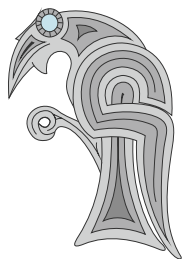
— Есть ли предметы, в которых можно проследить пересечение культур?

— У скандинавов практически не встречаются лунницы. Есть несколько захоронений с лунницами, но они, скорее всего, трофейные, привезенные. Стоит отметить, что лунницы можно встретить и у меровингов, и у киммерийцев, и у славян. Это очень древняя символика, которая существовала, вероятно, до славян. Есть даже каменные лунницы.

— Есть ли предметы скандинавской культуры, которые попали в славянскую культуру?

— У меня есть теория, которая, к сожалению, пока не подтверждена археологически. Весьма возможно, что то, что мы считаем русской традиционной одеждой — сарафан — пошло от скандинавского хангерка. Если мы возьмем карту распространения костюмных комплексов, то сарафанные встречаются в северных районах, где и было больше всего контактов со скандинавами. По югу остался более древний понёвный комплекс. В древнем Новгороде процент находок славянского и скандинавского стиля очень близок. Нет ни одного археологического слоя чисто славянского или чисто скандинавского. Похожая ситуация в Старой Ладогге. Например, там найдены так называемые медвежьи головы, это ранне-скандинавские фибулы на хангерок, фибулы готландского типа (остров Готланд, Швеция). У скандинавов найдены вещи славянского происхождения, например, в Норвегии есть захоронение, которое по некоторым признакам похоже на захоронение славянки.

С — Сейчас на различных интернет-площадках, таких как Ярмарка мастеров, группах в социальных сетях предлагают купить разные штучки и там же можно прочитать «предмет заряжен на любовь... благополучие...». Могли бы вы как-то это прокомментировать?

— Заряжен от какой розетки (смеётся)? Понимаете, да, кто-то заряжает, кто-то проводит ритуалы. Мои вещи иногда срабатывают. Я знаю про несколько таких случаев, и меня всегда это удивляет. Но что-то говорить о «зарядке» я не могу. Я должна понимать вещь, когда я её делаю. Прежде чем я возьмусь за заказ, я должна понимать, что это за вещь, для кого эта вещь, как и когда она будет носиться. И что эта вещь должна человеку принести. Без понимания этого не будет работать ни один мастер. Повторюсь, так как это очень важно: нельзя работать, если ты вещь не понимаешь. И речь сейчас даже не о символике. Обычные ювелирные украшения — они ведь символику не всегда несут. Но когда ты работаешь, это тебе помогает. Иногда у меня спрашивают:

— Ты можешь вещь сделать?

Я отвечаю: «Не знаю. Я могу попытаться сделать».

— За сколько?

— Не знаю, но помогу попытаться сделать вот так...

Если ты поймал волну — ты делаешь: у тебя вещь получается, она приносит тебе радость. Если она тебе приносит радость — она будет приносить радость и остальным. Да, кто-то умеет делать коммерческие вещи. Кто-то умеет раскручивать. Я знаю двух братьев в Питере — они прекрасные продавцы, любую сказку тебе расскажут, лунницу от зажигалки, прямо не сходя с этого места зарядят, обряд проведут. Это коммерция. А вот чтобы вещь работала — её надо любить и знать. Кому-то для этого достаточно просто осознанной работы. Кому-то нужен ритуал. А кто-то просто говорит о ритуалах, чтобы продать.

С — Вы как-то настраиваетесь на работу?

— Ну как Вам сказать. Разумеется, для работы нужен определённый настрой. Если ты встал с похмельем и с большой головой — то ты ничего не сделаешь (смеётся). Для меня это называется «поймать ритм». А вот именно ритуала у меня нет. Моё старое имя — Гхаш. На тёмном наречии со времён толкиенизма оно означает «огонь». И мне очень и очень помогает горящая на столе свеча. Просто свеча. Если мне тяжело — я зажигаю свечи. При этом

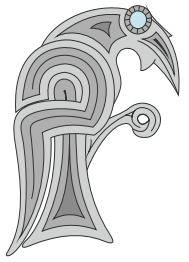
я по настроению могу использовать какие-то определённые аромамасла, но назвать это ритуалом я не могу. Например, если меня трясёт, что-то в беспорядке — я добавлю масло лаванды. Просто оно успокаивает. Если болит голова — я добавлю масло базилика. Не потому, что оно «заряжено на деньги», а потому что базилик тонизирует.

Биологию-то я так и не забросила. У меня есть совершенно чудесный проект и мастер-класс по биологии, который я вела. Называется «Лавка-травница». Этот проект идёт уже не первый год. Первый раз мы его пробовали в 2015 году на фестивале «Времена и эпохи. Кельты». Я рассказываю о травах, я показываю травы, я сама их собираю летом. Я делаю с ними свечи, и на продажу, и для себя. Как раз в субботу прошлую была Громница (интервью проходило в феврале), ну как не сделать свечей с полынью в эту дату? Природа — она всегда рядом. Тем более, что она является составной частью нашей культуры. Потому что каждая трава имела значение в нашей традиции. Так же у скандинавов.

В прошлом году к «Временам и эпохам» в начале августа часть трав я привезла из Гороховца. Оттуда, кстати, привезла чертополох синий, который сейчас висит у меня в доме. Несколько видов полыни. И уехала в Тверскую область на фестиваль травников и ЗОЖ. Как раз читала лекцию по магии растений. Взяла руны, посвящённые растениям, огам, посвящённый растениям, и славянскую мифологию, посвящённую этим же растениям. Одна и та же тема идёт практически по всем традициям. Одно и то же растение у многих имеет одинаковое значение. Ну и попутно, поскольку это Тверская область, 10 км от истока Волги — надо было выкопать кубышку, чтобы показать, как из неё суп варить, иван-чая набрать, чтобы заферментировать ещё чего-то. В общем, я была, как сенокосный аппарат, и меня можно было всегда наблюдать с очередным пучком в руках. Организаторы фестиваля специально до моего приезда покосили свой участок, чтобы там была свеженькая лебеда, свеженькая сныть, свеженькие одуванчики. Все пошло в ход.

С — Расскажите, пожалуйста, поподробнее про связь рун и трав, хотя бы пару примеров.

— Давайте возьмём самое простое, с чего начинается огам? Первая фэда, и значение её «берёза» — начало, белый цвет. Знак начала у кельтов — беф, берёза. У скандина-

вов — руна Беркана¹. Одно и то же во всех традициях. То есть три народа, но у этого дерева идёт одно и то же значение, первое — начало. Но началу предшествует смерть. Поэтому берёза также является деревом смерти. Можно вспомнить русские народные сказки, когда девушка умирает и превращается в берёзу². Мало того, берёзы сажали на могилах. Поэтому если вы в поле видите стройную берёзовую рощицу — это зачастую старое кладбище. Например, у нас в Орехово есть совершенно замечательный домик, во дворе которого берёзовая рощица с очень определёнными холмиками. Кладбище убирать не стали, оставили во дворе дома. Собственно, в бересту иногда заворачивали покойников. Кельты надевали берестяные шапки на головы ушедших. Вот наиболее яркий пример преемственности одного и того же растения у трёх народов. Три народа, а символика одна.

С — Поговорим про кельтов.

— Если проследить эволюцию славян, то академики Широкова, Рыбаков, Седов — эти имена возводят этногенез славян именно от кельтов. Я не вижу смысла разделять кельтскую и славянскую культуру. Мало того, возьмём у Рыбакова «Язычество древних славян»: открываем и смотрим ранние славянские памятники. Открываем чешскую археологию (потому что большинство из них находится на территории Чехии) и что мы видим? Там же то же самое называется поздnekельтским. Академик Широкова считает вообще, что славяне — это одни из кельтских племён, ушедших на Восток. И сказать, что эта тема сложная — это не сказать ничего.

С — Вы ездите на археологические раскопки?

— На раскопки не ездила, но сама копала. Но в этом ничего криминального нет. Собственно, почему я пошла в археологический кружок: в Тверской области, где я выросла, у нас был свой дом (то есть я зиму

жила в Москве, а летом меня вывозили в деревню в Тверской области). Там на озере Рогозном была мощнейшая археологическая стоянка — приблизительно Льяновская-Верхневолжская культура каменного века. То есть, просто копаясь в песке, каждая десятая горсть давала либо черепок, либо какой-то каменный артефакт. К сожалению, я отдала свою коллекцию на площадку «Каменный век» фестиваля «Времена и эпохи», и она там так и сгинула. Никто не знает, где она теперь. Ну и не страшно. Дома она лежала мёртвым грузом — тут людям пригодилась. Так что с археологией я в детстве играла. А на раскопки я не ездила и, если честно, не особо рвусь по очень простой причине. Лето — период раскопок — у меня очень загружено другими вещами: фестивали, огород и т.п.

— Расскажите, пожалуйста, ещё про ваши раскопки и подобные вещи в Тверской области.

— Этнографы как-то очень странно относятся к местной мифологии. Когда я местных историков-этнографов начала спрашивать, оказалось, они такие вещи вообще не исследуют, к сожалению. Там же, в Тверской области, в Торжке, есть Власьевская церковь. Историки знают, что на месте этой церкви было капище Велеса. Недалеко от этой церкви лежит валун, более чем наполовину вросший в землю. На валуне нет мха. К Валуну была прорезана в железном заборе просто дырка, чтобы к нему подходить. И при этом местные этнографы считают, что это строительный мусор. Монетки, лежащие возле валуна, тоже в учёт не берутся. Это, что называется, у них под боком через речку. Такая вот милая история.

— И традиционный вопрос — что вы пожелаете нашим читателям?

— Учите историю, ребята. Учите историю! История большая, интересная, и те, кто говорят, что историки врут, истории просто не знают.

— Благодарю за интервью!

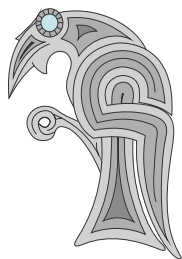
Для нашего журнала Мария подарила великолепного змея-уробороса из европейской геральдической традиции, которого мы разыграем через конкурс репостов.

Посмотреть работы Марии и договориться о возможном приобретении — на ее страничке в ВК: <https://vk.com/verlva9>

¹ Ты та, кто носила меня девять зим,
Пеленала вуалью,
Сплетённой меж жизнью и смертью.
Из лона матери
В зелёный мир
Умри и возродись! Wardruna — Bjarkan.

Пер. А. Глазачев

² Берёзы, поставленные с двух сторон крыльца, по поверьям, указывали предкам дорогу в дом. Жители Дмитровского края Московской губернии верили, что на Троицу души покойных родственников вселяются в ветви берёз, украшавших избы. О связи душ умерших и берёзы свидетельствует калужское выражение «в берёзку собирается»: так говорили об умирающем человеке. Мадлевская Е.Л. Русская мифология.

Ладьевидные каменные кладки и география раннего политогенеза Скандинавии

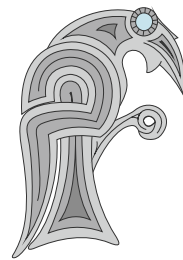
А.А. ХЛЕВОВ

Среди древностей бронзового века Северной Европы одно из наиболее заметных мест принадлежит артефактам, так или иначе связанным с образом корабля. В частности, явственно выделяются три устойчивые группы таких артефактов: наскальные изображения ладей; ладьи, гравированные на бронзовых бритвах; каменные выкладки в форме контура корабля. Сам по себе факт популярности корабельных мотивов достаточно естественен и обусловлен неординарной ролью мореходства и судостроения в традиционной культуре данного региона. Что касается трех упомянутых групп, то их локализация достаточно отчетливо отражает определенные социально-политические константы, характеризующие ситуацию в Скандинавии и на побережье Балтики в конце II — I тыс. до н.э.

Бронзовые бритвы с изображениями кораблей (Sprockhoff 1954. S. 57; Kaul 1998. P. 47), ставшие одним из наиболее узнаваемых символов северного бронзового века в целом, связаны преимущественно с погребальной традицией и выступают как часть инвентарного комплекса, сопровождавшего в последний путь социальную элиту. Впрочем, нет никаких оснований усомниться в том, что они одновременно столь же успешно были важной частью повседневной бытовой культуры этой элиты. Количество подобных находок довольно ограничено и в целом соответствует ориентировочным оценкам численности представителей вождеской прослойки, вытекающим из экономической географии региона и демографических реконструкций.

Петроглифы с изображениями ладьи (Burenhult 1973. S. 115; Kristiansen 2010. P. 103) весьма многочисленны и широко распространены в Северной Европе. Известно не менее 2000 локусов, каждый из которых представляет комплекс, как правило, содержащий несколько изображений кораблей. Весьма частый мотив — солярные и селенарные символы, сопровождающие эти ладьи или являющиеся частью самого корабля (солнечные круги на штевнях и «лунницы», установленные на палубе и напоминающие паруса). Не менее обычны изображения воинов — членов экипажа; нередко корабли явно сходятся в морском сражении. Общим местом является представление об этих петроглифах как о культовых объектах, хотя конкретная интерпретация данных культовых практик или их реконструкция весьма дискуссионны. Прямая связь петроглифов с погребальным культом также проблематична, хотя некоторые из них и расположены в географическом контексте погребальных памятников.

Каменные выкладки в форме контуров корабля, часто очевидно подчеркивающие конструктивные особенности конкретных типов ладей, достаточно многочисленны. Так, на о-ве Готланд их около 200-т, на о-ве Борнхольм — 23, на Аландах — 37, в Латвии — 11, в Эстонии — 3; еще несколько сотен расположены в ряде прибрежных областей континентальной Швеции, на острове Эланд, и небольшое количество — в зоне Датских проливов (Wehlin 2013. S. 210-216). Назначение этих памятников также вызывает дискуссии. С рядом из них связаны погребения, однако далеко не со всеми. В основном высказывались мысли о ритуальном и поминальном ха-

рактуре подобных конструкций, о маркировании ими мест регулярных торжищ (Capelle 1986; Randsborg 1993), об использовании их в роли своего рода «клубов» командами кораблей (опять же в социально-ритуальных целях). Мы смело интерпретируем эти памятники как «места поединков, совершения молитв, жертвоприношений и возлияний, общинных пиров, проходивших словно «на борту» и «за веслами» мифического Корабля Мертвых (*Naglfar* «Эдды»), где места экипажа выделены монументальными валунами» (Лебедев 2005. С. 81). Не вызывает сомнения лишь то, что в жизни населения Скандинавии позднего бронзового и раннего железного веков — вплоть до эпохи викингов (а кладки в основном датируются X-II вв. до н.э.) — эти сооружения играли чрезвычайно важную роль.

В данном контексте наибольший интерес вызывает география распространения каменных ладей. Как правило, они организованы в группы из нескольких выкладок, количество и размер отдельных «кораблей» в которых могут существенно варьироваться. Весьма вариативна и ориентация этих кладок — подмечено, что она скорее привязана к ландшафту конкретной местности, нежели к сторонам света. Неизменными остаются несколько обстоятельств. Так, абсолютное большинство известных «ладей» привязаны к береговой линии — актуальной ныне (если регрессии в данном районе не было) или имевшей место в момент возведения кладки. Значительное число кладок возведено на берегах внутренних водоемов, имевших транспортное значение (Bradley 2006). Столь же обычна привязка кладок к коммуникационным «узлам»: полуостровам, являвшимся поворотными пунктами (север Курляндии), цепям островов (Аландский архипелаг), устьям рек (Висла, Западная Двина), протокам оз. Меларен. Сама по себе эта связь, как представляется, неопровержимо свидетельствует о значении корабельных кладок как ориентиров сезонных торжищ, равно как и социальных и культурных центров локальных вождеств. Даже в случае нахождения таких объектов за пределами Скандинавии они могут быть интерпретированы как центры очагов миграции северян, а не только как «указатели на рыночную площадь». Впрочем, в универсальном и многофункциональном характере этих кладок, исходя из уровня развития создавшего их общества, вряд ли можно усомниться.

Однако наиболее наглядным является географическое соотнесение трех упомянутых категорий «корабельных» находок. Петроглифы относительно равномерно и мас-

сово покрывают побережье Скандинавского полуострова (от района оз. Меларен по шведскому и норвежскому побережьям до Рогаланда), ряд внутренних областей полуострова (оз. Венерн, норвежский Уппланд), а также север Ютландии. Бронзовые изделия (бритвы) с изображениями кораблей достаточно узко сконцентрированы в Дании и на крайнем юге Скандинавского полуострова — преимущественно в Сконе. Что касается каменных ладей, то это явление почти исключительно балтийское (Capelle 1986. С. 6-10; Wehlin 2013. С. 135-136). География находок не оставляет сомнений в том, что происхождение данной традиции — сугубо скандинавское, а на противоположные берега Балтики она была экспортирована в процессе миграций и экспансии.

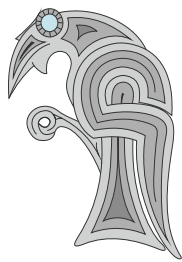
С точки зрения привязки к социокультурным и социоисторическим реалиям рискнем предположить, что три типа памятников отражают три этапа развития северной культуры и, возможно, три круга раннего политогенеза. Так, наскальные лады (как яркие представители петроглифической традиции в целом) могут быть соотнесены с наиболее ранними, уходящими корнями в неолитическую культуру формами социальной организации племен Скандинавии. Бронзовый инвентарь с изображениями ладей уместно связать с политическими экспериментами раннего и высокого бронзового века, когда по обоим берегам Датских проливов («историческая», а не «географическая», Дания) возникали вождества, ярко репрезентируемое благосостояние лидеров которых базировалось на торговых связях с континентальной и Южной Европой. Собственно, именно с этой фазой политогенеза и связаны наиболее яркие визуальные образы северного бронзового века; однако реальную социальную структуру этих обществ и масштаб власти их предводителей оценить всё еще трудно.

Каменные корабельные кладки, в свою очередь, отмечают новую и весьма перспективную тенденцию. Их расположение отчетливо указывает на формирование нового культурного сообщества — балтийского. Его основные черты — сохранение приоритетной роли мореплавания, традиций судостроения и навигации; особая социальная роль прослойки корабельщиков и мореплавателей-торговцев; формирование устойчивой идентичной ритуальной практики на обширных приморских территориях, заведомо не связанных никакой единой государственной властью. Результат деятельности — освоение Балтики как внутреннего водоема и прочное

17...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

проникновение в три основных транзитных транспортных «шлюза» балтийского побережья (Аланды — Финский залив, Рижский залив — Западная Двина, устье Вислы).

Очевидно, что именно с этим периодом, в основном относимым к I тыс. до н.э., уместно соотнести начало устойчивого существования Балтийской морской цивилизации (Лебедев 1986), в дальнейшем превращающейся в цивилизацию северных морей вендельского времени и эпохи викингов (Хлевов 1997; 2002. С. 320-377). Не становясь «таласократией» и в принципе не выходя на уровень государственных институтов, племенные коллективы шведского побережья от Уппланда до Халланда (главным образом руками своих конунгов и их экипажей) заложили основы балтийского мультикультурного полиэтничного сообщества железного века и раннего средневековья.

Литература

Лебедев Г.С. Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья // Тезисы X Всесоюзной конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., 1986. Ч. 1. С. 158-160.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. 2-е год. СПб., 2005.

Хлевов А.А. Балтийская цивилизация и европейское единство раннего средневековья // Дивинец старолдожский: Междисциплинарные исследования. СПб., 1997. С. 125-130.

Хлевов А.А. Историко-культурный феномен Северной Европы I—VIII вв.: Дис. д-ра филолос.наук. СПб. 2002.

Bradley R. Danish razors and Swedish rocks. Cosmology and the Bronze Age landscape // *Antiquity*. 2006. Vol. 80. P. 372-389.

Burenhult G. *GÖtalands hallristningar*. Lund, 1973.

Capelle T. *Schiffssetzungen // Praehistorische Zeitschrift*. 1986. Bd. 61, Heft 1.

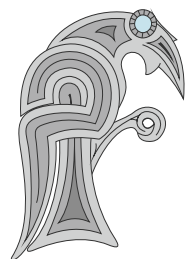
Kaul F. *Ships on bronzes: A study in Bronze Age religion and iconography*. Copenhagen, 1998. Vol. 2-3.

Kristiansen K. *Rock art and religion: The sun journey in Indo-European mythology and Bronze Age rock art // Representations and communications: creating an archaeological matrix of late prehistoric rock art*. Oxford, 2010. P. 93-115.

Randsborg K. *Kivik: archaeology and iconography*. Kobenhavn, 1993.

Sprockhoff E. *Nordische bronzezeit und frUhes griechentum // Jahrbuch des ROMisch-germanischen Zentralmuseums*. Mainz, 1954. Bd. 1. S. 28-110.

Wehlin J. *OstersjÖns SkeppssSttningar: Monument och mÖtesplatser under yngre bronsilder*. GÖteborg, 2013.

Триадные заклинания и палиндромы

Антон ПЛАТОВ

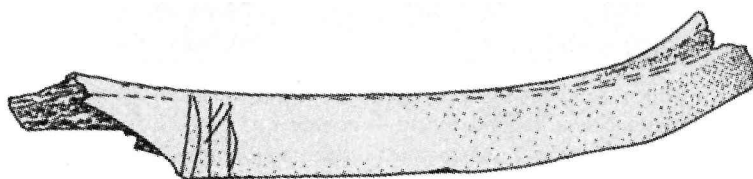
Глава из книги «Руны: два тысячелетия
магической традиции»

Из всего многообразия древних технологий создания рунетейннов с заданными магическими свойствами стоит выделить существовавшую, вероятно, некогда технику построения триадных (трёхрунных) заклинаний. Неизвестно никаких прямых подтверждений того, что она рассматривалась в древности именно как распространенная и четко оформленная технология, однако обилие явно заклинательных надписей на амулетах и иных предметах, наделявшихся волшебными свойствами, позволяет предполагать, что такой подход древние мастера использовали и довольно широко. Ниже представлена неполная выборка трёхрунных заклинаний; большинство из упоминаемых артефактов датируется VI—VIII веками, но встречаются и более поздние надписи.

Анализируя выделенные рунические заклинания этого типа и сопоставляя их с предположительным предназначением предметов, на которые они нанесены, можно попытаться реконструировать технику их составления. Не вдаваясь здесь в подробности такого анализа, приведем лишь конечный его результат. Реконструированная структура трёхчастного рунического заклинания выглядит следующим образом¹:

Руна 1	Руна 2	Руна 3
направление действия заклинания	необходимая для действия база	направление действия заклинания

В данном контексте очень интересны рунические граффити на монетах из раннесредневековых скандинавских кладов, которые во многих случаях представляют собой именно трёхрунные надписи. Так, например, на монете конца VIII — начала IX века из Тимеревского клада вдоль края острым орудием процарапаны три руны: gud. Центральная руна — Уруз — символически означает мощь и «земное» могущество, здоровье, жизненную силу и сексуальную энергию. Боковые руны — Гебо и Дагаз — это «Дар», приобретение блага, и «День», процветание. Вероятно, эта монета служила некогда амулетом, предназначение которого — процветание, базирующееся на полноте жизненных сил человека.

Коровье ребро с трёхрунной комбинацией из Лунда, Швеция

Совсем другой характер имеет руническая надпись на монете одного из шведских кладов: «I Y Þ». Здесь мы сталкиваемся с иной направленностью магии: если заклинание на монете из Тимеревского клада ориентировано на добровольное принятие «пользователем» магического воздействия, то в данном случае базой заклинания служит руна Науд — «Нужда», принуждение. В данном контексте руны Иса и Турисаз, стоящие по сторонам от базовой руны, имеют

¹ Платов А. В. Трёхчастные рунические заклинания // Мифы и магия индоевропейцев, вып. 4, 1996.

19...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

1	ƒ ƒ ƒ	много примеров	
2	⚡ ƒ ƒ	рунический камень	Арстад, Норвегия
3	ƒ ƒ ƒ	оловянная крышка	Сёдеркопинг, Швеция
4	ƒ ƒ ƒ	коровье ребро с рунами	Лунд, Швеция
5	х у ƒ	точильный камень	Хопьм, Норвегия
6	м ƒ м	деревянный магический жезл	Бритсум, Фризия
7	х ƒ ƒ	граффити на монете	Тимерево, Россия
8	ƒ ƒ ƒ	граффити на монете	Мидлум, Нидерланды
9	і ƒ ƒ	граффити на монете	Швеция
10	м ƒ ƒ	серебряная фибула *	Донцдорф, Германия
11	ƒ ƒ ƒ	коробочка из слоновой кости **	Гаммертинген, Германия
12	г ƒ ƒ	древко стрелы	Нидам, Дания
13	н ƒ н	стальной нож *	Моллегордсмаркен, Дания
14	ƒ ƒ ƒ	гребень из оленьего рога	Фризия
15	ƒ ƒ ƒ		
16	ƒ ƒ ƒ	диск из черного янтаря	Витби, Йоркшир, Британия
17	ƒ ƒ ƒ	деревянный амулет (Младшие руны)	Лодосе, Швеция

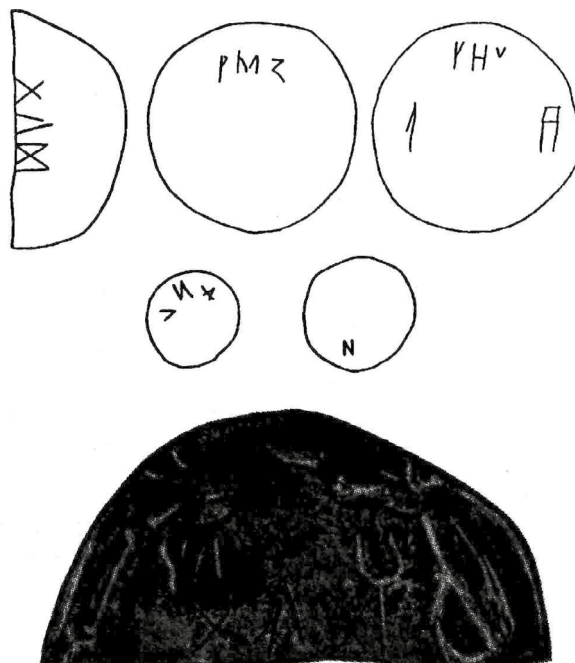
Примечания:

* женское захоронение

** детское захоронение

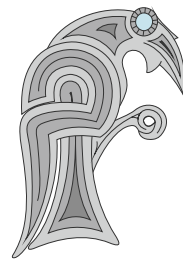
Примеры трехрунных заклинательных комбинаций

явно негативный характер. Очевидно, эта монета попала в клад не случайно, но в качестве проклятия «взломщику». Такая интерпретация заклинания хорошо согласуется с трактовкой И. Линдквиста, считавшего, что заклинание «выражает пожелание, чтобы тот, кто нашел клад, оказался в мире великанов»².

Рунические граффити на монетах из раннесредневековых скандинавских кладов. Внизу — монета из клада в Тимерево с рунической заклинательной комбинацией g u d

² Вероятно, исходя из того, что сочетание Иса и Турисаз может быть прочитано как «великан льда», инеистый великан.

В целом триадные заклинания более или менее четко распадаются на две большие группы по составу знаков и, соответственно, по своему предназначению. Первая группа, в которой явно преобладают руны Дагаз, Альгиз, Уруз, Гебо, Фе и т.д., — это в основном бытовые предметы и несложные талисманы, общее назначение заклинаний на которых — защита и благоденствие (в разных вариациях). Совсем другие руны мы встречаем в триадных заклинаниях на магических инструментах:

- **М R M** — на деревянном жезле из Бритсума; скорее всего, заклинание как-то связано с шаманским путешествием между мирами;
- **N ↑ N** — на ноже из женского погребения в Моллегордсмаркене;
- **† † X** — на сложном амулете из Лодосе (этот амулет мы анализировали выше) и т.д.

Деревянный магический жезл из Бритсума, Фризия, VI — начало VII вв. В надписи явно дважды выделена руна Дагаз и три руны e r e, представляющие собой, вероятно, трехчастное заклинание

*Руническое сакральное слово **alu**, записанное зеркальными рунами на стенке кремационной урны из погребений в Спонг Хилл, Британия, середина I тыс.*

Возможно, что и некоторые рунические сакральные слова — такие, как **alu, sar, god** — имеет смысл рассматривать как триадные заклинания; как минимум это интересная тема для размышления: ведь даже в тех случаях, когда РСС имеют вполне определённое лексическое значение, они не перестают состоять из вполне конкретных рун. Так, например, анализ с этой точки зрения РСС **alu** может придать ему новые оттенки смысла, поясняющие, в частности, его связь с погребениями (о чем нечасто вспоминают). Действительно, далеко не все из существующих толкований **alu** могут иметь хоть какое-то отношение к за-

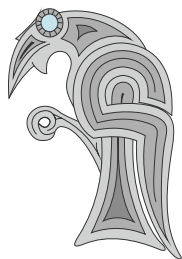
хоронениям и «загробной жизни»; между тем многие примеры использования этого РСС связаны именно с захоронениями:

- погребальная урна из Спонг Хилл, огромного англосаксонского захоронения (Британия, ориентировочно VI век) — только **alu**;
- камень из погребального кургана в Эльгесем (Норвегия, начало V века) — только **alu**;
- камень из погребения в Кинневе (Швеция, VI—VII века); текст надписи: ...**siR alu h**; интересно, что Ив Кондратофф в своем каталоге предполагает связь камня с «культом смерти или погребальной магией»;
- Арстадский рунический камень с большой надписью, содержащей РСС **sar** и **alu**, обнаруженный в погребальном кургане (Норвегия, ориентировочно середина I тыс.) и т.д.

Еще одна известная схема построения заклинательной рунической надписи — создание палиндромов, т.е. симметричных рунетейннов. Очевидно, что палиндромы и триадные заклинания родственны друг другу, — это следует уже хотя бы из симметрии самой триадной схемы. Когда две периферийные руны в триадном заклинании совпадают, мы получаем схему

Рунический камень из погребального кургана в Эльгесем, Норвегия, начало V века

простейшего рунического палиндрома. Такие рабочие комбинации рун представляют собой триадные заклинания и в то же время являются простейшими руническими палиндромами.

Вот два исторически достоверных примера более сложных рунических палиндромов.

sueus

Это палиндром, начертанный на знаменитом Килверском руническом камне с острова Готланд, о котором мы не раз уже говорили в этой книге. По аналогии с триадными заклинаниями значение палиндрома следует «раскручивать» из центра; в данном случае центральную позицию занимает руна Эваз — конь, движение, трансформация. Первая периферийная пара — руны Уруз — жизненная сила, мощь. Внешняя пара — Соул, могущество, победа, целостность. В целом значение палиндрома, предположительно, можно реконструировать как магическое посвящение, обретение Силы, структуризация под ее воздействием.

RiliR

Этот рунический палиндром, начертанный на деревянной палочке, найден в захоронении близ Фрёлслова в Южном Ютланде (Дания). Палиндром имеет явно сдерживающий, охраняющий характер, однако руна Лагуз, помещенная на центральную его позицию, снимает возможные негативные оттенки значения палиндрома, направляя действие его по естественному пути под покровительством богов.

Традиция использования рунических палиндромов (сама по себе достаточно древняя) имеет забавное средневековое продолжение. Известно, что в Средние века были распространены не только линейные, но и плоскостные (двумерные) палиндромы, для составления которых использовались как живые европейские языки, так и латынь. Самый известный двумерный палиндром — это «магический квадрат» SATOR:

SATOR

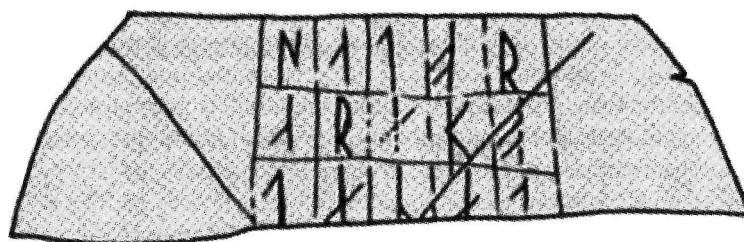
AREPO

TENET

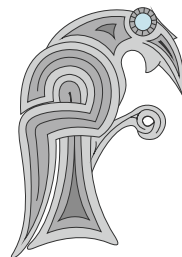
OPERA

ROTAS

К XIII—XIV подобные заклинания настолько «вошли в моду», что их стали записывать в том числе и рунами; так, например, три первые строки квадрата SATOR мы можем видеть на донце резной деревянной чаши из Эребро (остальная часть донца обломлена).

Обломок дна резной деревянной чаши Эребро с частью «магического квадрата» SATOR, записанного Младшими рунами. Швеция, начало XIV века

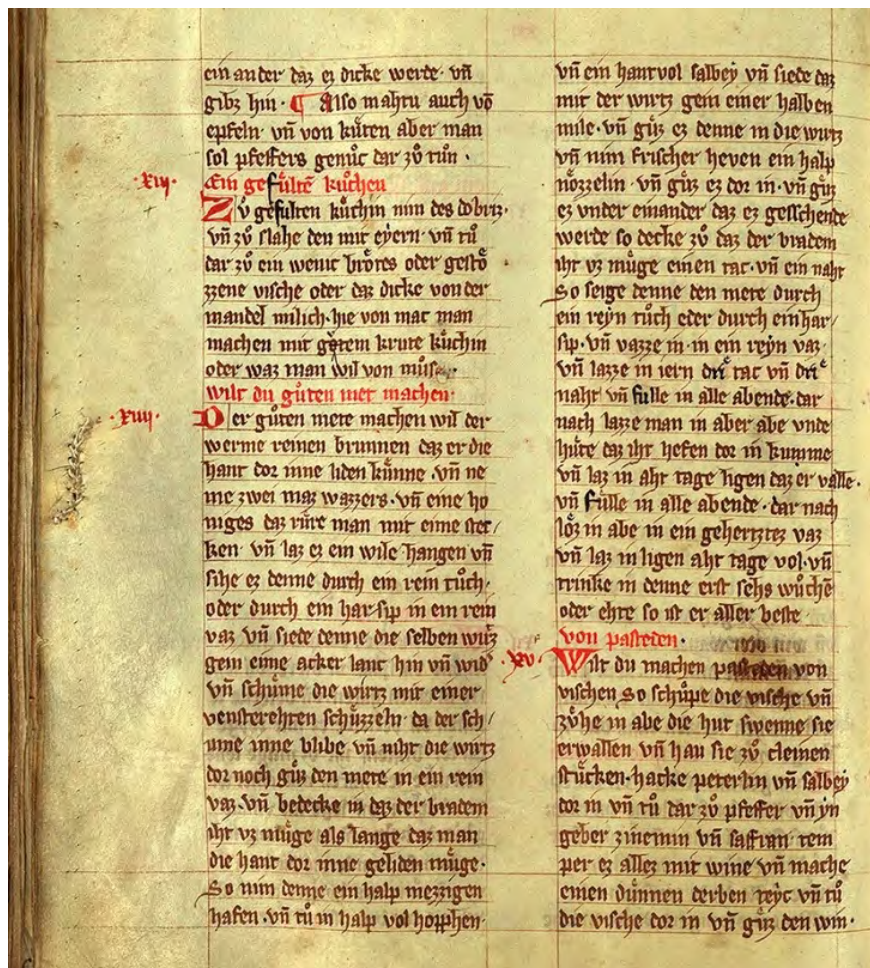
Helna
LOHEN

Как сварить мёд. Рецепт XIV века и современная адаптация

Художник: Крис Вервимп.

Обложка альбома Valdr Galga, шведская группа Thyrfing

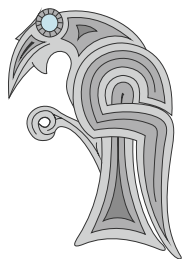
Вот и он — первый записанный немецкий рецепт мёда.

Обратите внимание, как трогательно зашита дырочка рядом с началом этого рецепта — он под номером XIII. А в первую строку следующего рецепта XV кто-то тыкал жирным пальцем.

Страница рукописи «buoch von guoter spise» (1350) — Книга о хорошей еде. Рецепт приготовления мёда — под номером XIII

23...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р№ 25
2019

Расшифрованный текст

В 1844 году некое немецкое общество любителей древностей решило издать рукопись первой сохранившейся поваренной книги «*buoch von guoter spise*» (1350) — Книги о хорошей еде. Расшифровка:

14. *Wilt du guten met machen.*

Der guten mete machen wil. der werme reinen brunnen. daz er die hant dor inne liden künne. und neme zwei maz wazzers. und eine honiges. daz rüere man mit eime stecken. und laz ez ein wile hangen. und sihe ez denne durch ein rein tuch. oder durch ein harsip in ein rein vaz. und siede denne die selben wirtz ¹⁾ gein eime acker lanc hin und wider. und schume die wirtz mit einer vensterehten ²⁾ schüzzeln. da der schume inne blibe und niht die wirtz. dor noch giuz den mete in ein rein vaz. und bedecke in. daz der bradem niht uz müge. als lange daz man die hant dor inne geliden müge. So nim denne ein halp mezzigen hafan. und tu in halp vol hoppfen und ein hant vol salbey. und siede daz mit der wirtz gein einer halben mile. ³⁾ und giuz ez denne in die wirtz. und nim friseher heven ein halp nözzelin. ⁴⁾ und giuz ez dor in. und giuz ez under ein ander. daz ez geschende ⁵⁾ werde. so decke zu. daz der bradem iht uz müge einen tac und eine naht. So seige denne den mete durch ein reyn tuch oder durch ein harsip. und vazze in in ein reyn vaz. und lazze in iern ⁶⁾ drie tac und drie naht und fülle in alle abende. dar nach lazze man in aber abe. und hüete daz iht hefen dor in kumme. und laz in aht tage ligen. daz er valle. und fülle in alle abende. dar nach loz in abe in ein gehertztez ⁷⁾ vaz. und laz in ligen aht tage vol. und trinke in denne erst sechs wuchen oder ehte. so ist er allerbeste.

¹⁾ Sonst vom Bier gebraucht: *brasium, cerevisi primæ cocturæ*, Frisch 2, 461. — ²⁾ durchbrochene Schüssel, Sieb. — ³⁾ Vgl. oben: *gein eime acker lanc hin und wider*; wir bezeichnen jetzt die Länge durch die darauf zu verwendende Zeit. — ⁴⁾ Nösel, ein halbes Quart; ein halbes N. *cotula, hemina*, Frisch 2, 21. — ⁵⁾ *gäschen* = gähren, Frisch 1, 320. Mhd. *jesen*, wie noch jetzt in der Schweiz; vgl. *iern*. — ⁶⁾ gähren. — ⁷⁾ *ausgepichtes*?

Перевод на русский:

Если хочешь сделать хороший мёд, нагревай чистую воду до тех пор, пока можешь держать в ней руку. Возьми две меры¹ воды и одну меру мёда. Перемешай палкой и оставь на некоторое время. Затем перелей всё в чистую бочку через чистое полотно или волосяное (мелкое) сито. И кипяти столько времени, сколько потребуется, чтобы пройти по полю один акр² туда и обратно (интересно, народ в Средневековье время шагами отмерял)).

Снимай пену дырявой миской (шумовка или дуршлаг)³. Пена должна оставаться в шумовке, а жидкость — нет. Затем слей мёд в чистую бочку и закрой ее, чтобы пар не выходил, — до тех пор, пока не сможешь опустить в него руку.

¹ 1 мера = 1,069 л.

² Довольно сложно пересчитать в минуты такой променад, но я попробую. Акр, или морген, у всех был очень разный, зависел от твёрдости почвы и того, какой участок земли могла вспахать за 1 рабочий день, т.е. с утра до вечера или в иных регионах с утра до обеда, упряжка быков. Если брать площадь баварского моргена (акра) 0,34 га, а ширину полосы 1 баварская рута = 2,9 м, то выходит, что надо пройти где-то 2,3 км, т.е. минут 25-30.

³ Бгг, слова «дуршлаг» в средневерхнемецком ещё не было. В тексте сказано: *mit einer vensterehten schüzzeln* — миской, через которую просыпается, рассеивается содержимое. Видимо, вскоре некий гутенберг придумает приделать к дырявой миске ручку, и появится тот самый дуршлаг, и пойдёт он по свету победным маршем, и завоюет он мир, и станет он сакральным предметом и церковной утварью, и потомки того гутенберга будут фотографироваться в нем на паспорт...

Дальше возьми мерный стакан⁴ и наполни его наполовину хмелем, насыпь пригоршню шалфея и кипяти вместе с мёдом полмили⁵.

А затем возьми половину ореха (сколько поместится в половину ореховой скорлупы) свежих (живых) дрожжей и также добавь их. И перемешай всё, чтобы оно начало бродить. Прикрой крышкой так, чтобы газы могли выходить, и оставь на 1 день и 1 ночь. Затем отфильтруй мёд через чистую ткань или через мелкое сито.

Перелей его в чистую бочку, дай ему побродить в течение трёх дней и трёх ночей. Фильтруй каждую ночь.

Затем дай мёду спокойно постоять 8 дней, защити от попадания дрожжей (хорошо прикрой), а когда он осядет (дрожжи/осадок опустятся на дно) — доливай⁶ его каждый вечер (осторожно, чтобы не взбалтывать осадок на дне).

Наполни им смоляную бочку и оставь его на 8 дней, не трогая и не взбалтывая. Пей в течение следующих 6-8 недель. Тогда он самый лучший.

На все про все три недели!

Любопытно, что в Средневековье для приготовления мёда использовались живые (культурные) дрожжи. Хотя мы помним из Эдд, что германские боги (читай, прагерманские народы) варили хмельные напитки, ферментируя их слюной. Проще говоря, все плюнули в котёл — получился квас. Произошло это в момент примирения асов и ванов, т.е. где-то очень примерно за 2500 лет до н.э. Налицо естественное брожение без всяких культурных дрожжей.

Википедия сообщает, что пиво египтяне начали варить за 6000 лет до н. э., а к 1200 году до н. э. научились печь дрожжевой хлеб. Т.е. людям дрожжи в каком-то виде известны были, но когда они «окультуривались» и доползли из Египта до Европы, неизвестно.

Адаптированный рецепт

Ниже привожу перевод этого самого рецепта, осмысленного и переработанного современными викингами из Дуисбурга, клан Corvus Monedula.

Расчет приведен для получения 25 л мёда.

Ингредиенты:

- дрожжи (пекарские или винные, например, дрожжи от компании VINA, пузырек 47 мл, жидкие)
- 6-8 кг мёда;
- 3 л натурального нефильтованного яблочного сока (или яблок для получения сока);
- 3 кг сахара;
- вода (кипяченая)

Оборудование:

- бродильный бочонок на 25 л с краником
- бродильный шпунт для бочонка, он же гидрозатвор
- сливной шланг
- кизельзоль (соль кремниевой кислоты для фильтрации напитков) и желатин для осветления

Как варить:

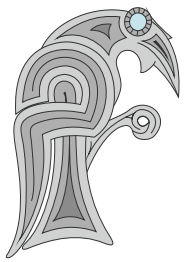
Во-первых, вы должны тщательно вымыть всю используемую посуду, чтобы в мёде не размножилось и не выросло ничего лишнего. Сначала делают «стартер». Для этого наполните полуторалитровую бутылку как можно более темного стекла яблочным соком в количестве от 3/4 до 1 литра. Добавьте 80 г сахара и немного винных дрожжей, около 10 мл. Хорошо перемешайте ингредиенты в бутылке и дождитесь газиков CO₂.

Примерно через 24 часа при перемешивании в смеси должно образоваться много маленьких пузырьков. Сахар образует пищу для дрожжей, а яблочный сок благодаря своей взвеси — основу для «прилипания».

⁴ Думаю, средневековые стаканы не слишком отличались от современных по размеру, поэтому пусть будет 0,3 л.

⁵ Ясен пень, столько времени, чтоб эти полмили пройти — если брать немецкую милю 7533 м, то это 45 минут.

⁶ Очевидно, имеется в виду водой.

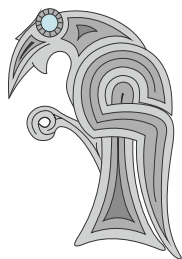

25...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

Теперь можно подготовить бродильный бочонок. Растворите 5-6 кг мёда в теплой кипяченой воде, добавьте оставшийся яблочный сок и сахар (предварительно растворите сахар) для дальнейшего питания дрожжей. Когда смесь охладится до комнатной температуры, залейте «стартер» в бочонок. Хорошо его покачайте, чтобы всё как следует перемешалось. Закройте бочонок гидрозатвором.

Пусть всё это бродит 10-16 недель. Время от времени взбалтывайте содержимое. Воду в гидрозатворе нужно регулярно менять. Между делом можно подкармливать дрожжи мёдом, если они теряют свою силу и едва пузырятся. Кроме того, так вы сможете регулировать сладость, пробуя содержимое на вкус (попытайтесь игнорировать вкус дрожжей), и при необходимости подслащивать медком.

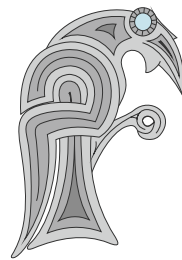
Когда дрожжи перерабатывают мёд, уменьшается сладость. Добавляемый мёд всегда следует растворять в теплой кипяченой воде. С каждой новой варкой мёда вы будете все лучше понимать, как идет ферментация и сколько еще надо сахара.

Если через 16 недель процесс закончился (спирт больше не вырабатывается, так как дрожжи умирают при определенной концентрации), добавьте сначала для осветления кизельзоль, потом быстро взболтайте и сразу добавьте желатин. Вся оставшаяся в меду взвесь должна опуститься на дно бочонка. Мёду нужно дать постоять 4-6 дней, чтобы осадок полностью осел, а потом сливать.

Перелейте мёд с помощью сливного шланга в 5-литровый (или большего объема) бак. Оттуда уже можно будет переливать в бутылки. Но перед этим нужно будет попытаться — пропустить мёд через кофейный фильтр, чтобы полностью избавиться от осадка.

Если результат вас не очень порадовал, не расстраивайтесь второй мёд будет лучше! ❖

К образу Локи в контексте шутовской культуры

Алексей
ГЛАЗАЧЕВ
(АНДВАРИ)

После этого Локи скрылся, приняв образ лосося, в водопаде Франангр. Там боги изловили его. Он был связан при помощи кишков его сына Нарви (убитого богами); а сын его Вали превращён был в волка. Скади взяла ядовитую змею и прикрепила её над головою Локи, так что яд (из змеиной пасти) падал ему на лицо. Сигин, жена Локи, села возле него и подставляла чашу под падавший яд. Когда чаша наполнялась, она выливала её содержимое, и яд в это время падал на Локи. Тогда он бился так сильно, что горы дрожали. И это было названо землетрясением.

Перебранка Локи.

Перевод С. Свириденко

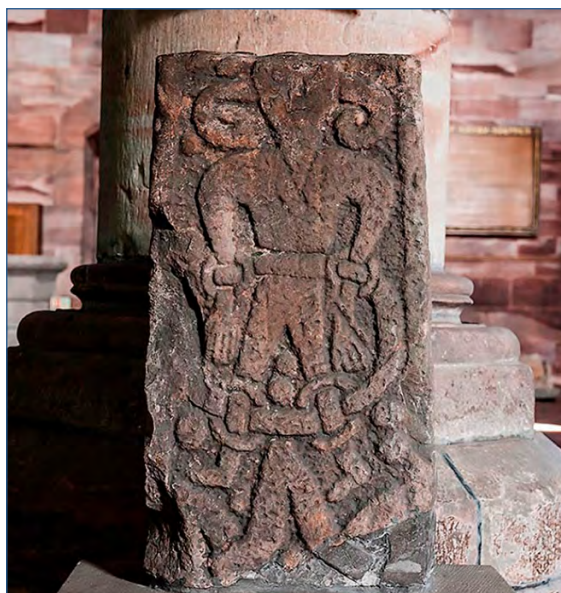
Камень Локи — резное изображение связанного бога Локи VIII века н.э. Это одна из двух известных на настоящий момент резных фигур Локи. Мы не знаем, ни кто сделал камень, ни как он очутился в церкви Киркби Стефан (Kirkby Stephen), что в графстве Камбрия, Великобритания, но он напоминает нам о вторжениях северян в эти земли в эпоху викингов.

Неизвестно, где камень был сделан изначально. Известно, что он перемещался в течение нескольких столетий, пока не осел среди старых надгробий за пределами восточной части приходской церкви Святого Стефана. К счастью, теперь он нашёл свой дом внутри церкви, прямо напротив южной двери, и посетители могут сразу увидеть его при входе.

Камень прямоугольной формы имеет высоту около 1 метра. Датировки разнятся от VIII до X веков, но наиболее распространённая дата — это VIII век, самое начало эпохи викингов. Один из уникальных аспектов резьбы состоит в том, что она продолжается поверх камня. Фигура Локи находится на поверхности, обращённой к зрителю, когда мы смотрим на камень, но резьба продолжается на вер-

шине камня, как если бы вертикальная поверхность была недостаточно большой, чтобы передать все, что скульптор хотел показать. Стороны камня имеют простой переплетённый геометрический рисунок.

Церковь не имеет официального посвящения святому. Нет ни каких-либо факти-

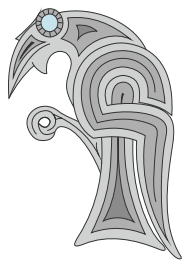

Камень Локи. Общий вид

27...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

ческих обоснований, ни ссылок на святого Стефана, также не имеют фактической поддержки слухи о предыдущем посвящении святому Иоанну. Тем не менее церковь часто называют «церковью Святого Стефана».

А вот что про камень Локи пишет сама церковь Святого Стефана¹:

«Самый знаменитый резной камень в приходской церкви Киркби Стефана стоит у колонны, напротив которой вы оказываетесь, когда входите. Это так называемый камень Локи или связанный дьявол. Очевидно, это часть крестовой плиты². Интересно, что его ноги показаны в профиль. Его рот, глаза и нос высечены в камне. V-образный разрез ниже подбородка может быть бородой или открытым вырезом его одежды. Изогнутые отростки, похожие на рога барана, выступают по обеим сторонам его головы. Ремешок проходит через его талию и за ноги, а его запястья и икры связаны с этим ремешком кольцами».

Люди ломали голову над этим изображением с тех пор, как оно было обнаружено в основании алтаря во время перестройки церкви в 1847 году. Эксперты утверждают, что деформированные мужчины с большими плечами и висящими руками типичны для культуры викингов Нортумбрии и на острове Мэн. Говорят, что кольцевые и пряжкоподобные крепления имеют долгую историю в скандинавском искусстве. Резьба, безусловно, викингов, датируется где-то между 900 и 1000 гг. Но кто эта рогатая фигура?

Есть предположение, что это вовсе не рога, а просто украшение. (Но если вы выйдете и посмотрите на ближайший купол Свалдейла, то увидите рога, очень похожие на рога на камне Локи).

Учитывая все эти неопределённости, мы в церкви Киркби придерживаемся теории, что фигура — это связанный дьявол, возможно, Локи. Возможно, на первоначальной могильной плите над ним была фигура Христа-Искупителя, возвышенного над дьяволом. Если это так, то плита стала бы аналогом северного камня из Госфорта, где на плите изображена легенда о том, как Тор ловил сына Локи, Йормунганда, змея зла, окружившего Землю, и не сумел уничтожить чудовище, — над ним на другой плите Агнец Божий топчет змея. Послание: где Древние Боги потерпели неудачу, Христос торжествует».

¹ Официальный сайт церкви <https://www.ksparishchurch.com/loki-stone>

² Крестовая плита — вертикально стоящий камень, как правило, с изображением креста. Широко использовался как могильный камень в средневековье.

Ещё одно изображение камня Локи

Есть и второе изображение Локи. Это ещё менее известный камень в небольшом музее в шотландской деревне Мейгл (Meigle). Мне не удалось найти про него практически никакой информации, но мы также можем наблюдать некие отростки из головы Локи.

Локи (?) на камне из Мейгл

И ещё одно изображение Локи на печном камне из Снаптуна, Дания.

Данное изображение атрибутируется как Локи с зашитым цвергами ртом (известный сюжет про спор цвергов и Локи). И снова, в третий раз, мы видим какие-то наросты на голове.

Впервые увидев изображение камня Локи, я задался вопросом: «А что у него рядом с головой?»

Вот список предположений:

1. Это рога. Но ни в одном из древних текстов мы не находим упоминания, что Локи был рогат.

2. Это змеи. Возможно, таким образом автор хотел изобразить змею, нависающую над лицом Локи.

3. Это часть кишков Нарви, которыми связан Локи.

4. Это часть одеяния Локи. И, глядя на Локи, я вспоминаю о шутовском колпаке. Есть ли здесь связь?

Камень Локи напомнил мне другое известное изображение, а именно вот это:

Подписанное как изображение XVIII века из исландского манускрипта SÁM 66

Здесь головной убор Локи весьма похож на шутовской колпак.

Локи — одна из самых противоречивых фигур скандинавской мифологии. Не утихают споры о его отношениях и возможном родстве с Одином. Но в одном практически все солидарны: Локи — трикстер, джокер, шут.

Краткий обзор сюжетов, связанных с Локи, подтверждает, что Локи не демон огня, а комически-демоническая фигура (и комизм, и демо-

низм Локи истонные), отрицательный вариант культурного героя (положительный — Один) и мифологический плут-трикстер с отчётливой хтонически-шаманской окраской (присущей также и Одиному). Участие в оживлении первых людей, изобретение рыболовной сети, добытие сокровищ для богов у цвергов — все это типичные деяния культурного героя, а «похищение» — типичная форма добывания культурных благ в архаической мифологии. Правда, речь здесь идёт не о первоначальном добывании, а о перераспределении каких-то ценностей, похищении их у великанов для богов и обратно, циркуляции этих ценностей между различными мирами. В этой посреднической роли Локи, так же как в его способности превращаться в рыб, птиц, насекомых, ластоногих, изменять свой пол, сказываются шаманские черты. Трюки, с помощью которых Локи достигает цели, и его шутовские проделки и переодевания специфичны для трикстера. Локи — отец хтонических чудовищ, в том числе хозяйки подземного царства мёртвых, виновник и одновременно «козел отпущения» в ритуальном убийстве Бальдра, участник борьбы с богами в Рагнарёк. Локи — двойник Одина в космологических и этиологических мифах и его антипод в эсхатологических. Если же учесть хтонические и шаманские черты Одина, а также вероятность гипотезы о том, что именно он — тайный виновник жертвоприношения Бальдра, то можно допустить тесную генетическую близость Локи к Одиному³.

*Судьба, в которую влюблён,
Даёт мне право
Смеяться даже над королём!*

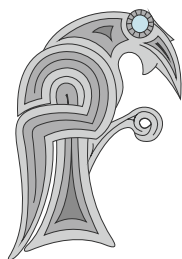
Король и Шут. Гимн шута

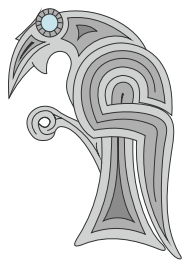
Какой образ рождается у вас в голове при слове шут? Скорее всего, это будет человек в ярком одеянии с колпаком на голове. Возможно, таким:

Обложка альбома группы Алиса «Чёрная метка»

³ Текст с сайта <http://norroen.info/wiki/Локи>

Обложка альбома группы Король и Шут «Как в старой сказке»

А возможно, таким:

Станчик, Ян Матейко, 1862

Чтобы прояснить, что же это за материя такая — шут, воспользуемся карточной колодой. В любой колоде должен быть джокер, изображение которого весьма напоминает шута, не так ли? Отличительные символы шута — скипетр и колпак с бубенчиками — есть и на карте с джокером. Джокер всегда в игре. При этом в иерархии колоды он не имеет порядкового номера, просчитать его невозможно. Игра теряет всякую логику, когда появляется эта карта. Нельзя быть уверенным до конца в исходе игры, пока не сброшен джокер. Так и шут постоянно нарушал ритм жизни двора своим присутствием.

Как получилось, что символами шута стали скипетр и колпак с бубенчиками?

Существенной составной частью костюма в Европе были башлык, колпак или чепец. Эти головные уборы носили все — и простые крестьяне, и знать, и короли. Но в конце XIII века колпак уже вышел из моды и был, скорее, насмешкой, признаком, по которому шута отличали от прочих граждан. Три длинных конца колпака символизируют ослиные

уши и хвост — атрибуты карнавальных костюмов во время римских Сатурналий и «ослиных процессий» раннего Средневековья.

Жезл или скипетр шута — некое подобие королевского скипетра. Шут показывал высоту своего положения, особые отношения, которые связывают его с господином. Во французском языке скипетр шута обозначается словечком «marotte», что буквально означает «каприз», «причуда». Одежда шута, как правило, шилась из зелёных и жёлтых тканей. Эти цвета символизировали слабоумие, сумасшествие. Колпак шута, а иногда и скипетр, да и весь костюм обязательно украшались бубенчиками. Это символ дисгармонии окружающего мира. Ещё один атрибут шутовского костюма — трещотка. В стародавние времена с помощью таких трещоток население оповещали о надвигающихся болезнях, эпидемиях⁴. Шут был символическим близнецом короля. Ему позволялось больше, чем кому-либо, под видом шутки он мог говорить о том, что другим было не дозволено.

Как тут не вспомнить:

Локи сказал:

«Один, когда-то —
помнишь ли? — кровь
мы смешали с тобою, —
сказал ты, что пива
пить не начнёшь,
если мне не нальют».

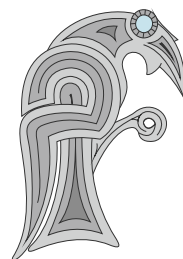
Перебранка Локи.

Перевод А.И. Корсуна

Согласно господствовавшему тогда мировоззрению, сумасшедшие или юродивые обладали даром предсказания, а значит, могли заглянуть в будущее. Считалось, что они особо отмечены богом. К таким людям относились со смешанным чувством страха и уважения, полагая, что они способны к колдовству. Церковь объясняла, что всякая власть от бога, а значит, монарха, властителя тоже полагают посланцем Господа. Поэтому между юродивыми и властями предерживающимися должна была существовать некая тайная связь.

Эта божественная связь с правителем отличала юродивого от прочих придворных. В противовес всему остальному окружению монархической особы шут был наделён правом говорить что хочет и когда хочет, ибо его устами глаголил сам Господь Бог. В Европе мода на шутов появилась во времена кресто-

⁴ Детлеф Блюм. Тайна дворцового шута

вых походов. Уже в XIII веке придворные шуты были почти при всех европейских дворах. В 1316 году король Франции Филипп V платил своему шути жалованье из государственной казны. Шутство было возведено в ранг государственного института. Столетием позднее каждый уважающий себя дворянин имел в своём окружении одного или даже нескольких шутов. Впрочем, мистическая составляющая личности шута канула в Лету. Придворными шутами становились не юродивые; их выбирали среди бродячих артистов, фокусников, музыкантов. Шутство распространилось повсеместно. В городах появились целые артели профессиональных шутов. Шут по определению дерзок и непослушен, груб и одновременно остроумен (типичный Локи). Ему все время приходилось отстаивать своё положение при дворе, так как правовых гарантий у него не было никаких. Расцвет шутства наступил с подлинным укреплением европейских монархий, когда все дворы обзавелись своими резиденциями, государственным аппаратом. Вот тогда наши герои были официально наделены правами и заняли своё место в иерархии двора.

Поговорим о делах амурных. В то время браки по любви среди высшего сословия были крайне редкими. При королевских дворах это вообще исключалось. Женились и выходили замуж, руководствуясь стратегическими интересами: ради того, чтобы, например, укрепить род, преодолеть многолетнюю вражду, укрепить политический или военный союз... Каждый правитель скрывал свои планы относительно государственного устройства от собственной супруги. Он не имел права доверять ей до конца, так как всегда была вероятность, что интересы родительской семьи окажутся для неё превыше интересов мужа. Доверять придворным тоже было нельзя. Эти могли предать ещё быстрее. Шуты, таким образом, оставались единственными в их окружении, у кого не было ни династических, ни карьерных, ни каких-либо иных интересов предавать своего хозяина.

Безусловно, можно отчётливо проследить связь между шутами и Локи, но проследить связь между «рогами» Локи и шутовским колпаком вряд ли возможно. Тем не менее автор будет рад, если данная работа послужит вдохновением для дальнейших исследований.

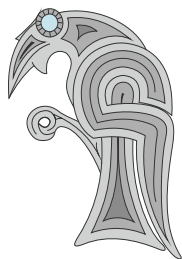

31...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

Создание современных языческих алтарей в духе Северной Традиции

Часть 2

БЬЯРКА
(Елена КИСЮРА)

С первой частью вы можете ознакомиться в 24 номере нашего журнала.

Дорогие друзья, хочу вам рассказать предысторию, как я написала эту статью. Этот номер посвящен Мидсаммеру — Солнечному Солнцестоянию.

Мидсаммер — важная точка Колеса Года в Северной Традиции, когда достигается максимум сил для реализации наших ресурсов. Энергия Солнца в это время способствует тому, чтобы мы смогли в полной мере реализовать свои знания в опыте, преодолевая инертность наших страхов.

Кто живет по циклам Колеса Года, тот понимает, что сама Вселенная поддерживает нас в определенные периоды. На Йоль мы выбираем различные направления развития, на Остару конкретизируем наш Путь, на Мидсаммар достигаем апогея реализации и продолжаем на максимуме сил двигаться к результату, который получим на Зимние Ночи.

В Северной Традиции мы можем обращаться к богам за покровительством и наставлениями в каждом периоде Колеса Года. К кому можно обратиться за знаниями и материализацией своих идей и одновременно за силами в борьбе со своими сомнениями? Конечно, к Одину.

Так вот, к чему это я? Решила я написать статью в этот номер про создание алтаря Одина. Однако, статья не ладилась, не сочинялась, не собирались пазлы знаний и опыта взаимодействия с Одином через алтарь. У меня вообще такое редко бывает, чтобы настолько творческий затык ощущать — просто тишина.

Думаю: «Так-так-так, что же мне нужно сделать? Пообщаться с Одином!»

Я подошла к своему алтарю (фото алтаря вы видите), поприветствовала Всеотца, зажгла свечи. И тут вспомнила! Я же подарок привезла Одину из путешествия и забыла отдать — чистейший снежный мрамор из самого сердца Города Богов Термессоса.

Дело было в среду, в День Одина. Я сделала то, о чем, в принципе, хотела написать в своей статье — общение с богами через алтарь. И открылся творческий поток, ибо Один еще и Бог Вдохновения!

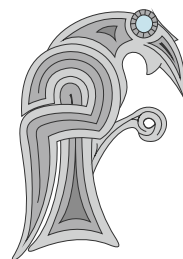
... 32

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

Итак, как создать алтарь Одину, учитывая все тонкости многогранности его личностей, составляющие его Сущность?

У Одина более 170 имен, ни один другой бог или великан скандинавского пантеона не имеет такого внушительного количества имен. Его основное имя, Один (Óðinn), происходит от древнегерманского слова со значением «ярость берсерка» и указывает на его связь с трассовыми состояниями. Действительно, Один — это бог экстаза, бури, поэзии, вдохновения, заклинаний, рунической магии гальдра, путешествий по мирам, битвы, смерти и преобразования. Практикующие Северную Традицию знают, что Один также бог мудрости, ясности ума, поиска знаний, проявления материального мира и божественного порядка.

Вот только некоторые из его имен: Водан, Один («Ярость» или «Неистовство»), Альфадир («Всеотец»), Херьян («Владыка»), Вунш («Желание» или «Воля»), Игг («Ужасный»), Вератюр («Бог жизни»), Фимбультюр («Могучий бог»), Хрёд («Рычащий»), Свипаль («Изменчивый»), Ганглери («Странник»), Хангауд («Бог повешенных»), Гейрвальд («Владыка копья»), Хертейт («Радующийся войне»), Глапсвид («Соблазнитель»), Текк («Желанный»), Саннгеталь («Находящий правду»), Оски («Исполнитель желаний»), Сигфёдр («Отец победы»), Гримнир («Скрытый под маской») и Харбард («Седобородый»).

Такое обилие прозвищ, или хейти, у Одина свидетельствует об особом уважении и почтении.

И это позволяет с уверенностью утверждать, что Один способен принимать многие обличья и проявляться в самых разнообразных ипостасях. Сложность его натуры может запутать непосвященного в Северную Традицию, а практику эта сложность дает огромные возможности для взаимодействия с могучей Силой Одина.

Давайте вспомним про триединство Одина — Один-Вили-Ве. Трехликий бог,

который создал миры Иггдрасиля и человечество.

Один — Правитель, который знает, что происходит во всех 9 мирах. Он глава скандинавского пантеона Богов, Всеотец, а значит, вход в этот пантеон через Одина. Обращаемся к этой идентичности, когда нужно получить ответы, рассудить свои внутренние голоса: как поступить правильно, как начать управлять своей жизнью, как распределять правильно энергию, какие приоритеты поставить, чтобы вся жизнь была гармоничной.

Вилли — Воля (материальный мир и энергия) — это Воин.

Сильной волей может обладать только Духовный Воин.

Один в ипостаси Вили — воинственный Бог, к этой идентичности можно обращаться, когда речь идет о внутреннем или реальном бое. Когда нужно сделать то, что не хочется или лень, но полезно для нашего развития. Когда надо защитить себя и близких, если есть реальный враг (завистники, например). Когда

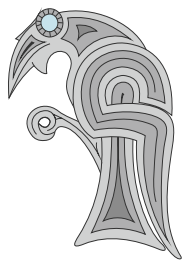

33...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

мало энергии. Когда хотите реализовать свое желание и готовы действовать в этом направлении, идти к своей цели. Когда нужно научиться контролировать эмоции.

Ве — Священный (тонкий мир и информация) — это странник и северный шаман.

Один в своем шаманском путешествии по 9 мирам Иггдрасиля узрел руны и передал их в разные миры, в том числе и людям в Мидгард.

Один-Ве — странник, который путешествует по мирам в поисках знания и мудрости и готов к жертвам ради этого священного знания (отдал глаз Мимиру за знания, покрыл себя позором и осуждением, когда Фрейя обучала его сейду, потому что считалось, что мужчинам негоже и постыдно заниматься этим видом магии и т.д.).

Обращение к Одину-Ве: духовное развитие, расширение сознания, медитация, связь с Духом, понимание рун и способность управлять руническими энергиями, способность принимать, раскрывать, понимать и применять сакральную информацию о рунах.

На прошлый Мидсаммер я беседовала с Одним и попросила совета: рассудить, направить на приоритеты в бизнесе и, возможно, даже отказаться от какого-то проекта. Тогда я очень уставала, мало спала, потому что вела одновременно 3 проекта (обучение рунам, обучение кристалльным энергиям и магазин на-

туральных камней). Я чувствовала выгорание. И знаете, что Один сказал мне? Он сказал, что как он может быть одновременно Одним-Вили-Ве, так и я могу быть полностью реализована в трех проектах. Сказал, что у меня достаточно сил, ума и любви к этим проектам, чтобы жить одновременно в трех идентичностях! Я была удивлена и восхищена таким ответом. Я почувствовала такой прилив сил, что наполнилась «яростью берсека» и почувствовала непоколебимую уверенность в том, что справлюсь с этим и буду получать не только прибыль, но и радость от исполнения своего Предназначения.

Прошел год. Все 3 моих проекта успешно развиваются. И я каждый день чувствую поддержку Одина и других богов в этом процессе!

Как же создать алтарное пространство так, чтобы максимально близко сонастроиться с божеством, начать слышать его наставления и напрямую получать Силу? Основные принципы создания алтарей я уже описала вам в прошлых выпусках «Северного Ветра».

А сейчас поговорим о создании алтаря Одина

1. *Ориентируем* алтарь на Север. *День активации* и основных обращений к Одину — среда.

2. *Цвета* — темно-синий, синий, фиолетовый и белый как символ мудрости.

В таких цветах подбираем полотно, свечи и другие элементы алтаря.

3. *Камни* — лазурит, содалит, дюмортьерит, родусит, аzur-малахит, флюорит (фиолетовый), аметист (друзы, жеоды, шары), иолит, сапфир, мистик-мерлинит (габбро), мерлинит (бело-черный дендритический агат), фантомный кварц, гематитовый кварц, горный хрусталь (друзы, жеоды, шары), эгирин, эвдиалит, кианит, мрамор, горный хрусталь.

4. *Руны* — все. Особенно Ансуз, Гебо, Эйваз, Альгиз, Совило, Эваз, Дагаз, Одал. Очень благоприятно периодически выкладывать Рунический Круг на алтаре, тем самым активирова свои руны. Когда вы

не работаете с рунами, храните их на алтаре Одина. Так же, по моему опыту, Один дает очень четкие наставления через Руну Дня — вы обращаетесь к Одину с вопросом или с просьбой в совете, затем тянете руну из мешочка.

5. Тотемы — вороны, волки, восьминогий конь.

6. Растения — тис, ясень, хмель.

7. Символы — копье Гунгнир, рукописи, гримуары, пивные бочки и кружки, глаз, Валькнут, изображение Одина в разных идентичностях (правитель, воин, странник, северный шаман), инструменты для шаманских путешествий (из Северной Традиции — конь Слейпнир, гальдраставы, изображение Древа Иггдрасиль, можно брать из других традиций — варганы, поющие чаши).

8. Аромамасла — любые «мужские» и сакральные — кедр, базилик, ветивер, тимьян, чабрец, ладан, мирт, элейми, кунцея. Можно брать благовония с этими ароматами или создавать собственные аромасмеси для аромаламп и посвящать Одину.

9. Дары и подношения, жертвы — приготовленное мясо, пиво, эль, коньяк, бальзамы из трав, мед.

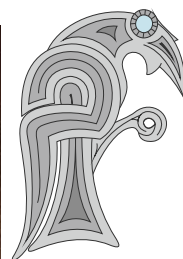
Создавая алтарь для Одина, думайте об Одине, изучайте его по сагам и Эддам, проводите его идеалы и ценности в мир, активно и регулярно взаимодействуйте с Одним

через медитации, привозите ему подарки из своих путешествий, особенно с Мест Силы. И тогда вы соедините свое сознание с божественным сознанием Одина. А когда это произойдет, вы получите мощнейший прилив сил, вам откроются многие тайны и смыслы жизни, вы будете ощущать защиту и покровительство буквально на физическом уровне!

Счастливого Мидсаммера и успешного взаимодействия с Богами!

С любовью, ваша Бьярка.

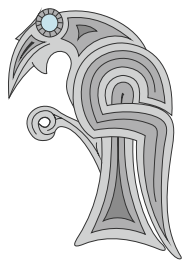

35...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

Положение женщины в германской и кельтской культурах

Svetlana HUSSER

Часть 2¹

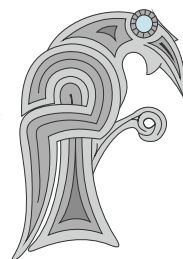
Итак, поговорим о кельтах. У кельтов также господствовал матриархальный уклад, однако нужно заметить, что особенно сильно подобные традиции были распространены среди жителей Британских островов. На это указывает, например, тот факт, что богини островных кельтов занимали центральное место в их пантеоне богов, и среди них особенно ярко выделяется важная триада богинь войны — Бадб, Маха и Морриган. Местные героические предания приписывают именно женщине открытие и заселение Ирландии. Племенная сага галатов (одно из кельтских племен) также отводит женщине ведущую роль. Многие женщины упоминаются в кельтских преданиях как основательницы племен и поселений, предводительницы, воительницы, культурные героини, вестники, волшебницы и так далее. Они определенно занимали значимые общественные позиции, сопряженные с большой ответственностью и уважением к исполняющей их персоне.

После этого кажется довольно логичным, что женщины островных кельтов имели право на владение землей и иным движимым и недвижимым имуществом, которое они могли передавать дальше по материнской наследственной линии. Как это все еще просматривается в более поздних легендах о Граале, переселенцы и завоеватели могли легализовать свою власть над землей только в том случае, если они вступали в брачную связь с местными женщинами.

Женщины и сами упоминаются в качестве предводительниц и завоевательниц. Вспомним знаменитую Боудику, королеву иценов, возглавившую большое восстание британских племен против римских захватчиков в 60-61 годах н.э., или чуть менее знаменитую Картимандую, королеву племени бригантов, установившую дружеские отношения с пришедшими римлянами и ставшую предательницей в глазах собственного народа. Валлийское законодательство предписывало королеве третью часть от всей военной добычи и податей, собранных в результате судебных разбирательств.

¹ С первой частью исследования вы можете ознакомиться в 24-м номере нашего журнала.

Кельтские женщины считались храбрыми, отважными и не уступающими в силе мужчинам. Упоминается даже, что среди пиктов существовала отдельная каста воинственных женщин, которая обучала мужчин искусству владения оружием. Римский историк Аммиан Марцеллин так рассказывает о боевом задоре кельтских женщин:

«Галлы вздорны и высокомерны до крайности. В драке любой из них готов схватиться сразу с несколькими противниками, не имея при этом иной поддержки, кроме как поддержку своей жены, которая часто бывает еще более опытна в боевом искусстве, нежели ее муж. Каждому нужно хоть раз воочию узреть этих мужеподобных женщин, у которых от гнева на шее вздуваются вены, которые размахивают своими снежно-белыми мускулистыми руками, активно используют свои ноги и кулаки и раздают удары и пинки направо и налево, подобно спускаемым катапультам».

В некоторых источниках рассказывается, что часть женщин, подобно греческим амазонкам, жила строго изолированно от мужчин, и встреча с противоположным полом происходила исключительно для зачатия ребенка. В целом же, кельтская девушка имела полное право сама выбирать себе мужа по сердцу, и считалось противозаконным выдавать женщину замуж против ее воли. Если женщина хотела, она могла прожить незамужней всю жизнь и в любом случае оставаться полноправной наследницей имущества своих родителей. Вот как Цезарь описывает деловую сторону брачного вопроса:

«Если мужчина желает заключить брак с женщиной, то он должен заплатить определенную сумму. Женщина также должна внести равную сумму со своей стороны. Каждый год их имущество пересчитывается, а идущая от него прибыль сохраняется. В случае смерти одного из партнеров, второй получает обратно свой изначальный взнос, а также всю накопившуюся с годами прибыль».

Наравне с приданым, женщина могла владеть дополнительным состоянием, так называемой парафернацией (paraphernalia от греч. para-, “рядом с” и pherna, “приданое”). Привнесенное женщиной состояние в большинстве случаев оставалось ее личной собственностью, которая причиталась ей и после развода. Также, в отличие от римских традиций, после свадьбы жена была вовсе не обязана полностью переходить в семью мужа. Ирландские законы предусматривали несколько возможных форм брака, выбиравшихся в зависимости от финансового состояния супруги:

— в том случае, когда женщина имела малый доход и была более низкого происхождения, нежели ее муж, ее права были довольно сильно ограничены;

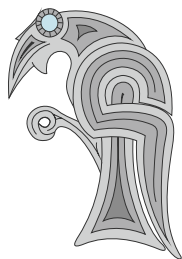
— если муж и жена имели равное финансовое положение и происхождение, то они имели и абсолютно равные права. Жена могла, например, сама заключать и разрывать новые договоры, если они казались ей ущемляющими ее свободу;

— если же жена была богаче мужа, это автоматически делало ее главой семьи, а муж при этом занимал положение “подданного” и “слуги” своей жены.

Если честно, такой подход кажется мне намного более правильным, чем законы позднейших времен, когда (теоретически) удачливый босяк мог жениться на богатой женщине, а потом выкинуть ее на улицу.

В Британии и в Уэльсе замужние женщины могли абсолютно свободно распоряжаться привнесенной ими в семью частью дохода и даже продавать ее без согласия мужа. Также, в случае бездетности, женщине предоставлялось право самой назначать дальнейшего наследника. В случае смерти мужа явное преимущество в этом вопросе имела семья жены. Сильное влияние матриархата в кельтской культуре проявляется и в том, что легендарные герои часто называются сыновьями такой-то матери, а не отца. То есть тут тоже имело место “матерничество”, а не отчество. Отголоски этих традиций сохранились на Британских островах вплоть до наших дней. Так в Ирландии и Шотландии ребенок все еще может взять себе фамилию матери, а не отца. В Уэльсе тоже вплоть до недавнего времени отдельные рожденные в браке или в похожем на брак союзе сыновья могли взять себе фамилию матери или, в случае если мать взяла себе фамилию отца, фамилию материнской семьи. Германские и кельтские женщины имели право голоса на народных собраниях. Они могли свободно участвовать и направлять социальную жизнь своего племени.

37...

Изменения в восприятии социальной роли женщины начались с приходом христианской эры. Вначале старое и новое мировоззрение существовали параллельно друг другу. Так как Библия была написана на латыни, новое учение находило себе сторонников в основном в образованных кругах знати и клира. В деревнях же господствовали старые традиции, и их влияние еще долгое время было чрезвычайно сильно. Там не очень приживались идеи о второстепенности и греховности женщины. Так, хроники показывают, что вплоть до 1500 года деревенские женщины свободно могли выбирать себе профессию, причем не только из спектра так называемых “традиционно женских” занятий, но и из вполне себе “мужских” работ. Сохранились свидетельства о телегостроительницах, бондарьшах, копальщицах колодцев, привратницах, женщинах-кузнецах (!) и строительницах. Женщинам позволялось организовывать собственные гильдии (особенно если дело касалось продажи и изготовления тканей), известны многочисленные торговки и мастерицы, которые, в свою очередь, сами обучали подмастерьев и передавали свое знание дальше. Кстати, интересно то, что практически по всей Западной и Средней Европе второй по частоте “типично женской” профессией (после изготовления текстильных продуктов) было... пивоварение. Конечно, женщины вообще активно шли в профессии, связанные с едой: пекарши, мясничихи, рыбаки, маслобойницы, садовницы... Известно большое количество аптекарш, хирургш, офтальмологинь и повитух, которые, скорее всего, были еще и знахарками. Люди могли обращаться к ним с самыми разными немощами. Надо сказать, во времена раннего Средневековья практически вся медицина все еще лежала в женских руках. Считалось, что подательницы жизни лучше мужчин знают, как эту самую жизнь сохранить...

Однако под давлением христианской идеологии чаша весов все более и более сдвигалась далеко не в пользу женщин. От праведных христианок ожидалось полное подчинение мужу и церкви. Женщина должна была постоянно помнить о своей “греховной природе”, а мужчина постоянно остерегаться искушения, исходящего от женщин... Грустная картина... Прекрасной иллюстрацией духа времени служат вот эти слова немецкого реформатора Мартина Лютера:

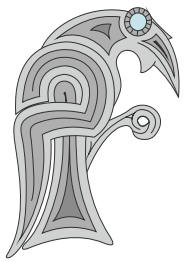
«Со времен сотворения мира от власти женщин никогда не получается ничего хорошего. [...] Когда господь создал Адама и поставил его во главе всего сущего, то на земле стал идеальный порядок и покой. Мудрый правитель знал свое дело. Однако когда пришла женщина и также захотела внести свою лепту, захотела показаться умной, то все развалилось, и мир погрузился в хаос...»

А это мы читаем в «Собрании Средневековых Присказок»:

«Василиск убивает своим ядовитым взглядом, а похотливый взгляд женщины толкает мужчину на стыд и иссушает его, как солнце иссушает сено. Она есть бесовское зеркало, и погибель ждет даже самого праведного мужа, который слишком часто в него смотрится».

Смена настроения налицо и, как мы все помним, закончилось это разгоревшейся в XVI веке охотой на ведьм... Но это уже совсем другая история.

Сайт автора: <https://svetlana.husser.de/>

Жрицы германских племен

Svetlana HUSSER

В своих предыдущих статьях я уже рассказывала о необычном (для своего времени) положении женщин в германском обществе и о том, что женщинам приписывали большую склонность к магии и колдовству, нежели мужчинам. Теперь же мне хотелось бы подробнее рассказать о жрицах и предсказательницах этого народа. Что нам известно об этих неординарных личностях? Какие имена “лесных сивилл” сохранились в истории, и что они рассказывают нам о женской магии древних германцев? Мне хотелось бы дать ответы на эти вопросы и начну я, пожалуй... с Тацита. А точнее — с его знаменитой цитаты о германских провидицах:

«... Ведь германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар, и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями. В правление божественного Веспасиана мы видели среди них Веледу, долгое время почитавшуюся большинством как божество; да и в древности они поклонялись Альбруне и многим другим, и отнюдь не из лести и не для того, чтобы впоследствии сделать из них богинь».

Кем же были упомянутые Тацитом женщины? До наших дней дошло довольно большое количество информации о первой из двух упоминаемых в этом тексте жриц. Согласно рассказам самого Тацита в Истории, а также некоторым строфам его современника, поэта Папиния Страта (Papinius Stratus), Велета была прорицательницей из племени бруктеров, проживающего в то время вдоль берегов реки Эмс (Ems) на северо-западе Германии. Этимологически ее имя связывают с ирландским file “поэт” и кимрским gwel(e)d “видеть”, так что, скорее всего, изначально это слово обозначало любую вдохновенную прорицательницу. Во время восстания батавов под предводительством Юлия Цивилиса в 69 году н. э. Велета предсказала поражение римской армии на Рейне. Так и произошло. Римляне были перебиты, и весь флот в 24 корабля попал в руки бунтовщиков. После этого Цивилис Муний Лупрек подарил Велете захваченного в плен Кастра, командира Ветерского легиона. Ветера — это сегодняшний Ксантен (Xanten), и там до сих пор сохранились остатки древнего римского поселения.

Провидица Велета также играла важную роль судьбы в основанном Цивилисом галльско-германском царстве. Согласно описанию Тацита, она жила в высокой башне, и только избранный ею родственник оповещал жрицу о делах и вопросах, требующих ее мудрого решения, и провозглашал полученные ответы. В 70 году н. э. в ходе ночной вылазки в руки бунтовщиков попал флагманский корабль римского флота, который был немедленно доставлен Велете в качестве подарка. Для этого захватчикам пришлось тянуть ладью вверх по течению реки Липпе (Lippe). Вскоре после этого военная удача отвернулась от германцев, но известно, что римский главнокомандующий Петилий Цериалий тайне пытался сподвигнуть провидицу к переходу на сторону

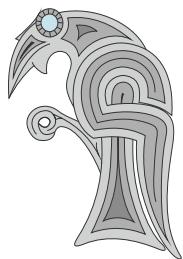
Велета.
Художник Charles Voillemot
(1869)

39...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

римских захватчиков. К сожалению, нам неизвестно, увенчались ли эти попытки успехом, так как на этом месте Тацит обрывает свое повествование. (Моя реакция лучше всего передадут слова небезызвестного попугая из советского мультфильма: “Ах, так! Ах, ах, вот ты как! Ах, вот ты, значит, какой, да?! На самом интересном месте!”) Из уже упомянутых строф Папиния Страта и пасквиля, найденного в 1926 году в городе Ардея (Ardea), следует, что после подавления восстания Веледа попала в плен и была депортирована в Италию (и, кажется мне, ничего хорошего с ней там не случилось...).

К сожалению, о второй упоминаемой Тацитом женщине не известно вообще ничего. Этимологические исследования предполагают, что сохраненные в письменных источниках имена Аурина (Aurinia) и Альбриния (Albrinia) являются искажением изначального германского имени Альбруна (Albruna), “та, что обладает тайным знанием эльфов”, однако эта догадка еще требует окончательных доказательств. Наверное, нам никогда не удастся с полной уверенностью узнать, кто же скрывается за этим именем, однако есть множество других упоминаний различных германских провидиц античными авторами. Так, например, в историческом труде Диона Кассия, а также в «Биографии императора Клавдия» Гая Светония рассказывается о нечеловеческих размеров варварке (barbara mulier, humana maior), которая так испугала командира Друса, что тот отказался от переправы через Эльбу. Можно было бы подумать, что она была “очередной” бесстрашной воительницей, но в описании Светония явно чувствуется налет сверхъестественного:

«Врага он разгромил во многих битвах, оттеснил в самую дальнюю глушь и лишь тогда остановил свой натиск, когда призрак варварской женщины выше человеческого роста на латинском языке запретил победителю двигаться далее».

В «Биографии Вителлия» Светоний также рассказывает о женщине “из племени хаттов, которой он (Вителлий) верил, как оракулу”, а Дион Кассий в другом месте называет германскую провидицу по имени Ганна (Ganna), которая вместе с вождем семнонов пришла в Рим во времена императора Домициана. На глиняном осколке, найденном на египетском острове Элефантина, сохранилось греческое упоминание об еще одной германской провидице (sibylla) по имени Валубург (Waluburg).

Имена Ганна и Валубург представляют немалый интерес с религиозно-исторической точки зрения, так как они восходят к древнескандинавским корням gandr и vǫlr, обозначающим “волшебный жезл”. Скорее всего, подобный жезл был непременным атрибутом скандинавской предсказательницы, так как древнескандинавское vǫlva, которое дословно переводится как “носительница жезла”, употребляется в Эдде и древних сагах как синоним слову “провидица”. Подобный жезл напрямую упомянут в описании прорицательницы в третьей главе «Саги об Эрике Рыжем», которая рассказывает об открытии Гренландии норвежцем Эриком и последующим открытием Америки его сыном Лейфом Эрикссоном. К сожалению, остается неясно, мог ли неизвестный автор XIII столетия воочию лицезреть внешний вид языческой прорицательницы, аналогичный тому, каким он был в X веке (время, в которое разворачиваются описываемые в саге события).

Как бы то ни было, образ могущественных жриц германских народов прошел сквозь века, сохранившись в исторических хрониках, сагах и легендах, а позже перекочевав в народные сказки. Иначе откуда там все эти крестные феи с волшебными палочками и мудрые нищенки на обочинах, помогающие проезжим принцам и простым людям в решении сложных жизненных вопросов? От этого образа веет силой и надеждой на то, что в каждой женщине сокрыты силы, с помощью которых она может изменять настоящее, творить будущее и оставаться в памяти потомков на многие и многие годы...

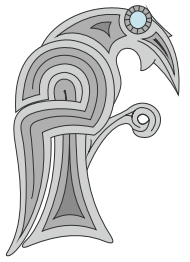
... 40

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

Сайт автора: <https://svetlana.husser.de/>

Сакральные татуировки

Алексей ГЛАЗАЧЕВ
(АНДВАРИ)

Несколько месяцев назад мы написали, что ждем рассказов от наших читателей об их татуировках с северными сакральными символами (валькнут, вегвизир, шлем ужаса, руны...). Спасибо огромное всем, кто откликнулся и прислал в редакцию свои истории и фотографии! С удовольствием делимся ими в нашем журнале.

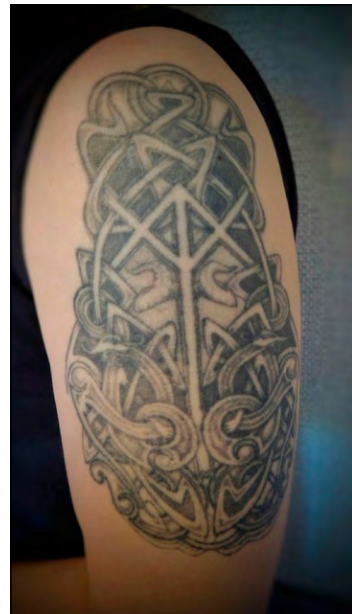
Максим

Здравствуйте. Меня зовут Максим, 34 года. Живу в Минске, Беларусь. Отношу себя к Северной Традиции, читаю ваш журнал с первого выпуска.

С 12 лет я мечтал сделать себе татуировки. С 15 лет я проникся культурой и атмосферой северного язычества и в этом духе видел свои тату. В 18 лет я сделал первую из них. На ней изображена руническая вязь — Тир и Альгиз на фоне скандинавских узоров и плетений. Идея была моя, с корректировкой мастера. Значение этой татуировки — борьба, сражение, война и защита своих интересов, традиции, всего, что дорого.

Окружающие реагируют на нее замечательно. Трудно сказать, как моя жизнь изменилась после нанесения этой татуировки. В ней всегда была борьба, и после этого шага, ее, возможно, стало еще больше.

Сейчас у меня несколько языческих татуировок, и их становится все больше. К тому же я сам делаю тату и очень люблю это ремесло. Мое направление — кельтские и скандинавские узоры, руны и языческая символика — [instagram.com/vezemar_tattoo/](https://www.instagram.com/vezemar_tattoo/)

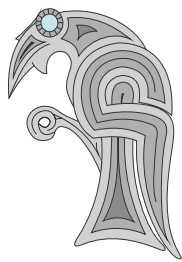

Благодарю за такую интересную тему в вашем журнале!

41...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

Анастасия

Это татуировка рисунка с рунического камня в Еллинге, Дания. Я сделала её, когда начала учиться в магистратуре на скандинавской филологии в знак того, что осуществила свою мечту и занимаюсь любимым делом. Мне кажется, зверь поднимает лапу в приветственном жесте и желает мне удачи в учёбе. Тату не на самом заметном месте, поэтому окружающие нечасто спрашивают о ней, я помню лишь два комментария, один: "О, это что-то историческое!" — а второй: "Это какая-то шестерёнка?" Жизнь после нанесения продолжает меняться к лучшему, но я не думаю, что тату каким-то образом влияет на это.

Меня зовут Анастасия, мне 28, сейчас студент и переводчик, в прошлом — филолог-славист и библиотекарь; историей и мифологией скандинавов увлекаюсь со школьных лет.

Алена

Меня зовут Алёна, 22 года, студентка исторического факультета. Живу в Коломне. С 2017 года читаю ваш журнал.

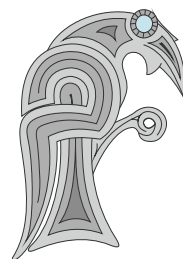
На моей татуировке изображен рунический змей, который обвивает предплечье левой руки. В тело змея вписан рунический текст с палочки из Бергена (N B493 — Берген, Норвегия, XIII в.). В основу эскиза легло изображение змея с камня из Фрёсо (J RS1928: 66 — Ямтланд, Швеция, XI в.). Также некоторые элементы были заимст-

вованы с рунического камня из Ютергарде (U 344 — Уппланд, Швеция, XI в.). Эскиз составлен мной и подкорректирован тату-мастером.

Как данная татуировка вошла в вашу жизнь?

Ещё за год до ее реализации я несерьёзно грезил о рунической татуировке. Пожалуй, как и многим, мне хотелось, чтобы она запечатлела что-то важное для меня, поэтому я не спешила бросаться на что попало. Эскиз много раз менялся, но я все не могла найти для себя

то, что могло бы меня зацепить. Как-то однажды мне попала статья Антона Платова «Постигая Руническое Искусство», которая была опубликована в вашем журнале № 8 (2014 г.). В статье я вычитала о палочке из Бергена, которая сохранила любовное послание из XIII в. Этот голос из прошлого, вырезанный в маленькую дощечку, наполненный любовью, меня взбудоражил и стал последним толчком, после которого все мои задумки воплотились в готовом эскизе. Тогда же встала проблема поиска мастера, но здесь мне невероятно повезло познакомиться с тату-мастером, который был так же неравнодушен к Северной культуре.

Что она для вас означает?

Как я писала выше, я очень ответственно подошла к ее воплощению, она значит для меня многое. Это клятва, признание в любви, высеченное на коже и скрепленное кровью. Я посвятила ее своему молодому человеку.

Как на неё реагируют окружающие?

Мое ближайшее окружение сразу восприняло ее положительно. Но и с незнакомыми людьми проблем пока не возникло, что для меня является удивительным. Люди часто просят показать, интересуются тем, что изображено, и даже считают татуировку красивой.

Как изменилась ваша жизнь после нанесения татуировки?

Каких-то кардинальных изменений за собой татуировка не принесла в моей жизни. Она слилась со мной, и порой я вовсе забываю, что она есть. Я не жалею и безмерно рада, что теперь частичка Севера и напоминание о моей любви всегда со мной.

Сергей

Меня зовут Сергей, мне 34, и живу я на Севере, где как раз в полной мере дуют северные ветра и есть еще мой верный стальной конь (он хоть и японский, но мне повезло: в нем присутствует дракон ветра).

Мои тату сделаны с периодичностью в полгода, а шел я к ним около 7 лет. На данный момент думаю о следующей татуировке — вязи: гебо+ансуз, заключенные в два круга рун, на спине.

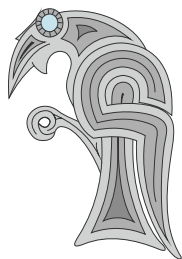
Первой моей татуировкой была ансуз, и сделал я ее после неудачного падения с велосипеда, а точнее, на 17 день после операции на больной руке. Как потом оказа-

лось, я не только упал с велосипеда, но и приземлился... во тьму. Это сложно объяснить, но в то время я глубоко познал ту тьму, которая находится внутри меня.

Шел к своим татуировкам я обдуманно и осознанно. Те, кто делают их без смысла, должны все-таки понимать, что у любого процесса есть две стороны. Согласно одной, в каждый сакральный

знак вложены молитвы-мысли-песни-энергии, и это хорошо. Но бывает еще и темная — до конца не изведенная — сторона, и, если человек не готов, может начаться колоссальный диссонанс...

Ранхильд

Спешу сообщить, что у главного редактора Северного Ветра сакральная татуировка тоже имеется. Я сделала ее чуть больше четырех лет назад и с тех пор ни разу не пожалела о принятом решении. Очень хорошо помню момент, когда я осознала, что хочу татуировку. Вот еще мгновение назад я и думать не думала об этом, а уже через секунду пришло четкое осознание: «Мне надо!». Но татуировки — и в особенности сакральные татуировки — не терпят поспешных решений. И я дала себе ровно полгода, чтобы окончательно убедиться, что это не минутная прихоть и блажь от нечего делать. Отведенное время прошло, а желание носить на себе мьёлнир только крепло. Я хорошо представляла себе, как она должна выглядеть, но объяснить мастеру или найти похожий эскиз не получалось. Периодически впадая в глухое отчаяние, я продолжала ждать. И снова до мельчайших деталей помню тот момент и свои ощущения, когда, впопыхах пролистывая новостную ленту, вдруг увидела — ОНА! Прямо из моей головы, практически идеально повторяя нарисованный образ — ОНА!

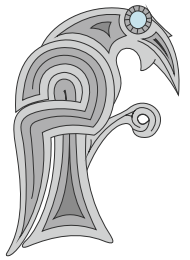
Теперь забавно наблюдать, как моя татуировка ушла «в народ». Несколько лет назад я заказала себе

набор рун с ее изображением, а сейчас такие наборы продаются на сайте мастеров. На здоровье и во благо, мне только в радость.

Да и не только руны, но и многие окружающие меня сакральные предметы сейчас украшены таким же рисунком. Можно сказать, что сейчас это изображение стало своего рода моей визитной карточкой.

Исландия: негламурный Глимур

Катерина АНДРЕЕВА

Фоторепортаж

«Фотодневники Путешествий»:
<https://www.andreev.org/>

— Очень приятная была прогулка, только... — тут она трянула головой (такая уж у нее была привычка!), — только было жарко и пыльно, и слоны докучали.

Л. Кэрролл «Приключения Алисы в Стране чудес»

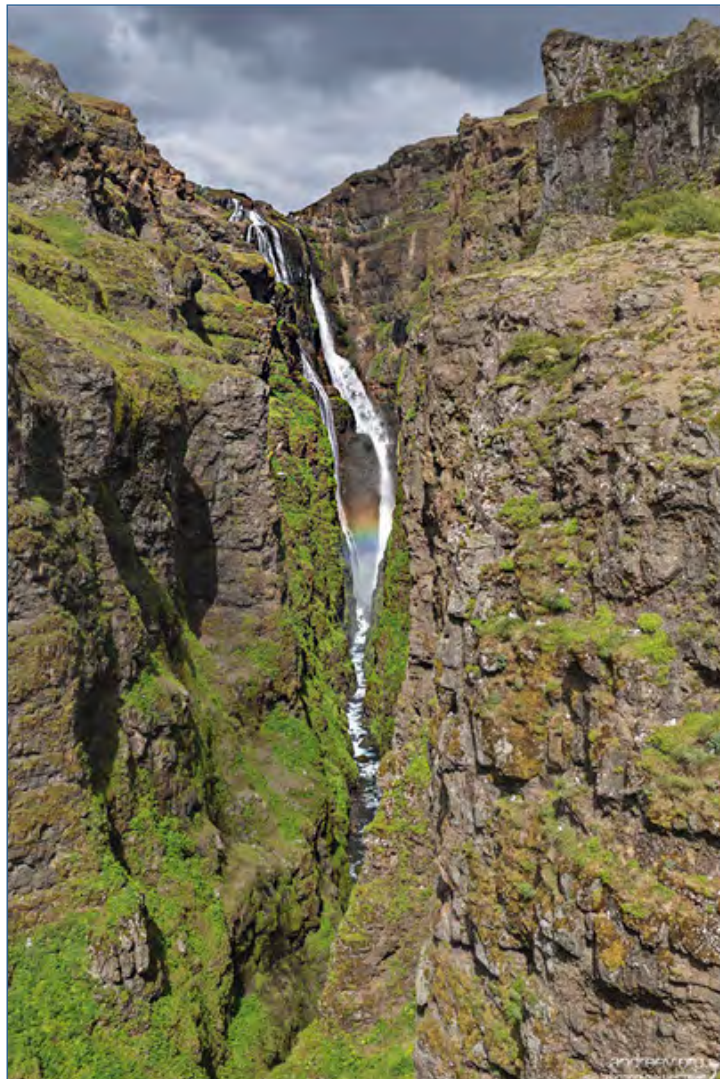
Как мы уже выучили из обзорного рассказа, названия исландских водопадов по большей части заканчиваются на четыре буквы — foss: Dettifoss, Goðafoss, Svartifoss, Skógafoss... И вдруг **Glymur**.

В нем нет огромной силы, присущей Деттифоссу, самому мощному водопаду Европы. Нет в нем и практически идеальной фотогеничности, которой обладает Скоугафосс — наверное, самый посещаемый водопад в стране. К тому же, Глимур не виден с дороги, и чтобы к нему попасть, нужно преодолеть 5,5 километров тропы с препятствиями.

Так что же в нем особенного?

В течение долгого времени Глимур считался самым высоким водопадом Исландии (198 метров). Однако в 2007-м году ледник Morsárfjökull — побочный «язык» знаменитого Ватнайёкюдля, начал таять, благодаря чему сформировались новые водопады.

Очень трудно было измерить точную высоту самого высокого из этих водопадов — Morsárfoss, из-за того что частично он был покрыт льдом, и большие куски непрерывно падали с края ледника, что делало его чрезвычайно опасным. С воздуха сделали приблизительные замеры, определили высоту в 240 метров. Потом,

45...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

правда, внесли поправку — высота Морсаурфосса «упала» до 228. Не исключено, что эта цифра снова может измениться. Поэтому многие люди до сих пор считают Глимур самым высоким водопадом на острове, полагаясь на твердые измерения, а не какие-то там приблизительные расчеты с воздуха.

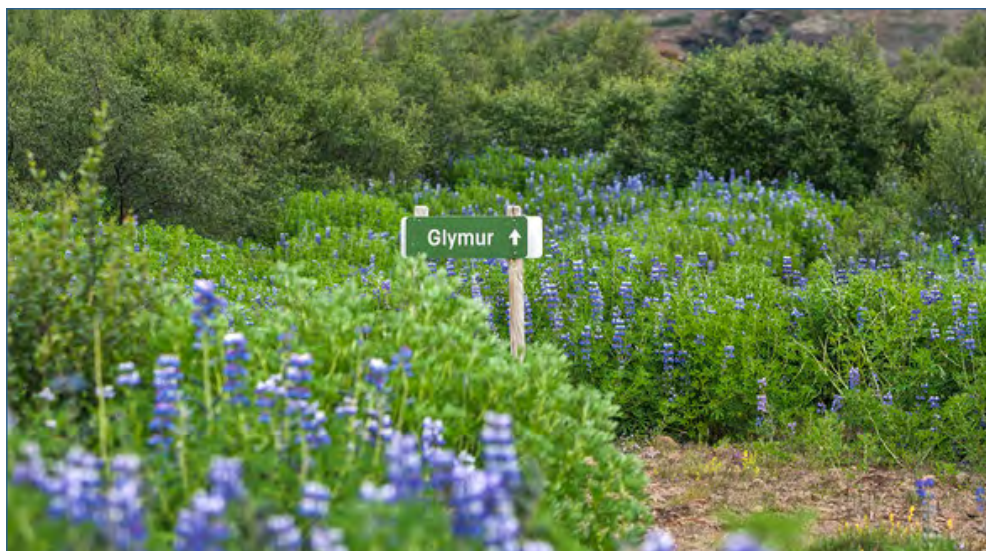

Глимур расположен в западной части Хваль-фьорда (исл. Hvalfjörður — китовый фьорд), примерно в часе езды из Рейкьявика на север по дороге номер 1, а затем по 47-й.

От самой западной точки фьорда еще три километра вбок по грунтовке (на развилке есть знак «To Glymur»), и мы на месте.

Несмотря на то, что приехали еще в первой половине дня, небольшая парковка перед тропой была забита под завязку. Еле-еле нашли место, чтобы втиснуть кемпер.

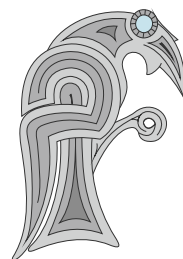

...46

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

Прохождение тропы до водопада занимает примерно три часа туда-обратно. Минимальный возраст для детей — лет 6-7. И хорошо бы, чтобы ребенок был более-менее спортивный. На пути придется пролезать через пещеру, пересекать реку по бревну и довольно долго карабкаться вверх по скользкой грязной тропе, держась за веревку.

Кстати, к Глимуру ходят и организованные туры, но там детей берут лишь с 10 лет. Перестраховываются, конечно. Наша 7-летка с большим удовольствием покорила тропу, но извазюкалась вся. Спасибо, хоть в речку не упала. Хорошие трекинговые ботинки обязательны для всех.

Первая часть тропы проходит вдоль северного берега реки Ботнсау (Bottom river, т.е. «Нижняя река») в долине Botnsdalur, плотно заросшей люпинами. Как многие знают, люпины — это наша слабость и национальный цветок Техаса. Каждую весну мы стараемся ездить на люпиновую «охоту» и выискивать самые красивые поля и необычные сценки.

Исландский вид называется Nootka lupine, и несмотря на красоту,

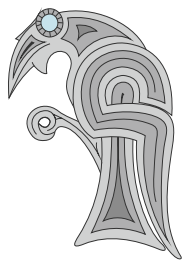
его не любят. А всё потому, что этот люпин — неродной для Исландии цветок, завезенный в 1945 году из Северной Америки для борьбы с эрозией почвы. Казалось бы, благое и полезное дело. Однако, этот вид люпинов обладает тенденцией создавать монокультуру, то есть препятствует росту других растений и может задушить более деликатную флору.

И хотя в Исландии все еще есть большие районы, которые стали жертвами эрозии и опустынивания, многие считают, что люпин превратился в слишком агрессивное растение, и его нужно остановить.

Вскоре прямо из ниоткуда на пути появилась лавовая пещера Þvottahellir, или «Вымытая пещера» («Washing cave»). Она является своеобразным телепортом — заходишь наверху, а выходишь уже на уровне реки, прямо на берег Ботнсау. С этой перспективы фасад пещеры напоминает лицо притаившегося в засаде тролля. А кого же еще? Согласно недавнему (2016 г.) опросу населения страны, 54% исландцев верят в эльфов, троллей, ведьм, гномов и фей. 54 процента, Карл! Даже поговорка у них есть: «Бойся глупого тролля. Умного тролля не бойся. Умный тролль — существо вымышленное». :)

И если уж заговорили о мифологических существах, то, согласно местной легенде, полчеловек-полукит в незапамятные времена проплыл по Ботснау вверх, пробрался через Глимур и обосновался наверху в озере Хвальватн. В качестве доказательства достоверности легенды приводятся вполне реальные китовые кости, найденные в этом озере на высоте около 200 метров над уровнем моря.

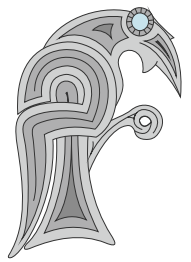
Дальнейший путь проходил вдоль русла реки, постепенно поднимаясь против течения. И вскоре мы увидели продолжение тропы на противоположном берегу. В качестве моста служили камни, бревно и натянутый сверху металлический кабель. В принципе, ничего сложного, но какой-никакой баланс всё же стоит иметь — внизу-то течение, причем довольно быстрое.

С этим аркадным заданием все справились без проблем, а дальше предстоял подъем к каньону, из которого вытекала река и где находилась цель похода — водопад Глимур.

Глимур начал раскрываться постепенно. То неожиданно блеснет белой макушкой среди скал, то накроет легкой кисеей брызг, то вышлет шпиона — птицу-глупыша, которая, сделав

пару кругов над ползущими вверх по тропе туристами, возвращается обратно в каньон. Ведь у неё там остались птенцы, пушистые серые комочки, с гордым видом восседающие на отвесных стенах. Кстати, «глупыш» — это не характеристика, а название рода (лат. Fulmarus). Эти птицы семейства буревестниковых обладают весьма большой продолжительностью жизни и могут достигать возраста 40 лет.

Местами тропа напоминала грязевое месиво, и если бы не удачно натянутая веревка в особо важных стратегических местах, то скатившихся вниз по грязи было бы намного больше.

Тропа поднималась зигзагообразно, и когда до вершины оставалось не больше ста метров, появилась первая обзорная площадка. Да еще и радуга показалась! И если в Йеллоустоуне мы специально за ней гонялись, выверяя минуты — когда, где и с какой точки лучше снимать водопад Lower Falls, то с Глимуром всё получилось естественным путем.

Оказалось, что ущелье, в которое с грохотом свергаются воды Глимюра, довольно узкое. Стены его поросли мхом невероятного зеленого оттенка, а поверхность очень ребристая.

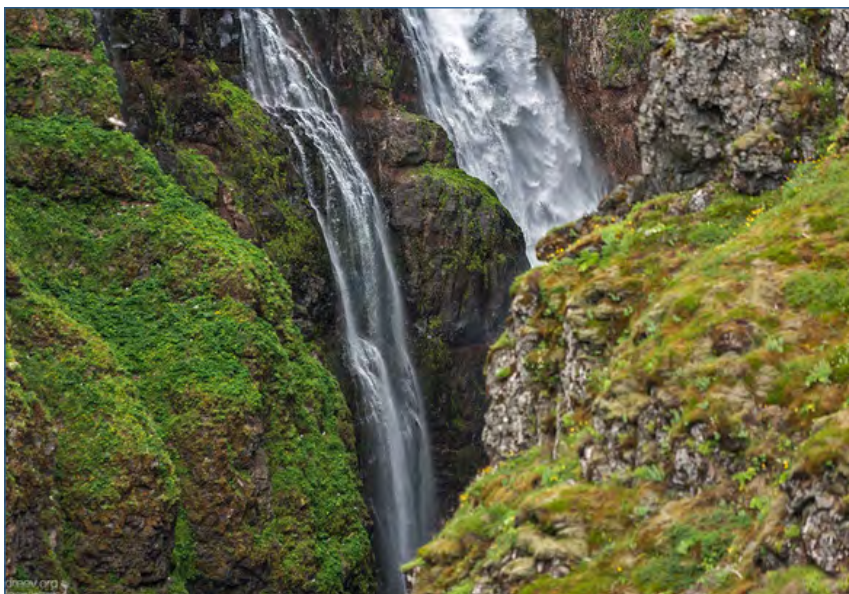
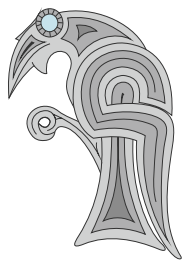

49...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

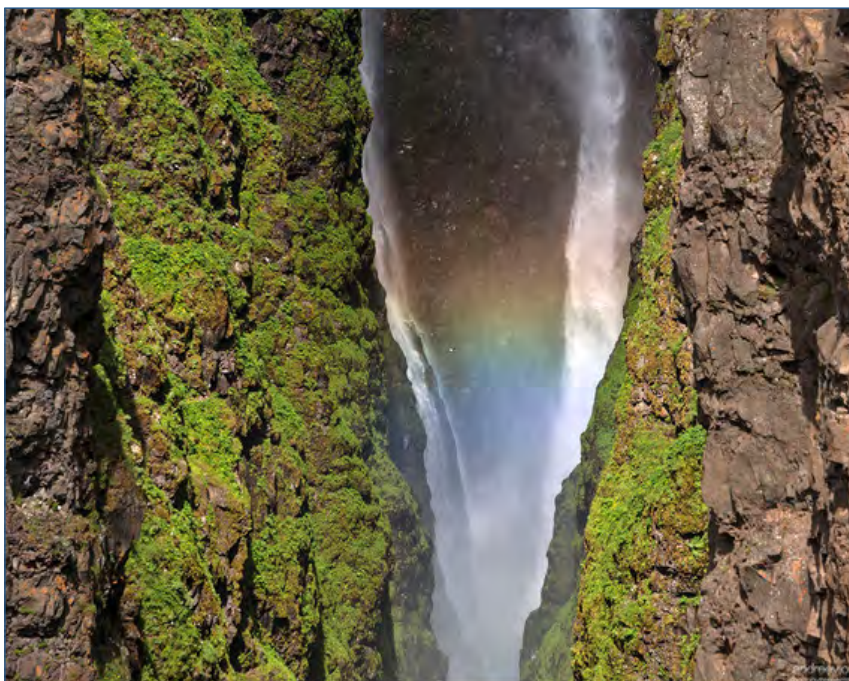
В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

... 50

Глупыши-фульмары, гнездящиеся на скалах, помогают ощутить масштаб водопада, особенно когда они пролетают через овраг, сверкая крошечными белыми пятнами на фоне темной каменной стены.

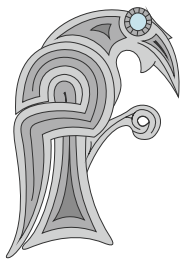

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

Подняться можно к самой вершине Глимура, а для особо отважных — даже перейти реку, чтобы спуститься по противоположной стороне. Вода ледяная, в начале лета в ней даже плавают мини-айсберги, а переходить придется босиком. Если кто решится — с собой обязательно иметь дополнительные носки и термос с горячим чаем.

Ну а мы спокойно спустились по своим следам, развив вполне приличную скорость (вниз-то легко!). Бревно через реку, пещера-тролль, люпиновые поля, и вот уже замаячила крыша кемпера.

Это было самое начало путешествия по Исландии, впереди лежал еще неизведанный остров. Но определенно могу сказать, что тропа к водопаду Глимур оказалась одной из самых запоминающихся и относящихся к разряду must see.

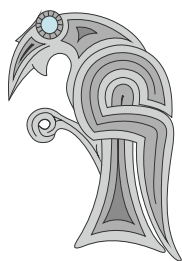
51...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

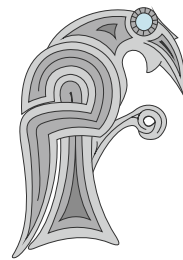
Йоханна ВОС

Что такое *Kona*?

Перевод статьи выполнен силами
Хранителей Традиции
https://vk.com/keepers_of_the_tradition

Что такое *kona*? В отличие от других неоднозначных слов в древнескандинавском (Old Norse), таких как *ergi*, для которых мы не можем найти удовлетворительную замену в наших современных языках, которая полностью бы охватывала понятие, ответ на этот вопрос кажется простым: *kona* означает «женщина». Хотя Клизби и Вигфюссон (Cleasby and Vigfusson) чуть более точны и переводят *kona* сначала как «женщина» (I), затем как «жена» (II), но добавляют, что «слово сегодня почти не используется в значении I, *kvepptaðr* стало общеупотребительным, тогда как в значении II известно каждому (household word)». (Cleasby and Vigfusson 1957: s.v. *kona*)¹. Я не совсем уверена, что значит «общеизвестное слово (household word)». Указывая на тот факт, что существует много разных типов женщин, определение *kona* Клизби и Вигфюссоном сопровождается большим числом проверенных соединений (соединений слова *kona* с другими словами, например, *troll-kona* или *brúð-kona* — прим. перев.), где элемент, который изменяет *kona*, ограничивает или уточняет их значения. Однако при более пристальном рассмотрении женщин, к которым отсылает *kona* в различных текстах, различия становятся более заметны. В надписи из *Hassmyra*, Швеция (Vs 24), *kona* относится к «хорошей домохозяйке» по имени *Öðindisa*, тогда как в надписи из *Еллинга*, Дания (DR 41), *kona* отсылает к королеве *Тире* (*Þyrvé*), которая была признана *DanmarkaR bot*, «Спасительницей Дании» (жена *Горма Старого*, упоминается в *Саге о Хальвдане Черном*, гл. V — прим. перев.). Действительно, тот факт, что они женщины, будет единственным аспектом, который мог бы их объединить. И чтобы было еще сложнее, в поэтическом контексте *kona* могло даже относиться к мужчине: когда бог *Тор*, эпитомия (воплощение, олицетворение — прим. перев.) маскулинности в скандинавском пантеоне, одевается как женщина для возвращения своего молота от великана *Трюма* в эддической песне *Þrymskviða* (Песнь о Трюме), садится за стол и ест с жадностью *krasir allar þær er konur skyldu*, «все лакомства, приготовленные для женщин» (von See 1997: 561-62).

¹ English Dictionary of Scandinavian Runic Inscriptions также переводит как «женщина», «жена».

Цель этой статьи — предоставить анализ концепции и значения слова *kona* в контексте скандинавских рунических надписей из Скандинавии и Британских островов. Выбор исследования слова только в контексте рунических надписей может выглядеть ограниченным и заслуживает объяснения. Во-первых, поскольку наше традиционное понимание древнескандинавского языка, включая понимание значения *kona*, основано главным образом на исландской литературе из (христианского) средневекового периода, рунические надписи являются единственным современником литературных и лингвистических источников эпохи викингов и, следовательно, представляют собой уникальное и бесценное собрание. Во-вторых, цель, функция и доступность рунических текстов сильно отличаются от их аналогов в рукописных традициях. Рукописи, подготовленные на дорогостоящем пергаменте, использовавшие латинский алфавит для написания длинных фрагментов текста, вероятно, были доступны только немногим счастливым с ключами к скрипторию или библиотеке. Рунические тексты, с другой стороны, как правило, вырезаны или выгравированы на рунических камнях и небольших предметах из дерева, кости или драгоценных металлов. Тексты часто короткие из-за природы письма. В отличие от рукописей, рунические камни были популярны в том смысле, что их часто возводили в публичных местах, например, возле дорог или мостов. Надписи на небольших предметах отличались от надписей на рунических камнях тем, что имели более личную и интимную природу, которая ограничивала бы круг читателей. Тем не менее предметы с надписями варьируются от гравирован-

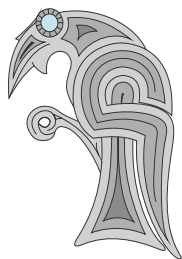
ных костей и пряслиц до искусно украшенных бронзовых брошей, которые показывали, что, в отличие от рукописей, использование рунического письма не ограничивалось определенным окружением или статусом в обществе. Таким образом, руническое письмо широко распространено в различных материальных, текстуальных и социальных контекстах, которые автор этих надписей использовал для достижения намеченной цели, функции и смысла сообщения для его или ее аудитории.

В целях понимания «намеченной цели, функции и смысла» текста читатель должен не только быть способным прочитать написанное и понять язык, который был использован, он также должен быть полностью осведомлен о социально-культурных влияниях, стоящих за этим сообщением. Как отметила Кристин Фелл (Christine Fell) в своем эссе об англосаксонской Англии как обществе трех разновидностей письма (*полное название статьи: Anglo-Saxon England: A Three-Script Community? — прим. перев.*), читателю такого сообщения или текста потребуется определенная «степень утонченности» (Fell 1994: 125). Вернемся к слову *kona*: одно дело — транслитерация рун и перевод его как «женщина» или «жена»: совсем другое — полное понимание того, что влечет за собой концепт *kona* эпохи викингов. Как рунический контекст влияет на значение *kona*? Переносимо ли значение *kona* из одного текста в другие типы текстов, и можем ли мы увидеть развитие в его использовании с течением времени? В приведенном ниже обсуждении я пытаюсь ответить на эти вопросы, анализируя *kona* в лексико-семантических рамках.

Лексическая семантика: «слово», «контекст» и «значение»

Изучение слова в его контексте является ключом к определению значения этого слова. В недавнем языковом исследовании лексики эпохи викингов для кораблей и людей (*имеется в виду книга 2001 года «Ships and Men in the Late Viking Age» — прим. перев.*) Джудит Йеш отмечает, что «слова имеют значение в контексте, и именно посредством изучения слов в их контексте мы можем представить нюансы и изменения значений, которые отражают изменения в материальной культуре, идеологии и социальных структурах эпохи викингов» (Jesch 2001: 8-9). «Слово», «контекст» и «значение», однако, являются очень туманными терминами и требуют дальнейшего объяснения. «Значение» трудно определить: лингвисты, изучающие семантику, еще не до-

стигли консенсуса по поводу значения «значения», но пытаются конструировать значение в терминах лексических единиц (Lipka 1990: 130-32). Лексическая единица — это комбинация одного слова и одного «смысла» или определения. Создавая лексические единицы, можно выделить смысл слова и наметить его семантическое развитие в течение определенного периода времени. Термин «контекст» более осязаем. Йеш определяет контекст как «другие слова, из которых [слово] составляет текст» вместе с «более широким контекстом, в котором создается текст» (Jesch 2001: 9). Это различие между текстовой и лингвистической средой слова, с одной стороны, и социокультурной средой, которая придает слову его лексическую ценность, с другой,

также признается общими принципами лексической семантики.

Хотя я не хочу навязывать читателю полную методологию лексической семантики, стоит объяснить основные принципы и терминологию, поскольку я использовала их для анализа значения *kona*. Лексическая семантика изучает значение (или «смысл») лексических элементов, которые являются частью огромного словарного запаса, называемого лексиконом. Лексический элемент взаимозависимо связан с другими лексическими элементами в лексиконе (Lipka 1990: 4), что означает, что слова связаны с другими словами на основе их значений. Лексический элемент — это разновидность лексемы, которую можно приблизительно определить как «абстрактную лингвистическую единицу», которая представляет собой ядро определенной концепции (Lipka 1990: 58). Эти лексические элементы могут быть изучены на основе имманентного подхода к языку,

с одной стороны, и ссылочного или денотационного подхода, с другой (Lipka 1990: 47–48). Имманентный подход к языку направлен на выявление отличительных лексических особенностей слова путем (а) рассмотрения того, как слово связано с другими словами в лексиконах (например, синонимы, антонимы, гипонимы и т. д.) и (б) рассмотрения этих слов, с помощью которых он образует синтагму, комбинацию лексических элементов, которые следуют или предшествуют друг другу, примером которой является предложение. Это называется парадигматическими и синтагматическими отношениями (Lipka 1990: 12). Анализируя парадигматические и синтагматические отношения лексических элементов можно выявить определенные лексические особенности слов. Ссылочный или денотационный подход изучает лексический элемент и его отношение к вневингвистическому объекту, к которому он относится, т.е. к реальной концепции, к которой относится это слово (Lyons 1995: 58).

Значения *kona* в руническом контексте

Существует около семидесяти четырех скандинавских рунических надписей, которые содержат слово *kona*². Из них восемь с Британских островов, десять из Норвегии и шесть из Дании. В надписи из Исландии есть одно подтверждение этого слова. Учитывая относительно большое количество рунических надписей эпохи викингов в Швеции, неудивительно, что основная часть свидетельств слова *kona* оттуда. Его распространение характерно для распространения рунических надписей через скандинавскую и викингскую диаспору. Примерно в 47 (около 2/3) этих надписей *kona* является частью общей формулы, используемой в рунических мемориалах: «X воздвиг этот Y в память о Z». В 45 мемориальных надписях *kona* находится в некоторой форме притяжательных отношений с мужским субъектом в синтагме. Часто этот субъект мужского пола является заказчиком надписи, который чтит память о своей жене: в этих случаях лексический элемент *kona* всегда находится в прямой синтагматической связи с притяжательным местоимением *sín*. Например, в надписи из Forkarby, Uppland (U 1079), мужчина Fasti установил камень в память о *konu sina* «его жене»:

**[fas](t)i * lit * h(r)[ita * stan eftiR *] (f)
astuiu * kun[u si]nh**

*Fasti let retta stæin æftiR Fastviu,
kunu sina*

Фасти установил камень в память о Фастви, его жене

Точно так же в надписи из Андеаса, остров Мэн (BR Olsen 183), Сандульф Черный (Sandolf the Black) установил крест в память об Аринбьорг (Arinbjorg), *konu sina*, «его жене».

**son:t:ulf : hin : suarti : raisti : krus : þona
: aftir : arin:biaurk * kuinu : sina (u) [*]
k : au [*]: (o)ks/(b)ks**

*Sandulfr hinn Svarti reisti kross þenna eptir
Arinbjörgu, konu sína.*

Женщина также могла заказать надпись и объявить себя как *kona*. В качестве примера можно привести надпись из Еллинга, Дания (DR 55), где «Това, дочь Мистивир, жена Харальда хорошего, сына Горма, воздвигла камень в память о её матери»:

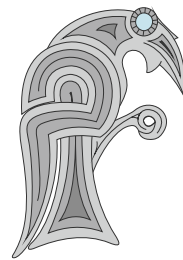
**tufa ' IRt ' kaurua ' kubl mistiuís ' tutiR
' uft ' muþur sina ' kuna harats ' hins '
kuþa ' kurms sunaR**

*Tófa lét gera kuml, Mistivís dóttir, ept móður
sína, kona Haralds hins Góða, Gorms sonar*

В этом примере Тóфа связывает себя со своим мужем, заявляя, что она *kona Haralds*.

Эта мемориальная формула, ограниченная эпиграфическим контекстом, является

² Все подписи, номера, примеры и переводы рунических надписей взяты из Samnordisk runtextdatabas, <http://www.nordiska.uu.se/forskn/samnord.htm>, (версия: 2008).

важным типом синтагмы: синтагматические отношения между лексическими элементами имеют решающее значение не только для выбора слов, но и для их интерпретации. Использование *kona* в контексте формальной рунической надписи и его последующая связь с притяжательным местоимением или родительным падежом сужает смысл слова «жена». Это также подтверждается надписью из Kirk Michael, остров Мэн (BR Olsen 215):

**mal:lymkun : raisti : krus : pena : efter
: mal:mury : fustra : si(n)e : tot(o)r :
tufkals : kona : is : aþisl : ati + ...etra : es
: laifa : fustra : kupan : þan : son : ilan +**

*<mallymkun> reisti kross þenna eptir
<malmury> fóstra sín, dóttir Dufgals, kona er
Aðísl átti. Betra er leifa fóstra góðan en son illan*

Надпись сделана на очень необычном древнескандинавском языке, но большинство ученых согласились с переводом: «Mallymkun воздвиг этот крест в память о своей приемной матери Malmury, дочери Dubgaill, жене, на которой женился Aðísl. Лучше оставить хорошего приемного сына, чем плохого сына», — приняв, таким образом, несколько расхождений в грамматике (Page 1983: 234-36). Надпись соответствует стандартному формульному шаблону, но использует другую конструкцию, чтобы указать, что Mallymkun женат на Aðísl (похоже, что здесь неточность: вместо имени Mallymkun должно быть Malmury, тогда получится «..., чтобы указать, что Malmury была замужем за Aðísl» — прим. перев.). Однако смысл «жена», подразумевающий брачные отношения, дается не притяжательным, а глаголом eiga, «быть замужем за». На основании этой конструкции мы можем осторожно сделать вывод, что лексический элемент *kona* не должен подразумевать брачные отношения сам по себе. По крайней мере, в эпиграфическом контексте, если *kona* не видоизменяется с помощью какого-либо другого лексического элемента, подразумевающего брак, то имеет первичное значение «жена» только тогда, когда оно грамматически связано с мужским притяжательным местоимением или с родительным падежом, относящимся к мужскому субъекту.

Смысл «жены» соответствует главной цели этих надписей. Одна из функций формульных рунических мемориалов — служить публичными документами, например, предъявлять законные претензии на наследство (Jesch 1991: 48-9). Следовательно, именно роль женщины в семье, в данном случае «жены», является наиболее важной при заказе этих мемориальных камней. Это,

безусловно, объясняет безличный стиль формульных надписей и почему в некоторых примерах не упоминается имя женщины, которую следует запомнить. Так обстоит дело с надписью из Smedby, Швеция (U 210), где «Вебьёрн вырезан камень в память о дочери Гунни, его жене», и надписи из Maughold, остров Мэн (BR Page 1998; 21), где «Cuan, сын <mailb... ak>, сделал надгробную плиту (?) в память о своей жене».

Тогда возникает вопрос, как нам следует интерпретировать другие 27 надписей, где *kona* не используется ни в формульной структуре, ни в синтагматической связи с субъектом мужского пола. В этом контексте слово может иметь более широкий смысл, чем «жена». В надписи из Tillitse, Дания (DR 212), лексический элемент *kona* относится к Торе как к мачехе Токи, но сама *kona* не имеет лексической связи с мужской притяжательной или родительной формой. (На этот раз это альтернативная роль в семейной ячейке, роль мачехи, которая связана с sín). Вместо этого *kona* находится в прямом синтагматическом отношении с прилагательным góð, «хорошо».

**toki * risti * runaR * e(f)(t)(i)(R) (*
-(o)ru * stiubmofur * sina * kunu * kofa**

*Tóki risti rúnar eptir [þ]óru, stjúp móður sína,
konu góða*

Токи вырезал руны в память о Торе, его мачехе, хорошей жене

Мы находим похожую конструкцию в надписи из Korpbron, Швеция (Sö 139):

**stain : lit x raisa stain x þ... ... x esipi
x frinkunu x sina x kristr : liti : anta +
...(a)R : kunuR kofraR k[iulr] * auk : fiþr
* piR * ristu ru**

*Steinn lét reisa stein þ[enna at](?) Ásheiði,
frændkonu sína. Kristr létti anda [henn]ar(?),
konu góðrar. <kiulr> ok Finn þeir ristu rúnar.*

Стейн воздвиг этот камень в память о (?) Ásheiði, его родственнице. Пусть Христос освободит ее дух, хорошая жена... и Финн, они вырезали руны.

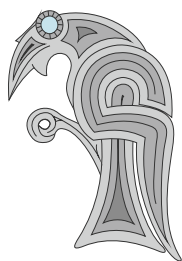
В этом конкретном примере слово *kona* также используется в соединении, frændkona, тем самым сужая его смысл до «родственницы женского пола» и исключая возможность смысла «жена». Как и в надписи из Tillitse, *kona* модифицируется прилагательным góð. Как же тогда мы должны интерпретировать *kona góð*? В обеих надписях лексический контекст не дает убедительных доказательств того, что эти женщины фактически были женами: нет упоминаний об их мужьях, *kona*

55...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

не имеет лексической связи с мужским притяжательным местоимением или родительным падежом, и у нас нет никаких дополнительных лингвистических доказательств. Поэтому более уместно интерпретировать *kona* как «женщину». Однако это было бы упрощением. Из прилагательного *góð* мы можем сделать вывод, что общество, в котором писали и читали эту надпись, поддерживало определенные стандарты и ожидания, когда дело доходило до слова *kona*. Женщины, упомянутые в примерах Tillitse и Korpbron, кажется, оправдали эти ожидания. Однако, как показывает надпись из Saleby, Швеция (Vg 67), это не всегда так:

**+ fraustin + karpi + kubl * pausi + aftiR
+ þuru + kunu + sino + su(s) +
tutiR bast + miþ + altum + uarpi at +
rata + au=k + at arkRi ' + kunu + saR +
ias haukui + krus + -... + uf + briuti**

Freysteinn gerði kuml þessi eptir bóru, konu sína. Sú [va]r ... dóttir, bezt með öldum. Verði at <rata> ok at argri konu sá er hqggvi [í] krus, ... of brjóti

Фрейстейн воздвиг эти камни в память о Торе, его жене. Она была ... дочерью, лучшей в своем поколении. Пусть тот, кто расщепит на части... сломается... станет колдуном и дурной женщиной

Следует отметить, что *kona* впервые используется в общей мемориальной формуле вместе с притяжательным местоимением *sín* и, несомненно, означает «жена». За формулой следует заклинание, в котором лексический элемент *kona* используется снова, но на этот раз модифицируется словом «argr», оскорбительным термином. Пример показывает, что один и тот же лексический элемент *kona* в одной и той же надписи может иметь значения, отличные от «жены». Таким образом, резчики рун и их аудитория должны были иметь представление о различных смыслах *kona* и интерпретировать это слово в его контексте. Но кого резчики рун и их аудитория считали «хорошей женщиной»?

На основании археологических и текстовых свидетельств эпохи викингов, женщин, в первую очередь, хвалили за их роль в управлении домашним хозяйством и другие «женские качества, которые так важны в фермерских общинах» (Roesdahl 1998: 59). На мой взгляд, именно так мы должны интерпретировать фразу *kona góð* в надписях Tillitse и Korpbron. Вместо того чтобы быть «хорошей женщиной», *kona* здесь обозначает достижения женщины в ведении домашнего хозяйства. Другие слова, с которыми *kona*

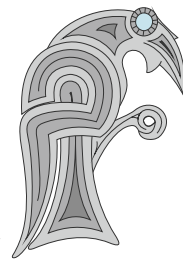
находится в парадигматических отношениях, подтверждают этот аргумент. Есть много современных слов, которые могут относиться к женщинам и, таким образом, заменять *kona*, где это уместно. Большинство этих слов, тем не менее, сужают смысл слова «женщина», например, до её места в семье (используются слова «мать», «сестра» и «дочь»), особого отношения (как пример, *drottning*, обозначающее «леди») или с целью подчеркивания иных отличительных черт (такое как *mæg*, «дева», которое часто используется в поздних рунических надписях для обозначения Святой Девы). Значение *kona* как «управляющей домохозяйством», однако, воплощено словом *húsfreyja*. Состав *húsfreyja* состоит из *hús*, что означает «дом» или «усадьба» (очень важное место для многих людей в эпоху викингов), и *freyja* — более старая форма *frú*, также означающая «женщина» или «богиня» и не случайно совпадающая с именем самой женственной богини в скандинавском пантеоне. Поэтому слово *húsfreyja* можно буквально истолковать как «богиня домашнего хозяйства». Хотя более чем вероятно, что эти женщины были замужними, *húsfreyja* уделяет больше внимания роли женщины в управлении фермой и домашним хозяйством. Различная роль женщин в качестве «жены», с одной стороны, и «хозяйки дома», с другой, особенно хорошо отражена в надписи из Hassmyra, Швеция (Vs 24):

**buonti x kuþr x hulmkoetr x lit x resa x
ufteR x opintisu x kunu x seno x kumbr
x hifrya x til x hasuimura x iki betr x
þon x byi rapr ropbalir x risti x runi x
þisa x sikmuntaR x uaR ... sestR x kuþ**

Bónði góðr Holmgautr lét reisa eptir Óðindísu, konu sína. Kemr hýfryja til Hqsumýra eigi betri, en býi ráðr. Rauð-Ballir risti rúnar þessar. Sigmundar var [Óðindísa] systir góð.

Хороший муж Хольмгаут воздвиг камень в память об Одиндисе, его жене. Не появится в Hqsumýgar лучшей хозяйки дома, которая обустроит поместье. Rauð-Ballir вырезал эти руны. Одиндиса была хорошей сестрой Сигмунду.

Надпись состоит из двух частей. В первых, это стандартный шаблонный мемориал: «X воздвиг этот Y в память о Z». В этой конструкции Одиндиса упоминается как *konu sína*, что определяет ее как жену Хольмгаута. Вторая часть — это форма стиха, в которой Одиндиса упоминается как *húsfreyja*. Как и следовало ожидать, в мемориальной формуле ее прежде всего помнят за роль жены. В стихотворной части ее хвалят за ее другую роль в обществе: управляющую до-

мом или усадьбой. Чтобы различать разные роли, заказчик камня подобрал разные слова. Чтобы усилить важность домашнего хозяйства, сам Хольмгаут подчеркивает свою роль в домашнем хозяйстве и свое отношение к Одиндису, заявляя, что он является *bóndi* *góðr*. Слово «*bóndi*» в Английском словаре рунических надписей на младшем Футарке (*English Dictionary of Runic Inscriptions in the Younger Futhark*) определяется как «домохозяин, законный глава семьи; фермер, человек постоянного проживания, который живет земледелием, крестьянин, помещик; муж». Подобно *húsfreyja*, акцент в первую очередь обращается на их связь с усадьбой. Его роль в качестве супруга имеет второстепенное значение.

Другое слово, которое тесно связано с *kona* и *húsfreyja*, — это лексический элемент *ráðkona*. *Ráðkona* засвидетельствована в руническом контексте только в надписи из Уппсалы, Швеция (U 923):

ikifast[r * lit * rita * sten ef]ti[R * s]ys[t]ur * netilkiarþi * uk * totur sena * k[asu] * uk * fasluh * rapku... ...]

Ingifastr lét rétta stein eptir systur ...gerði ok dóttur sína <kasu> ok Fastlaug ráðko[nu](?) ...

Ингифаст воздвиг камень в память о его сестре... ее дочери и Фастлауг, его хозяйке дома...

В отличие от *húsfreyja*, это соединение, в котором *kona* модифицируется как *ráð*, что связано с глаголом *ráða*, «советовать, вести, решать». Таким образом, *ráðkona* можно интерпретировать как «женщина, которая ведет, решает». Можно отметить, что глагол *ráða* также упоминается в надписи из Hassmyra, чтобы подчеркнуть навыки Одиндисы как *húsfreyja*. База данных рунных надписей Samnordisk (Samnordisk Database of Runic Inscriptions) предоставляет перевод «housekeeper» для *ráðkona*, но, возможно, его придется пересмотреть. Слово «домохозяйка» имеет коннотации со «службой», в то время как уникальное и самостоятельное использование *ráða* вместе с его семантическим отношением к *húsfreyja* подразумевает определенную власть над домашним хозяйством. Особенно если принять во внимание, что Ингифаст решил разместить ее имя на мемориале вместе со своей сестрой и дочерью, значение «домохозяйка» не делает ее роль достаточно достойной. Неясно, каково ее отношение к Ингифасту, так как надпись не полная, и поэтому мы не знаем, должно ли следовать далее притяжательное местоимение. Это усиливается отсутствием альтер-

нативы: упоминаются дочь, сестра и *ráðkona*, но отсутствие жены заметно. Возможно, что Фастлауг была главой семьи в отсутствие жены. Возможно, *húsfreyja* скончалась, и в этом случае другая женщина, не связанная с Ингифастом, могла бы взять на себя обязанности домашнего хозяйства. Поскольку Ингифаст и Фастлауг не были женаты, слово *húsfreyja* не было бы уместным, и заменяющее *ráðkona* использовалось для обозначения более функциональной роли в домашнем хозяйстве.

Вполне вероятно, однако, что значение *húsfreyja* слилось со значением «жена» для *kona*. Есть приблизительно двадцать одна руническая надпись, где женщина упоминается как *húsfreyja*. За исключением камня Hassmyra, все свидетельства относятся к периоду высокого средневековья (приблизительно XI—XIV вв. — прим. перев.). Кроме того, все упоминания *húsfreyja* из Швеции, в основном из Готланда. Напротив, есть только четырнадцать надписей из средневекового периода, которые содержат *kona*. Лишь немногие из них находятся в формульном контексте, однако средневековые надписи, содержащие *húsfreyja*, основаны на формульных конструкциях, аналогичных надписям эпохи викингов, которые содержат *kona*: таким образом, *húsfreyja* встречается в формульных структурах, где оно имеет отношение к притяжательному местоимению или родительному падежу. Например, надпись эпохи после викингов из Eksta, Швеция (G 71):

[botuarþr i snoðu han lit giara þina stain yfir sina husfroiu butaiþu til aista]

Botviðr(?) i Snoðu/Snoder hann let gæra þenna stæin yfir sina husfrøiyu Bothæiðu til Æiksta/Eksta

Bótviðr(?) в *Snoðr/ Snoder*, воздвиг камень в память о хозяйке дома *Bótheiðr* из *Eiksta/ Eksta*

Это похоже на более ранние примеры фразы с *kona*. Подобно *kona* эпохи викингов, женщины также называли себя *húsfreyja*, например, в этой надписи из *Grötlingbo*, Швеция (G 35):

x* katrin : ioans : husfyrá : I sundru : han : lit : giara : þina : stain : yfir : moþur sina : botiaupu : iak[o]bs : kunu : sihlaihs:arf(a) : biþin : f(i)I(i) (h)enar : sial : bater : noster : x

Katrin, Iohans husfrøya i Sundru/Sundre, hon let gæra þenna stæin yfir moður sina Botþiuðu, Iakobs konu Siglæiksarfa/Sigsarve. Biðin fyrir hænnaR sial pater noster

57...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

Катрин, хозяйка дома Йохана в Sundru/Sundre, воздвигла этот камень в память о своей матери *Bóttbjóð*, жене Якоба из *Sigleiksarfr/Sigleiksarfi*. Молись отцу за её душу.

Таким образом, мы видим сдвиг в использовании *kona* и его синонимов в рунических контекстах. Возможно, из-за влияния христианства и привнесённой рукописной и литературной традиции, цель рунических надписей и способ, которым они представляли тексты, изменились. Начиная с XII века рунические тексты, кажется, функционируют не как публичные документы, а скорее как литературные издания. Этот более «поэтический» контекст также меняет интерпретацию *kona*. Например, две отличительные роли женщин в обществе как «жены» и «домохозяйки» игриво используются в надписи XIII века из *Tønsberg*, Норвегия (N A39):

**§A æilifr * uiri* uæhr * a mek * mit :
stæin:grimr : ha=fum : mælt : ma=rt :
o=kka=r imilli : firir : þa so=k : at ek : uil
: nema : a=f þi : runa=r :**
**§B eaa=uo : knor : ek : spu:r þek : uilt *
tu * gifta * mer * æina*þa * en * þa=r er
: <þisar> mrthk iiiii sssss ttttt lllll *
§C æ t þ f f s s a n t æ t þ f f s s a n t
§D : þa=u : ero : bæþe : i buþ : saman :
kla=uua:kare : o=k : ko=na : uilia=lms :
hæil=lþu : hæil=l * sæl * þu * þa**

*§A Eilifr Virðivægr á mik. Vit Steingrímr hqfum
mælt mart okkar ímilli fyrir þá sök at ek vil
nema af því rúnar.*

*§B ek spyr þik: vilt þú gipta mér einþá
er þar er, þessar, <mistil, ristil, tistil, histil,
kistil>*

*§C e[inn], t[veir], þ[rír], f[jórir], f[imm],
s[ex], s[jau], á[tta], n[íu], t[íu], e[llifu],
t[olf], þ[rettán], fjórtán, f[ímtán], s[extán],
s[jautján], á[ttján], n[íttján], t[uttugu]*

*§D Þau eru bæði í búð saman Klaufa-Kári ok
kona Viljalms ... Heit sæl/sæll þú þá'.*

§A Эйлиф Достойный владеет мной. Мы двое, Стейнгрим и я, много говорили между собой по причине, что я хочу взять/изучить эти руны.

§B ..., я спрашиваю вас: вы хотите выйти за меня замуж, один из них этих: омега, лемма, «tistill», «histill», шкатулка.

§C Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать.

§D Они оба лежат вместе, Неуклюжий-

Кари и жена Вильямса. Приветствую! Приветствую и удачи тебе тогда!

Надпись D особенно интересна. Мужчина по имени *Klaufa-Kári* (Неуклюжий-Кари) и женщина, представленная как *Viljalms kona*, «жена Вильямса», «лежат вместе». Акцент делается на роли женщины как «жены», используя вместо ее имени родительную структуру *Viljalms kona*. Мужчину, с которым женщина «лежит», называют не *bóndi góðr*, а *Klaufa-Kári*. Вместо того чтобы отвечать за дом, мужчина и женщина лежат в «доме», это слово можно грубо интерпретировать как «временное жилище», и оно часто относится к пространству снаружи или вдали от главного дома (*Jesch: pers.comm.*). Аккуратное использование слов и смешанных коннотаций, безусловно, добавляет эффект недосказанности и бесцельности деятельности.

Надпись из *Tønsberg* отражает изменение рунической деятельности, как упоминалось ранее. Она показывает, что резчики рун, вероятно, знали о возможности манипулирования современными эпиграфическими традициями для создания литературного эффекта. По этой причине надпись из *Tønsberg* можно рассматривать как поэзию. Это изменение в рунической традиции, возможно, в результате влияния культуры рукописей также отражено в группе из двенадцати надписей из *Maeshowe*, *Orkney*. Немногие прямые ссылки на женщин в *Maeshowe* не являются частью шаблонной модели и не являются лексическим пунктом, обозначающим женщину, семантически связанную с субъектом мужского пола. Лексический контекст указывает на то, что смысл «управляющая домашним хозяйством» не подходит. Надпись *Maeshowe 9* иллюстрирует этот момент:

**§A ingibiorh * hin fahra * æhkia
§B mqrhk * kona * hæfer * faret * lu(t) in
her mihgil oflate
§C ærlikr**

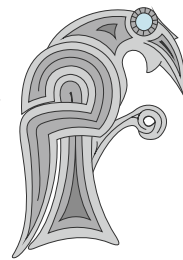
§A Ingibjörg, hin fagra ekkja.

§B Mqrg kona hefir farit lút inn hér.

Mikill ofláti.

§C Erlingr.

Лексический элемент *ekcja* из надписи §A обычно переводится как «вдова». Тем не менее в поэтическом контексте, которым я считаю *Maeshowe*, *ekcja* может также использоваться для обозначения женщины в целом (*Jesch 1991: 159*). Более того, *ekcja* модифицируется с помощью *fagr*, «красивая», что подчеркивает внешнюю привлекательность женщины, а не ее статус «вдовы».

Ссылка на *kona* в надписи §B, по-видимому, относится к группе женщин, или, точнее, к типу женщин. Барнз предположил, что предложение *Mǫrg kona hefir farit lút inn hér*, «многие женщины здесь наклонились», можно интерпретировать как отсылку к сексуальной активности. Барнз указывает, что глагол *lútr* используется в *Bjarnar Saga Hítðælakappa* (Сага о Бьёрне Витязе из Долины Хит), чтобы предложить позу как «активного», так и «пассивного» партнера в гомосексуальном акте [...], и отнюдь не невозможно, чтобы образ женщины в покорной сексуальной роли был частью того, что автор пожелал передать» (Barnes 1994: 102). Сексуальная интерпретация соответствует другим надписям Maeshowe, в частности номеру 10, где прямо упоминается акт блудодеяния. Хотя тексты из Maeshowe по определению являются руническими надписями, интерпретация их словарного запаса не связана с ранее существовавшими руническими традициями, в отличие от более ранних примеров, обсуждавшихся выше. В этом поэтическом контексте толкование *kona* как «жены» или «хозяйки» не подходит. Скорее синтагмы, в которых встречаются *kona* и *ekkjja*, обозначают женственность и сексуальность женщины.

Надписи в Maeshowe передают понимание резчиков рун некоего отдельного и ограниченного пространства, которое допускает действия, которые, возможно, запрещены вне этого пространства. В частности, я имею в виду сексуальные действия. В этом отношении Maeshowe похож на *búð*, с которым мы сталкивались в надписи Tønsberg, которая также символизировала место, где преобладают разные, то есть сексуальные, роли мужчины и женщины. Рассмотрение Maeshowe в поэтическом контексте может также пролить свет на многочисленные ссылки на сокровища: могут ли ссылки на «сокровище» на самом деле относиться к женщинам и их сексуальности? В эпоху викингов женщины ассоциировались с золотом, серебром и ювелирными украшениями, что отражало статус женщины в обществе (Roesdahl 1998: 39). Фрейя, самая женственная из богинь, плачет золотыми слезами. Если это так, учитывая поэтический и сексуальный контекст надписей Maeshowe и возможное влияние рукописных традиций, нам, вероятно, придется пересмотреть наше традиционное понимание надписи Maeshowe 27, *Sæll er sá, er finna má þann auð hinn mikla*: «счастлив тот, кто может найти эти богатства».

Заключение

На основе этого обсуждения мы можем построить следующие лексические единицы *kona* в руническом контексте:

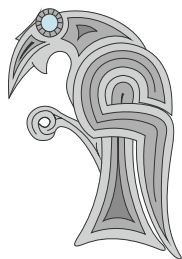
- *kona* как «жена»;
- *kona* как «управляющая домашним хозяйством»;
- *kona* как «сексуальный партнер, любовница».

Какой смысл наиболее уместен, определяется его парадигматическими и синтагматическими отношениями, а также целью и функцией рунической надписи. Первое значение, «жена», может быть положительно идентифицировано только в формульной структуре, в которой *kona* связана с субъектом мужского пола притяжательным местоимением или родительным падежом. Кроме того, смысл является чисто функциональным, что соответствует назначению надписей как публичных документов. После эпохи викингов, возможно, в результате христианства и конкуренции с последующей рукописной традицией, лексический элемент *kona* со смыслом «жена», по-видимому, заменяется его синонимом *húsfreyja*. В эпоху викингов оба значения по-прежнему разделены,

и у *húsfreyja* есть основной аспект «управляющей домохозяйством». Тесная парадигматическая связь между *kona* и *húsfreyja* предполагает, что там, где контекст указывает на достижения женщины, *kona*, скорее всего, будет ощущать себя «управляющей домашним хозяйством». Третий смысл, «сексуальный партнер, любовница», следует толковать только в поэтическом контексте, который противоречит публичной роли женщины в качестве управляющей семьи или жены. Таким образом, толкование концепции, стоящей за словом *kona*, в значительной степени зависит от его социального, языкового и текстового контекста и, по-видимому, претерпело семантические сдвиги в связи с развитием рунических традиций.

Возвращаясь к вопросу, с которого началась эта статья: что такое *kona*? Указывают ли вышеперечисленные значения, кем на самом деле была женщина эпохи викингов? Ответ должен быть — «нет». Хотя я могла бы немного приблизиться к «степени изоциренности», с которой можно понять концепцию слова *kona*, я обнаружила, что *kona* в руническом контексте — это прежде всего идея, или,

59...

возможно, более точно, идеал. Вместо того чтобы отражать повседневную жизнь женщин эпохи викингов, культурный и текстовый контекст рунических надписей подчеркивает роль женщины как жены, устремление стать богиней домашнего хозяйства и ее появление в сексуальных фантазиях.

Библиография

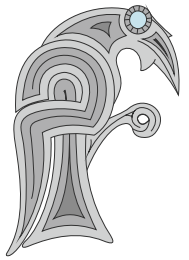
- Barnes, Michael P., 1994: *The Runic Inscriptions of Maeshowe, Orkney. Runrön 8. Uppsala.*
- Cleasby, Richard, and Gudbrand Vigfusson, 1957: *An Icelandic-English Dictionary. Oxford.*
- Holman, Katherine, 1996: *Scandinavian Runic Inscriptions of the British Isles: Their Historical Context. Trondheim.*
- Fell, Christine, 1994: „Anglo-Saxon England: A Three Script Community?“ *In Proceedings of The Third International Symposium on Runes and Runic Inscriptions*, ed. James E. Knirk, 119-37. Oslo 1994.
- Jansson, S. B. F., 1987: *Runes in Sweden. Stockholm.* (доступно по адресу: https://fylgja.ru/wiki/Runes_in_Sweden,_1987)
- Jesch, Judith, 1991: *Women in the Viking Age.* Woodbridge.
- , 2001: *Ships and Men in the Late Viking Age.* Woodbridge.
- Lipka, Leonhard, 1990: *An Outline of English Lexicology.* Tübingen.
- Lyons, John, 1995: *Linguistic Semantics: an Introduction.* Cambridge.
- Marwick, H., 1929: *The Orkney Norn.* Oxford.
- Page, R. I., 1980: „Some Thoughts on Manx Runes.“ *Saga-Book of the Viking Society 20, 179-99.*
- , 1983: „The Manx Rune-Stones.“ *In The Viking Age in the Isle of Man: Select Papers from the Ninth Viking Congress, Isle of Man, 4-14 July 1981*, eds. Christine Fell et al., 133-48. London.
- Roesdahl, Else, 1998: *The Vikings.* London.
- Samnordisk runtextdatabas = <http://www.nordiska.uu.se/forskn/samnord.htm>, 2008.
- See, Klaus von, 1997: *Kommentar zu den Liedern der Edda, vol. 2: Götterlieder, Skírnísmál, Hárbarðsljóð, Hymiskviða. Lokasenna, Brymskviða.* Heidelberg.
- Spurkland, Terje, 2005: *Norwegian Runes and Runic Inscriptions.* Woodbridge.
- English Dictionary of Runic Inscriptions in the Younger Futhark*, University of Nottingham, 2006.
- Vos, Johanna, 2006: „The Other Side of Old English hæðen: A Survey of the Semantics and Semantic Development of Old-English hæðen.“ Unpublished M.A. thesis, Rijksuniversiteit Groningen, 2006.
- Vries, Jan de, 1962: *Altnordisches Etymologisches Wörterbuch.* 2nd ed. Leiden.
- Zoëga, Geir T., 1926: *A Concise Dictionary of Old Icelandic.* Oxford.

... 60

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

Фрейя — Великая Богиня Севера*

Бритт-Мари НЕССТРЁМ ©
Перевод: Анна БЛЕЙЗ ©

Предисловие

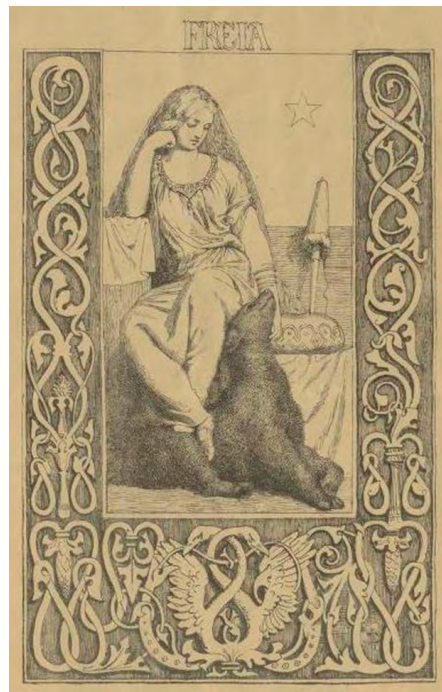
В древнескандинавской мифологии Фрейя занимает видное место среди божеств, не уступая Одину, Тору, Фрейру и Локи, однако до сих пор исследователи уделяли ей гораздо меньше внимания, чем божествам мужского пола и некоторым другим богиням, таким как Фригг, Идунн и Скади.

Покров молчания, окутывающий Фрейю в академической литературе, почти наверняка объясняется чрезвычайным многообразием ее функций, отраженных в различных источниках. Некоторые из этих функций, на первый взгляд, противоречат друг другу, и ученые обычно избегают обсуждать те из них, которые не вписываются в образ Фрейи как богини плодородия. В учебных пособиях по скандинавской мифологии Фрейю классифицируют как северный эквивалент греческих и римских богинь любви. И действительно, она — идеальная богиня любви, чувственная и чуждая моральных запретов, подалельница изобилия и богатства и покровительница плотских страстей. Но, в отличие от многих своих античных «сестер по ремеслу», она занимает одно из важнейших мест в пантеоне, подчиненном мужскому руководству, и всегда действует независимо и с позиции уверенной власти.

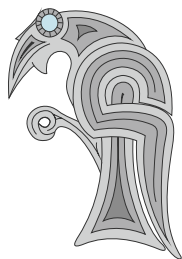
Однако в образе Фрейи присутствуют и многие другие черты, которым мы намереемся уделить внимание в этой работе, — черты богини войны и покровительницы павших героев, божественной жрицы и волшебницы, сведущей в искусстве сейда (разновидности ведовства, часто упоминающейся в древнескандинавских источниках). Фрейю следует понимать как Великую Богиню скандинавских народов, дохристианские верования которых составляли неотъемлемую часть индоевропейской религии в целом — религии, более четырех тысяч лет тому назад бытовавшей на территориях Европы, Ирана и Индии. С этой точки зрения функции и черты характера Фрейи можно рассматривать в сравнении с качествами знаменитых богинь кельтского, римского, иранского и ведического пантеонов.

Еще один вопрос, который будет затронут в этой книге, — отношения Фрейи с Фригг и другими богинями скандинавской мифологии, а также с младшими женскими божествами (норнами, валькириями и дисами). Кроме того, мы проанализируем роль Фрейи в различных мифологических сюжетах, что поможет составить более полное и глубокое представление об этой Великой Богине Севера.

* В этом номере мы начинаем печатать серию переводов из книги Britt-Mari Näsström, *Freyja, the Great Goddess of the North*, 1995. Иллюстрации к данной статье выбраны из интернета и изначально не входили в состав книги.

61...

Настоящая работа призвана пробудить у читателей интерес не только к богиням и свойственным им функциям, но и к древнескандинавской религии вообще как части нашего культурного наследия. Обращаясь к мифам давних, полузабытых времен, мы можем воссоздать по крупицам захватывающую картину древних верований, чаяний и надежд, которые возлагал человек на сверхъестественное могущество богов и богинь.

Глава 1: Источники по древнескандинавской религии

Руны, теофорные топонимы и наскальные изображения

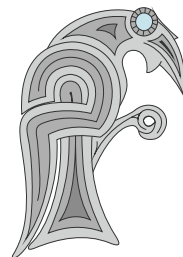

Вступая в сферу исследования древнескандинавской религии, мы сталкиваемся со множеством проблем. И большинство из них проистекает из того факта, что основные источники по этой теме крайне малочисленны и поддаются интерпретации лишь с трудом. Мы не располагаем ни упорядоченным сводом мифологических представлений, ни систематическим описанием культа, которые были бы составлены непосредственно теми, кто придерживался этих верований и религиозных практик. Разумеется, мы знаем, что буквы древнескандинавской письменности назывались рунами и почитались божественными; что их использовали в магических целях для врачевания недугов, усмирения бурь на море и соблазнения женщин, и что основоположником этой магической традиции считался Один, обретший знания о рунах путем ритуального самопожертвования — повешения на Мировом древе, которое описывается в нескольких строфах «Речей Высокого». Однако в текстах, посвященных, собственно, толкованию рун, не приводится никаких сведений о богах, мифах и культовых практиках. Эти тексты появились уже во времена, когда на смену древней скандинавской религии пришло христианство, и, соответственно, отражают христианские ценности. Даже такие, на первый взгляд, языческие надписи, как «Þórr vígi þessa

gúnor» («Тор да освятит эти руны»), в действительности свидетельствуют о возобладавшем влиянии христианства на древний культ, поскольку освящения такого рода более типичны для христианской практики¹.

Сохранилось немало топонимов, указывающих, что в данной местности когда-то находилось языческое святилище. Подобные святилища существовали в различных формах; самые распространенные из них — vé («ве» — собственно, «святилище, храм»), lundr («лунд» — «роща») и hǫrgr («хёрг» — алтарь, сложенный из камней). Кроме того, на основании частотности определенных теофорных топонимов можно судить об относительной популярности тех или иных божеств, варьировавшейся по географическому признаку. По-видимому, наибольшей популярностью пользовались Тор, Фрейя, Фрейр, Ньёрд и Один. В связи с топонимами, содержащими имя Фрейи, особый интерес вызывает то, что на юге Швеции они равномерно распределены по тем археологическим регионам, которые характеризуются как центры власти племенных вождей. Это может означать, что культ Фрейи был элементом религиозной организации, существовав-

¹ Обсуждение см.: E. Margold, «Þórr vígi þessa rúnor». // Frühmittelalterliche Studien, ed. K. Hauck, Bd. 8, 1975, pp. 195–222. — Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

шей здесь до насаждения христианства. Однако за неимением более подробной топонимический и археологической информации делать далеко идущие выводы о структуре какого-либо организованного культа Фрейи представляется неблагоприятным.

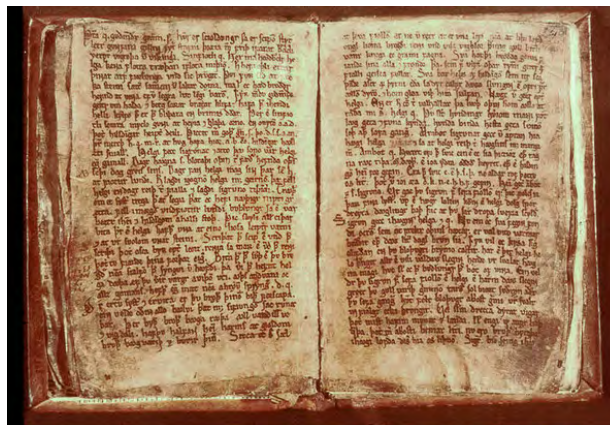
Наскальные изображения бронзового века и картинные камни Готланда подвергались многочисленным и разнообразным интерпретациям. Но, рассматривая проблему религии в исторической перспективе, мы вправе лишь предполагать, что на многих подобных изображениях, возможно, представлены некие культовые ситуации. Любые попытки дальнейшей интерпретации в отсутствие релевантных письменных источников неизбежно сведутся к чисто умозрительным догадкам. Кроме того, мы не вправе безоговорочно утверждать, что создатели этих наскальных изображений принадлежали к той же религии или культуре, что и народы более поздних эпох.

Основной источник наших познаний о древнескандинавской религии — мифологическая система, разработанная исландским историком Снорри Стурлусоном в XIII столетии, два века спустя после христианизации Исландии. При этом Снорри не задавался целью написать трактат по истории религии: он всего лишь хотел составить руководство для начинающих поэтов, и рассматривать его сочинение следует именно с этой точки зрения.

Снорри дал своему труду заглавие «Эдда»²; почему — мы не знаем. «Эдда» по-исландски означает «прабабка»; можно предположить, что Снорри подразумевал изложение верований, которых придерживались в минувшие века, однако существуют и другие объяснения.

«Старшая Эдда»

Во времена Снорри были записаны древние песни о богах и героях, до тех пор передававшиеся изустно. Затем эти записи были временно утрачены; вновь обнаружив их в 1643 году, ученые поначалу сочли их произведением еще одного исландского историка — Сэмунда. Соответственно, собрание в целом стали называть «Сэмундовой Эддой», позднее оно стало известно как «Песенная Эдда», а в наши дни обычно именуется «Старшей Эддой»³. «Старшая Эдда» состоит из песней о богах и героях, о сотворении мира и о конце света. Некоторые мотивы, обнаруживающиеся в этих песнях, относятся к глубокой древности и указывают на причастность их создателей к единой системе общеиндоевропейского мифологического мировоззрения.

63...

Поэзия скальдов

Эддические песни о богах и героях остаются анонимными, но имена и судьбы авторов скальдической поэзии нам более или менее известны. Многие скальды жили при дворах конунгов и вождей и сочиняли стихи в угоду своим покровителям. Самая яркая особенность скальдической поэзии — использование так называемых кеннингов, перифрастических описаний, составляющих своеобразные поэтические загадки. Нередко кеннинг представляет собой целый миф в миниатюре: например, вместо слова «поэзия» используется выражение «покража Одина», намекающее

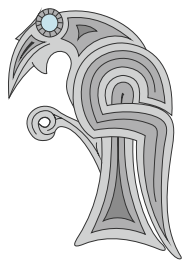

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

№25
2019

² Впоследствии это сочинение стали называть «Младшей Эддой» (чтобы отличать ее от «Старшей Эдды»; см. ниже). — Примеч. перев.

³ Eddadigte, I–III. Ed. Jón Helgason. Oslo, Stockholm, Copenhagen, 1971 (3rd ed.).

на мифологический сюжет о похищении меда поэзии у великана Суттунга. Другие разновидности кеннингов содержат лишь намеки на мифологические образы; в пример можно привести слова Гуннлауга Змеиного Языка, который описывает свою возлюбленную Хельгу как «Эйр света руки», т.е. «Эйр золотого браслета»⁴. Основное в этом кеннинге — утверждение о том, что Хельга носит золотые браслеты, а сравнение с богиней Эйр служит лишь для общего указания на красоту и благородство девушки.

В некоторых скальдических поэмах содержатся прямые отсылки к мифам о богах. Например, в «Драпе о Рагнаре» Браги Старого кратко излагается (наряду с другими мифами) сюжет о богине Гевьон, отделившей от Швеции остров Зеланд (Зеландию), а в поэме «Хусдрапа» Ульфа Уггасона речь идет о битве между Локи и Хеймдаллем за украшение Фрейи. От последнего мифа сохранились только детали; Снорри Стурлусон упоминает о нем лишь мельком. И это — наглядный пример тех затруднений, с которыми мы сталкиваемся при попытках свести воедино и воссоздать фрагменты мифов, которыми скальды пользовались в качестве художественных прикрас⁵.

Немногочисленные, но интересные сведения о культовой практике можно обнаружить как в родовых сагах, так и в «сагах о древних временах». Эти саги были сложены уже после обращения Исландии в христианство, но в них сохраняются речевые обороты и фактологическая информация, относящиеся к старой вере.

Сочинения Снорри Стурлусона

К XIII веку исландцы начали забывать свои языческие мифы. Если бы Снорри Стурлусон и другие авторы не сохранили эти сюжеты в своих книгах, их современники и потомки перестали бы понимать скальдическую поэзию. Однако внимательный читатель заметит, что к повествованию о старых богах Снорри примешивает христианскую теологию. Особенно это бросается в глаза в первой части его «Эдды» — «Прологе», в котором Снорри прибегает к приемам, типичным для средневековой исторической прозы: приписывая скандинавским богам происхождение из Трои, он обращается к народной этимологии и утверждает, что само их наименование, «асы», происходит от слова «Азия»⁶. Следуя общепринятому христианскому стереотипу в описании языческих богов, Снорри представляет асов как демонов, которых люди лишь принимали за богов⁷.

По мнению скандинавоведки Анны Хольстмарк, в следующем разделе «Эдды», «Видении Гюльви», Снорри продолжает демонизировать языческих богов, показывая, как те якобы пытаются надругаться над христианскими святынями⁸. Однако «Видение Гюльви» все же отличается по стилю от «ученого» повествования «Пролога», хотя и содержит отсылки к некоторым христианским мотивам, особенно ветхозаветным. Демоническая составляющая старых богов отступает на второй план, несмотря на то что с Гюльви, пришедшим в их обитель, они обращаются не слишком ласково. Так или иначе, повествование в «Видении Гюльви» настолько захватывает самого рассказчика, что поверить, будто Снорри стремился лишь вывести мораль из старых мифов или, тем более, попросту высмеять их, довольно сложно. Даже в заключительной сцене, где боги решают сохранить те самые имена, которыми они представились Гюльви, дабы потомки

⁴ «Gefin vas Eir til aura», в пер. М.И. Стеблина-Каменского — «юная роща обручий». — *Примеч. перев.*

⁵ Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning. Ed. Finnur Jönsson, Copenhagen, 1967; Den norsk-isländska skaldediktningen. Rev. e. A. Kock, Lund, 1946.

⁶ Edda Snorra Sturlusonar. Ed. Finnur Jönsson, Copenhagen, 1926.

⁷ О влиянии средневековых литературных традиций на «Пролог» см.: Gerd W. Weber, s.v. Edda, jüngerer. // *Reallexicon der Germanischen Altertumskunde*, 1986; M. Clunies Ross, *Skaldskaparmál*, Odense, 1987, pp. 12–13, 20–21; L. Lönnroth, «The Noble Heathen». // *Scandinavian Studies*, 1969, pp. 8–11; U. and P. Dronke, «The Prologue to the Prose Edda: Explorations of a Latin background». // Einar G. Pétursson og Jónas Kristjánsson, eds., *Sjötíu Ritgerðir helgaðar Jakpobi Benediktssyni*, Reykjavík, 1977, pp. 166–167.

⁸ A. Holstmark, *Studier i Snorres Mytologi*, Oslo, 1964.

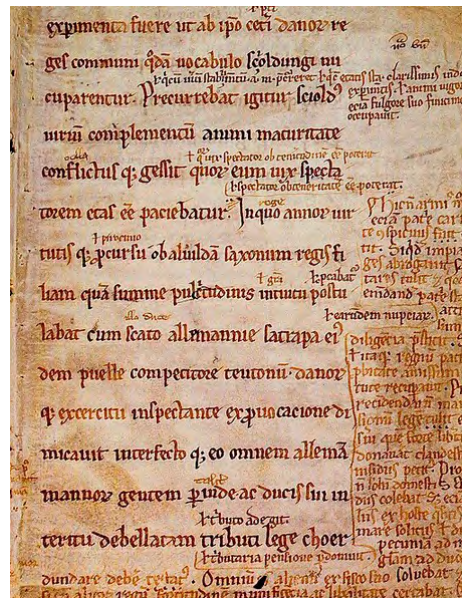
помнили и чтили их под этими именами, нет ни намек на высокопарный слог и нетерпимость, столь характерные для христианской полемики с язычеством.

Использованный Снорри метод смешения языческих мифов с христианскими мотивами побудил некоторых ученых начала XIX века усомниться в достоверности его «Эдды» как надежного источника в области истории религий. Исследователи указывали на различные противоречия и ошибочные интерпретации в его изложении мифологических сюжетов и даже выдвигали гипотезу, что большинство этих сюжетов Снорри сочинил сам.

Впрочем, находились и другие ученые, расценивавшие «Эдду» Снорри как достаточно достоверное (хотя и не вполне свободное от влияний античной мифологии и средневековой литературы) отражение древнескандинавских верований. Эти авторы полагали, что Снорри был хорошо знаком с древними мифами и, по большей части, изложил их без искажений и отступлений от изначальных версий. Большой вклад в восстановление репутации Снорри как источника ценных сведений по древнескандинавской религии внес знаменитый французский ученый Жорж Дюмезиль, показавший, что многие сюжеты, приведенные у Снорри, обнаруживают параллели с другими индоевропейскими мифами⁹.

Саксон Грамматик

В качестве основного источника для первых восьми томов своей 16-томной хроники «Деяний данов» (Gesta Danorum) датский историк Саксон по прозвищу «Грамматик» использовал героические саги. «Деяния данов» — это не историческое исследование в современном смысле слова, но и не саги, а, скорее, повести об отважных королях, прекрасных девах и уродливых троллях, изложенные в стилистике, близкой к народной сказке¹⁰. Саксон был монахом и секретарем епископа Абсалона. К языческим богам он подходил с моралистических позиций, описывая их как демонов, исполненных злобы и похоти, способных породить детей от смертных женщин и уязвимых в бою со смертными воинами. Впрочем, в первых восьми томах его хроники содержится много сюжетов, согласующихся с известными мифами. Отсылки к мифам можно отыскать

и в сказаниях о героях (например, о Хадинге), и в целом в первой части «Деяний данов» обнаруживается немало материалов, ценных для историка религий¹¹

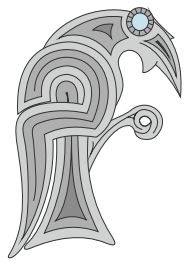
«Германия» Тацита

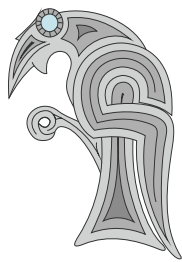
И Снорри, и Саксон Грамматик стремились — каждый по-своему — сохранить и систематизировать древние мифы и сюжеты отвергнутой, хотя и не забытой еще религии. Однако существуют и другие важные источники по древнескандинавской религии, а именно — описания, составленные авторами, которые принадлежали к иным культурам и, в большинстве случаев, никогда не посещали ни страны Скандинавии, ни Северную Европу вообще. Информацию об этих странах они получали из вторых рук, от людей, принадлежавших к тем или иным северным племенам или соприкасавшимся с их культурой. Именно так обстояло

⁹ G. Dumézil, L'ideologie tripartite des Indo-Européens, Brussels, 1958; G. Dumézil, Les dieux des Germains, essai sur la formation de la religion scandinave. Paris, 1959; G. Dumézil, Loki. Darmstadt, 1959; G. Dumézil, Mythes et épopée I (2nd ed.), 1968; Mythes et épopée II, 1971; Mythes et épopée III, 1973.

¹⁰ Saxo: History of the Danes I—II, 1951, trans. H. R. Ellis Davidson, Cambridge (далее — Saxo). См. также: Saxonica Gesta Danorum, 1931, ed. J. Olrik and H. Raeder, Copenhagen.

¹¹ G. Dumézil, From Myth to Fiction. Chicago, 1973, p. 19.

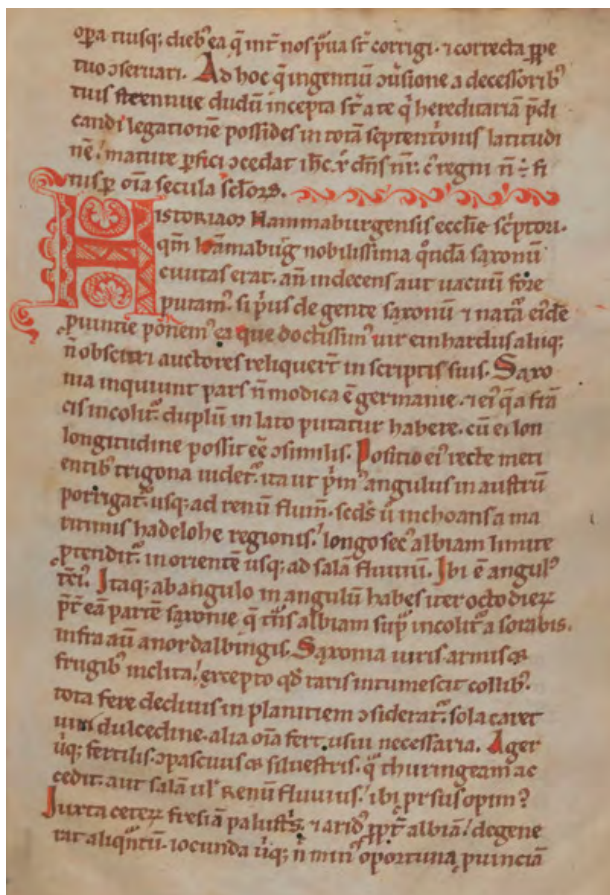

дело с Тацитом, который написал свою «Германию» на основе сведений, полученных от солдат и рабов родом из стран, лежавших к северу от границы Римской империи¹². Поднявшись на вершину политической карьеры, Тацит окончил свои дни в должности проконсула Малой Азии в первые годы правления императора Адриана (117—138). Свое описание Германии он обнародовал в 98 году н.э. под названием «О происхождении германцев и местоположении Германии». Этот трактат повествовал о необычных с точки зрения римлянина северных племенах, так или иначе контактировавших с Древним Римом со времен первого вторжения кимвров и тевтонов. Одной из непосредственных причин, побудивших Тацита написать эту книгу, послужили переговоры с германскими племенами, прошедшие в Кельне в том же году, в правление императора Траяна. Тацит изображает германцев достаточно благосклонно, поскольку свою задачу он видел в поддержании мирного политического курса в отношении северных племен. Высказывалось также предположение, что, подчеркивая контраст между физическим и нравственным здоровьем германцев и упадком нравов в Римской империи, Тацит следовал дидактической тенденции, общей для историков того времени, — тенденции идеализировать экзотические племена, чтобы с упреком поставить их в пример своим соотечественникам¹³. Однако археологические данные подтверждают, что материальная культура германских племен описана у Тацита по существу верно¹⁴.

Нет никаких веских причин и для того, чтобы усомниться в достоверности сведений Тацита о религиозных верованиях германцев. Римляне в целом трактовали чужеземные религии достаточно вольно, часто прибегая к так называемому *interpretatio romana* — отождествлению богов других народов с божествами своего собственного пантеона. Время от времени Тацит тоже пользуется этим приемом, но по мере возможности старается приводить и аутентичные имена германских богов.

Адам Бременский

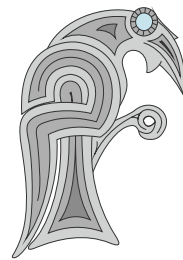
Христианский хронист Адам Бременский жил в Северной Германии, то есть географически ближе к скандинавским странам, нежели Тацит, но его описание скандинавских религиозных обычаев представляется гораздо более сомнительным. В своих «Деяниях епископов Гамбургской церкви» («Gesta Hammaburgensis Ecclesie Pontificum»)¹⁵, написанных около 1060 года, Адам Бременский ратует за возрождение и расширение миссионерской деятельности на территории Скандинавии, поскольку в тот период некоторые скандинавские короли (например, Свен Эстридсен) обратили свои интересы в других направлениях — в частности, на завоевание Англии. Тот же Свен Эстридсен, судя по всему, послужил основным источником информации для Адама Бременского, когда тот посетил Данию. Кроме того, в своем рассказе о христианизации Свеонии (Швеции) Адам во многом опирается на «Житие святого Ансгария» Римберта, написанное во второй половине IX века (архиепископ Ансгарий был первым миссионером в этой стране).

¹² Tacitus. Germania. Ed. and trans. W. Peterson. London and Cambridge, Loeb Classical Library, 1946.

¹³ J. G. G. Andersson, Cornelii Taciti. Oxford, 1938, pp. X—XI.

¹⁴ "Introduction to Germania". // Germania. Trans. W. Peterson, London, 1946, pp.256 ff; J. Brøndsted, Danmarks historie, 1963, vol. I, pp. 381—399.

¹⁵ Adam av Bremen. Trans. E. Svenberg, Stockholm, 1984; Adam av Bremen, Beskrivelse af øerna i Norden. Trans. A.A. Lund, Højberg, Worms, 1978.

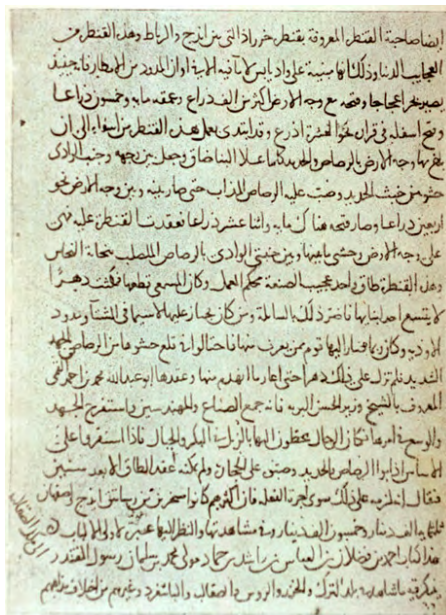

Широкую известность получило оставленное Адамом описание языческого святилища в Упсале¹⁶, однако к нему следует подходить критически, особенно ввиду того, что оно заключает в себе скрытый посыл: если Бременскому епископату удастся уничтожить это «средоточие варварских суеверий», то обратить свеонов в христианство не составит труда, — и это живо напоминает нам о том, что до начала эпохи Крестовых походов оставалось лишь несколько десятилетий¹⁷.

Тем не менее некоторые детали в описаниях религиозных церемоний у Адама обнаруживают сходство с данными других источников. Кроме того, следует принимать во внимание, что Адам лично посетил одну скандинавскую страну — Данию, где христианство представляло собой, фактически, лишь тонкую лакировку, под которой скрывались мощные пласты древних верований. Поэтому не доверять его рассказам о жертвоприношениях и о важнейшем религиозном значении святилища в Упсале нет оснований: эти сведения вполне согласуются с информацией из других источников, относящихся к тому же периоду.

Ибн Фадлан

Еще один источник сведений о культовых практиках и, в особенности, о погребальных обрядах скандинавов — «Записки» Ибн Фадлана, арабского купца, который видел варягов во время своего путешествия по странам Восточной Европы¹⁸. Воспринимая варяжское племя русов, обитавшее в устье Волги, как совершенно варварское, Ибн Фадлан описывает их религию как поклонение демонам и утверждает, что они погрязли во тьме невежества. Однако в этом описании отражены впечатления очевидца и приведены многие детали погребального обряда, о достоверности которых свидетельствуют археологические находки.

¹⁶ «26. Теперь скажем несколько слов о верованиях свеонов. У этого племени есть знаменитое святилище, которое называется Убсола и расположено недалеко от города Сиктоны. Храм сей весь украшен золотом, а в нем находятся статуи трех почитаемых народом богов. Самый могущественный из их богов — Тор — восседает на престоле в середине парадного зала, с одной стороны от него — Водан, с другой — Фриккон. Вот как распределяется их полномочия: «Тор, — говорят свеоны, — царит в эфире, он управляет громами и реками, ветрами и дождями, ясной погодой и урожаями. Водан, что означает 'ярость', — бог войны, он возбуждает мужество в воинах, сражающихся с неприятелем. Третий бог — Фриккон — дарует смертным мир и наслаждения». Последнего они изображают с огромным фаллосом. Водана же свеоны представляют вооруженным, как у нас обычно Марса. А Тор напоминает своим скипетром Юпитера. Они также почитают обожествленных людей, даря им бессмертие за славные деяния. В "Житии святого Ангария" упоминается, что подобным образом свеоны обожествили короля Эрика.

Схолия 134. Около святилища растет большое дерево с раскидистыми ветвями, зеленеющее и зимой, и летом, и никто не знает, какова природа этого дерева. Там также находится источник, где язычники совершают жертвоприношения, ввергая в него живого человека: если он не всплывает, то это обозначает, что желание народа осуществится.

Схолия 135. Сей храм окружает золотая цепь, висящая по скатам здания и густо окрашивающая в золотой цвет всех входящих. Это святилище расположено в равнинной местности, которая со всех сторон окружена горами наподобие театра.

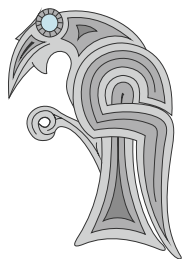
27. Ко всем их богам приставлены жрецы, ведающие племенными жертвоприношениями. Если грозит голод или мор, они приносят жертву идолу Тора, если война, Водану, если предстоит справлять свадьбы, Фриккону. Свеоны, кроме того, имеют обычай каждые девять лет устраивать в Убсоле торжество, собирающее жителей всех областей страны. От участия в этом торжестве не освобождается никто. Цари и народы, вместе и поодиночке, все отсылают свои дары в Убсолу, и, что ужаснее всего, те, кто уже принял христианство, вынуждены откупаться от участия в подобных церемониях. Вот как происходит жертвоприношение. Из всей живности мужского пола приносятся девять голов: считается, что их кровь умилюстит богов. Тела же этих животных развешиваются в близлежащей роще. Эта роща священна для свеонов, потому что, согласно поверью, благодаря смерти и разложению жертв ее деревья становятся божественными. Один христианин рассказывал мне, что видел в этой роще висевшие вперемежку тела собак, лошадей и людей, общим числом 72. А о многочисленных несчастных магических песнопениях, которые они обычно исполняют, совершая обряд жертвоприношения, лучше будет вообще умолчать.

Схолия 136. Недавно свеонский король-христианин Анундер, после того как он отказался принести языческим богам установленную племенем жертву, был изгнан из королевства и, говорят, пошел оттуда, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоился принять бесчестие.

Схолия 137. Пыры и подобные жертвоприношения происходят девять дней: каждый день вместе с животными приносятся один человек, так что за девять дней приносятся 72 живых существа. Это жертвоприношение приурочивается к весеннему равноденствию» («Деяния архиепископов Гамбургской церкви», IV, пер. В.В. Рыбакова). — *Примеч. перев.*

¹⁷ K. Johannesson, «Adam och hednatemplet i Uppsala», // Adam av Bremen, 1984, p.382.

¹⁸ S. Wikander, Araber, vikingar, varingar. Norrtälje, 1978, pp.31–72.

Ньорд, бог кораблей

Хильда Эллис ДЭВИДСОН
Перевод: ФИЛИН

Отрывок из книги *Hilda Ellis Davidson*
«*Gods and Myths of Northern Europe*»

Бог Ньорд, отец Фрейра и Фрейи, имеет тесные связи с морем. В посвященном ему отрывке поэтической Эдды говорится, что его жилище Ноатун, «Корабельный двор», и Снорри говорит нам, что он господствует над морем и ветрами и приносит богатство тем, кому помогает в рыболовстве и мореплавании. Имена мест, названных в его честь, позволяют предположить, что ему поклонялись вдоль западного побережья Норвегии. Прочие внутренние районы, названные в его честь, имеют очевидную связь с водой, поскольку они обычно находятся в верховьях фьордов, у озер или рек или на островах в озерах. Некоторые из названий указывают на культовые центры на островах, подобные святилищу богини Нерты в рассказе Тацита. Остров, который сейчас называется *Tusnesøen* в Норвегии, ранее носил название *Njarðarlög*, «баня Ньорда». Это представляет особый интерес, поскольку означает, что этот остров на озере некогда был священным для Ньорда вместе с окружающей его водой (другое толкование смотри у *J. de Vries*, «*Altgermanische Religionsgeschichte*», II, с. 470). О Нерте нам говорится, что её повозку каждый год купали в священном озере, а затем оставляли на острове, пока не приходило время использовать её снова.

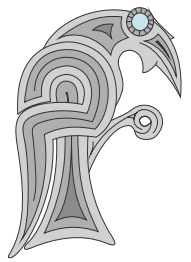
Ранее нами уже была отмечена связь кораблей с ванами. Фрейр владел кораблем Скидбладнир, в то время как другие мужские персонажи, похоже, связанные с Фрейром, переправлялись на кораблях через море, чтобы править людьми, и когда их земное правление заканчивалось, снова уплывали на кораблях. Более того, нет никаких сомнений в том, что символ корабля был необычайно важным на севере с самых ранних времен, о которых мы имеем археологические данные. В ранних наскальных рисунках бронзового века в Скандинавии лошади и корабли часто встречаются рядом, а иногда рядом с ними размещается солнечное колесо, что свидетельствует о том, что эти символы были связаны с силами, властвующими над плодородием. Фигурки кораблей в то время использовались в качестве подношений, а на одной ранней стоянке в Норсе в королевстве Дания обнаружили сотню вложенных одна в другую и помещенных в глиняный кувшин маленьких лодок, на каждой из которых изображен этот символ. В период железного века появилась возможность предложить в жертву сверхъестественной силе настоящий корабль. Такую жертву обнаружили в торфянике в Хьортспринге в Дании, под оставленным там большим судном находились останки лошадей и собак.

К началу железного века корабль использовался в том числе в качестве похоронного символа. Могилам в Готланде и не только с большим старанием придавалась форма лодки, контуры которой выкладывали камнями вокруг сгоревших или погребенных останков покойных. Около 600 г. н.э. умерших хоронили или кремировали внутри настоящих лодок или их отдельных фрагментов. Иногда древесина лодок сохранялась в торфяной почве, а в других случаях линии досок отмечены рядами гвоздей, или их находят среди пепла погребальной кремации. Насколько нам известно, этот обычай, по-видимому, вначале появился в Швеции и распространился затем на Норвегию и англосаксонскую Англию (H. R. Ellis Davidson, *The Road to Hel*, Cambridge, 1943, с. 16.)

В Англии ему следовали языческие короли Восточной Англии. В седьмом веке, когда королевство уже было обращено в христианство, но либо переживало ренессанс языческих верований, либо ещё держалось за старые похоронные обычаи, на королевском кладбище в Саттон-Ху захоронили корабль. Это судно длиной восемьдесят футов было морским, и его доставили по суше на песчаный участок у устья реки Дебен, где стояли курганы. Там его погрузили в подготовленную траншею, а внутрь остроконечной могильной камеры, воздвигнутой на палубе, заложили царские сокровища. В помещении камеры много богатых украшений, королевский скипетр, знамя, огромный церемониальный щит и шлем, меч, украшенный золотом, арфа и игровые предметы, серебряные чаши и рога для питья. В этой могиле не лежало ни одного тела, возможно, потому, что тело царя было утрачено в битве или в открытом море, либо потому, что его похоронили по христиански, в то время как его сокровища были укрыты в земле согласно более древнему обычаю (R. L. S. Bruce-Mitford, «The Sutton Hoo Ship-Burial»).

Несколько позже, вероятно, в девятом веке, в большом кургане в Осеберге в Норвегии была захоронена еще одна богато снаряженная ладья. Могила была разорена, но ряд изысканно вырезанных деревянных предметов удалось найти и восстановить в достаточной мере, чтобы показать, что там имели место богатые и тщательно продуманные похороны. На корабле были обнаружены останки женщины. Здесь, как и в двух других известных норвежских захоронениях в Гокстаде и Туне, в жертву были принесены несколько лошадей и собак (J. Brønsted, «The Vikings», с. 139). Ряд захоронений судов был также обнаружен в Швеции на двух богатых кладбищах

69...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

в Венделе и Вальсгарде. В Дании корабельные погребения не были обычным явлением, но одно из них, в Ладбю, имеет внушительные масштабы, и кости лошадей и собак показывают, что оно также сопровождалось жертвоприношением животных.

С размахом на кораблях хоронили важных почитаемых людей, но многих простых людей в разных частях Скандинавии и в местах, где поселялись викинги, также хоронили в маленьких лодках. В начале двадцатого века Хокон Шетелиг смог насчитать лишь четыре известные корабельные могилы, но с тех пор были обнаружены и раскопаны многие другие. Лишь недавно мы открыли, что символика корабля, должно быть, была очень важна для многих англов в восточной Англии, ещё остававшихся язычниками. Помимо богатой могилы седьмого века в Саттон-Ху, на этом же кладбище были обнаружены другие могилы более ранней эпохи и еще одно большое судно в кургане у Снейпа, ниже по побережью, к сожалению, до сих пор не раскопанное должным образом. При раскопках на раннем английском кладбище в Кейстер-он-Си, Норфолк, оказалось, что в нескольких могилах находились тела, накрытые фрагментом лодки, который можно было узнать по гвоздям, все еще остававшимся на месте. Даже в детской могиле были установлены два небольших куска деревянной лодки, чтобы образовать арку над телом. Ассоциация кораблей с мертвыми подтверждается тщательным изображением корабля, вырезанного на урне для кремации, сохранившейся в музее Норвича.

Ясно, что для языческого севера корабль означал нечто очень серьезное, и это было чем-то, связанным с умершими. Из мифов мы не имеем точного представления, что именно он означал для человеческой мысли тех лет, но многое указывает на связь кораблей с поклонением вanam. Похороны в корабле связывались с королем Фроди Саксонским. Среди приписанных ему законов был один, согласно которому каждый вождь, если его убили в бою, должен быть сожжен на своем собственном корабле, равно как и предводители более низкого ранга, в чьей собственности находилось от одного до десяти кораблей. Фроди, как мы уже знаем, является датским эквивалентом Фрейра. В исландских сагах не так уж много упоминаний о захоронении судов, но два из них связаны именно с так называемыми жрецами Фрейра. Ингимунд в «Саге о людях из Озерной долины» был похоронен на корабельной лодке, а священника Фрейра в «Саге о Гисли», Торгрима, погребли на его

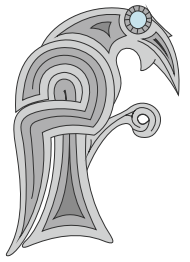
корабле внутри насыпи. Прежде чем закрыли курган, Гисли, ответственный за смерть своего приемного брата, бросил на корабль огромный камень, и это представляет интересную параллель с захоронением Осебергской ладьи, где был найден огромный камень, лежащий поверх судна. Было высказано предположение, что похороненная в Осеберге женщина могла являться жрицей ванов, и уже отмечалось, что с ней была похоронена сложная маленькая повозка.

Наиболее впечатляющий рассказ о корабельных похоронах в ранней литературе происходит из староанглийской поэзии, и теперь, когда мы знаем, что подобные обряды были традиционной формой захоронения в Восточной Англии в языческие времена, он приобретает особое значение. Это повествование в «Беовульфе» о погребальном путешествии Скъёлда, первого короля датчан, который, как мы видели, имел определенные связи с богами плодородия. Это свидетельство более раннее, чем любые литературные упоминания корабельных похорон в Скандинавии, поскольку оно было записано около 1000 г. н.э. и могло быть составлено даже значительно раньше. Поэт рассказывает, как старого короля снарядили для путешествия по морю:

*Я в жизни не видывал
ладьи, оснащенной
лучше, чем эта,
орудьями боя,
одеждами битвы —
мечами, кольчугами:
всё самоцветы,
оружие, золото —
вместе с властителем
будет скитаться
по воле течений.
В дорогу владыку
они наделили
казной не меньшей,
чем те, что когда-то
в море отправили
Скъёлда-младенца
в суденышке утлом.*

Беовульф, 38–52

Этот отрывок звучит как миф о похоронном ритуале, обосновывая, почему после смерти королей Восточной Англии хоронили на корабле — потому что Скъёлд, один из основателей народа, так покинул датчан. Ко времени написания этого отрывка в памяти некоторых людей или в семейных традициях могли остаться воспоминания о грандиозных похоронных церемониях, подобных той, что проходила в Саттон-Ху. Например, мы мо-

жем представить себе корабль Саттон-Ху, несущий сокровища короля, выведенный из ближайшей к его дворцу в Рендлшеме гавани и поднявшийся по реке Дебен до точки ниже кладбища восточно-английских королей. Если именно так правителей королевства доставляли к их последнему пристанищу, когда корабль участвовал в церемонии, тогда описание ухода Скъёлда может быть далеко от реальной практики. Корабль, возможно, унес мертвого короля от скорбящих по нему людей, хотя он должен был быть предан не океану, как в стихотворении, а земле на кладбище, где его ожидал курган. Должно быть, в сознании тех, кто готовил эти сложные и дорогие похороны на кораблях, была мысль, что сокровища, похороненные с мертвыми, должны каким-то образом перенестись с ними в таинственное царство богов, равно как и сокровища, дарованные Скъёлду в древней легенде.

Возлагался ли когда-либо в языческие времена мертвый человек на корабль, зажженный как погребальный костер и уплывающий, медленно сгорая, в море, является тем, чего мы не знаем. Говорится, что такой обряд был частью похорон Бальдра, когда того вместе с женой и лошадью в присутствии собравшихся богов сожгли на его корабле. Кроме того, согласно позднейшим свидетельствам, двух древних королей, конунга Хаки и короля Сигурда по прозвищу «Кольцо», отправили в море, когда те умирали или были мертвы от ран, полученных в бою (Ynglinga Saga, 23, и Skjöldunga saga, 27). Но у нас нет надежных доказательств такого обычая и нет свидетельств о такой практике. Возможно, и здесь подобные истории следует рассматривать как мифы, объясняющие давно установившийся обычай после смерти сжигать человека на корабле. Корабельные похороны должны были представлять напоминание об уходе основателя народа по морю в потусторонний мир.

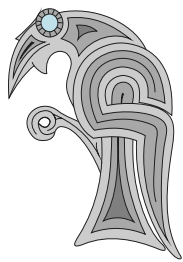
Как мы уже видели, такое убеждение, скорее всего, было связано с ваннами. Этот вывод подтверждается ис-

пользованием символа корабля в древнем мире. Это очень древний похоронный символ, поскольку в Древнем Египте в могилы рядом с некоторыми из пирамид в Старом царстве укладывали корабли, в то время как в гробницах Тутанхамона и других правителей Нового царства были захоронены макеты кораблей. В египетской вере было естественным связать корабль с путешествием солнца по небесам и с уходом божественного

фараона в царство богов. Таким образом, корабль стал для людей символом дара тепла и плодородия, и поскольку плодородие зависело от животворящих вод великой реки Нил, он был исключительно хорошим символом новой жизни на земле и подходящим подарком для мертвых. Связь с плодородием еще более отчетливо проявляется в корабле, который используется в качестве символа Исида в Южной Европе. В римские времена в Остии проводился ежегодный фестиваль в ее честь, когда возобновлялся сезон судоходства, и в первое полнолуние марта освящался и спускался затем на воду корабль без экипажа как жертва морю в честь богини. Изида была божеством плодородия, чьим эквивалентом на севере была Нерта, а позже Фрейя.

О третьем веке нашей эры мы знаем, что у богини была святыня на острове Валхерн

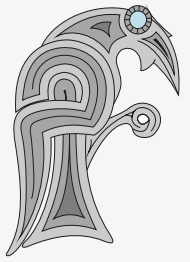

у побережья современной Голландии. Впоследствии это место было занесено песком, и там было найдено много камней с надписями, некоторые из которых изображают богиню по имени Нехаленния (A. Houdris-Crone, The Temple of Nehalennia at Domburg, 1955). Нет сомнений в ее родстве с богиней-матерью, так как она изображена с фруктами и рогом изобилия, и рядом с ней часто демонстрируется корабль. Эти камни, вероятно, устанавливались в ее честь странниками, которые надеялись на безопасное путешествие в Великобританию, поскольку ее святыня стояла в одном из местечек, откуда путешественники отправлялись пересекать Северное море.

Таким образом, когда Ньорд получает известность как бог кораблей, мы сталкиваемся с образом, известным с очень ранних времен, связыванием корабля с божествами мира и изобилия. Мы также должны помнить, что для жителей Севера существовала очевидная связь между ванами и морем, так как большая часть их пищи поступала именно оттуда. Недостаток рыбы был таким же ужасным бедствием, как и неудача посевов, и на бедных фермах люди зависели от запасов вяленой рыбы, чтобы пережить суровую зиму. Люди молились богам о двойном урожае, с земли и с океана, и, естественно, они обращались к ванам, прося их благословить рыбацкие лодки и привести рыбу в глубокие проливы и фьорды.

Север помнит: альтернативная музыка и Скандинавия

Дмитрий ДАММЕР

В преддверии выхода нового альбома и последующих концертов датчан «Heilung», которые привезут нам немного настоящего духа Севера и аутентичного звучания, давайте вкратце вспомним, как приживалась тематика скандинавского фольклора, мифологии и разнообразных викингов на почве рок-музыки как таковой, метала в частности и пограничного неофолка.

Преданья старины глубокой: 80-е, «Bathory» и «Manowar»

Началась эта история еще в середине 1980-х с heavy-metal warriors всех времен и народов «**Manowar**», которые воспевали в том числе северную мифологию, посвящая ей песни и целые альбомы. Viking metal в собственном смысле их творчество считать нельзя, но они подготовили почву для «Bathory», которые непосредственно жанр и основали, выпустив в 1988 году культовый «Blood Fire Death». Технически его скорее можно отнести к black metal, но тексты замешаны в основном на скандинавской мифологии. Следующий альбом «Bathory», «Hammerheart», первым проторил ту дорожку, по которой впоследствии шли многие viking metal коллективы: обильное включение народных инструментов наряду с гитарами и смена дисторшна на чистый вокал. Революционерами «Bathory» стали также в том смысле, что это первая (из широко известных) скандинавских рок-групп, обратившихся к знакомой мифологии. Потом этих молодцев станет столько, что никакой Вальгаллы не хватит.

Примерно в это же время формируются интересные «**Falkenbach**» и «**Einherjer**» — уже полноценный viking metal с народными инструмен-

73...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

тами, основанными на Эдде текстами и соответствующим визуалом — кольчуги, мечи, Мельниры, всё как положено. Особенно замечателен здесь «Falkenbach», германо-исландский проект с текстами на английском и исландском языках, красивыми вставками, сыгранными на народных инструментах, и серьезным влиянием black metal. Еще «Bathory» с ним крепко сдружились, и он непрестанно сопровождал смежные жанры на протяжении всей их истории. Любопытно, что основатель «Falkenbach» Вратиас Вакиас — характерный пример современного неоязычника, то есть человека, который не просто воспеваает славные подвиги предков, но сам полностью разделяет философию этих самых предков, их ценности и цели (а в случае особо упрямых — образ жизни и даже внешность). Для viking и folk metal сцены Скандинавии — это нормальное явление, потому что вся образность и сама Эдда — впитанное с молоком матери национальное достояние, поэтому обращение к ней вполне логично. Но вот когда про дремучие северные леса и мудрого Одина начинает петь уроженец солнечной Мексики — это явление на любителя.

Стартовавшие в 1992 шведы «**Amon Amarth**» подняли северную тематику в металле на новый уровень популярности, отказавшись от специфической, вдохновленной black metal, подачи в пользу мощного melodic death с громовым, как сам Тор заповедал, рыком Йохана Хегга.

... 74

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

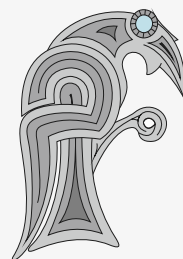
В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

Что касается folk metal, родного брата viking metal, то появился он одновременно с ним в середине 1990-х с таких групп как «**Finntroll**», «**Ensiferum**», «**Korpiklaani**», «**Turisas**», «**Moonsorrow**» и несть им числа. Команды этого направления работают в разной палитре жанров — от black metal до power, death и melodic death, а объединяет их все неугасимая любовь к фольклорным

образам, эпическим сагам — у кого Калевалы, у кого Эдды — и включение народных инструментов и аранжировок в структуру песен. Отдельно здесь я бы упомянул «Туг», уроженцев Фарерских островов (сейчас в составе Дании) — в их варианте folk metal добротнo замешан с прогрессивом и элементами народной фарерской музыки, а также молодую (появились они в 2009 году), но крепкую и уверенную команду folk metal направления «Skalmold». Они, как и положено исландцам, блюдут чистоту родного языка и тексты пишут исключительно на исландском. Может, и непонятно, но звучит красиво.

Ближе к родным соснам: «Wardruna», «Danheim», «Heilung», «Forndom»

Естественно, музыка не осталась в стороне от повального возвращения к корням и романтического неоязычества, ответив в начале 2000-х изрядным количеством неофолк-коллективов. В интересующей нас нише самые видные из них — «Wardruna», «Danheim», «Heilung» и «Forndom».

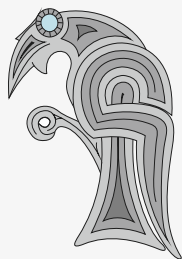
«Wardruna» — совместный проект Эйнара Селвика, бывшего ударника black metal икон «Gorgoroth», и их же бывшего вокалиста Гаала. В музыкальном плане это неофолк с толикой эмбиента, сыгранный на архаичных инструментах, которые создавали сами музыканты на протяжении почти семи лет. Портрет одной из лучших на сегодняшний день команд в жанре северного неофолка дополняют глубокий, пронзающий до мурашек вокал самого Эйнара и Линди Хелла, а также тексты на древненорвежском. Всем, кто не слышал, настоятельно советуем.

75...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

«Danheim», как и «Heilung», — датские коллективы, чья по-настоящему мистическая музыка позволяет слушателю погрузиться в раннюю эпоху викингов и прикоснуться к древнейшим корням скандинавской культуры. Шепот ветра, плеск волн, потрескивание костра, крики воронов, боевые песни и произносимые зловещим шепотом рунические заклинания накладываются на традиционные народные инструменты из козлиных и бараньих рогов и лунные арфы. Как перкуссию, которую особенно любят «Danheim», создавая подчас совершенно гипнотический ритм, используют погремушки и старинные рамочные барабаны. Впрочем, не забывают музыканты подстелить эффектную эмбиент-подложку и вставить электронных сэмплов. Как и «Wardruna», для любителей северной темы обязательны к ознакомлению.

Заканчивает этот общий обзор, попутно представляя в нашем топе Швецию, «Forndom» — dark ambient проект одного музыканта. Красивые атмосферные зарисовки, вдохновленные скандинавской мифологией и северной природой.

Кроме перечисленных, в северном неофолке немало и других достойных команд — «Gjallarhorn», «Hagalaz Runedance», «Nytt Land», и мы рассказали лишь о самых известных. ◆◆◆

... 76

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

Månegarm — «Fornaldarsagor», 2019

Анастасия ТИШУНИНА

26 апреля 2019 года Саги о древних временах получили новую жизнь: шведская метал-группа «Månegarm» выпустила альбом, каждая песня которого пересказывает истории из малоизвестных скандинавских саг.

Группа была основана в 1995 году в шведском городе Норртелье друзьями-одноклассниками. Начав исполнять музыку в блэк-металлической стилистике, музыканты продолжали экспериментировать и со временем сформировали своё фирменное узнаваемое разнообразное звучание: в творчестве группы можно найти и мрачные гитарные риффы, и развесёлые бодрые мелодии, и проникновенные акустические баллады; электрогитары органично соседствуют со скрипкой; сочетание разных стилей вокала от чистого пения до экстремального рычания создаёт разное настроение для каждой песни. Музыканты изначально решили исполнять большинство песен на родном шведском языке и черпали вдохновение из северного культурного наследия — тексты песен рассказывают о сканди-

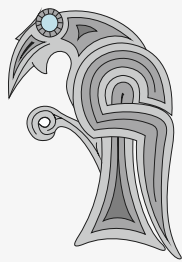
навской мифологии и исторических событиях, даже название коллектива (швед. måne — луна, др. исл. garm — волк или пёс) отсылает к волку Хати, который каждую ночь охотится на Луну. Как рассказывает вокалист, бас-гитарист и композитор группы Эрик Гравсио, он не помнит точно, когда именно заинтересовался мифологией древних скандинавов, настолько естественной частью его детства были сказания о богах и героях. Для барабанщика Якоба Халлгrena интерес к истории и языческим мифам стал настоящим призванием, он получил степень магистра в области медиэвистики и в свободное от музыки время преподаёт историю в школе. Именно ему принадлежала идея положить в основу альбома реальные сюжеты саг, и он стал автором текстов всех песен альбома.

77...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

Саги о древних временах (шв. *fornaldarsagor*, исл. *fornaldarsögur*) — большая группа малоизвестных текстов и отдельный жанр в древнескандинавской литературе. Эти саги значительно уступают в популярности исландским родовым сагам или биографиям конунгов. Тем не менее это очень интересные произведения, рассказывающие о событиях до заселения Исландии, действие их происходит в Швеции, Норвегии, Дании и даже в России¹. В этих сагах очень много магических, сверхъестественных элементов сюжета — намного больше, чем в вышеупомянутых жанрах, — что роднит их со сказками.

Пересказать всю историю саги в одной песне почти невозможно, поэтому Якоб Халлгрен принял решение выбрать из каждой саги один эпизод или отдельного персонажа. Так, например, в основу песни «*Nervors arv*» (шв. *Наследство Хервёр*) была положена одна из сюжетных линий "Саги о Хервёр и Хейдреке" (исл. *Nervarar saga ok Heiðreks*). Хервёр — воительница, в детстве не знавшая о своём происхождении. Позже, узнав, что её настоящим отцом был великий воин Ангантюр, она отправляется к его могильному кургану на острове Самсё, чтобы получить его заколдованный меч Тюрфинг. Оказавшись внутри кургана, она произносит магические заклинания и пробуждает своего отца. Между отцом и дочерью происходит диалог (также известный как *Nervararkviða*), и отец предупреждает её о проклятии, которое последует за мечом и будет передано её будущим детям. Хервёр, однако, не беспокоит судьба её потомков, она забирает меч и покидает гробницу.

Сюжет баллады «*Ett sista farväl*» (шв. «Последнее прощание») основан на "Саге о Вёльсунгах" (исл. *Völsunga saga*) и истории любви между Хельги Убийцей Хундинга и Сигрун. Хельги пал в битве и отправляется в Вальхаллу, но на одну ночь он возвращается в царство живых. Окровавленный, он встречает свою жену Сигрун, которая сопровождает мёртвого мужа обратно к могиле, и в могильном кургане они проводят вместе последнюю ночь. На рассвете Хельги приходится вернуться в пиршественный зал богов и снова покинуть жену, которая вскоре после этого умирает от горя. В записи этой песни поучаствовала приглашённая вокалистка, и от дуэта нежного женского и сурового мужского голосов древняя история трагической любви зазвучала особенно трогательно.

Название песни «*Krakes sista strid*» переводится как "Последний бой конунга Хрольва", персонажа одноимённой саги (исл. *Hrólfs saga*

¹ Например, часть действия Саги об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков (исл. *Egils saga einhenda ok Ásmundar berserkjabana*) происходит на Руси.

kraka ok kappa hans). Описанная в тексте песни битва интересна тем, что воины с обеих сторон не гнушаются использовать магические уловки. В войске конунга Хрольва есть берсерк Бёдвар по прозвищу Медвежонок, обладающий сверхъестественной силой, и в решающий миг битвы он сидит неподвижно, а вместо него на поле боя появляется могучий медведь, которому никто не может противостоять. Однако стоит Бёдвару снова вернуться в человеческое обличье, как противница конунга Хрольва королева Скульд тоже пускает в ход колдовство — и только что павшие воины по её велению встают и сражаются снова. В середине песни притаилась невероятно красивая лирическая мелодия, преломляющая бешеный музыкальный темп песни в точности так, как колдовство меняет ход сражения.

Альбом завершается, подобно любому сражению, "Песней смерти" (шв. *Dödskvädet*). Текст, сопровождающий печальную и вместе с тем жизнеутверждающую балладу, исполненную на акустической гитаре и скрипке, представляет собой вольное изложение скальдической висы *Krákumál*, которую, по преданию, произнёс перед смертью легендарный Рагнар Лодброк. Текст написан от первого лица — от лица воина, вспоминающего все выигранные им поединки. Затем упоминается Один, покровитель павших в битве воинов, встречающий воина в Вальхалле. В конце песни, как и в конце скалдической висы, упоминается желание умереть, смеясь: шв. "*Skrattande vill jag dö*" — не плача и не моля о пощаде, а смеясь смерти в лицо — таково было представление об идеальной гибели среди воинов-последователей культа Одина. Вслушиваясь в затихающую мелодию баллады, невозможно не подумать о том, что такую музыку могли написать только настоящие романтики, влюблённые в ту эпоху. Альбом "Fornaldarsagor" сам получился точно таким же, как те древние времена, которым он посвящён — брутальным, яростным и захватывающим.

«Amon Amarth» в Нью Джерси. Live

РАНХИЛЬД

*We are brothers
Of the north
Who are sharing the Allfather's blood.*

Ярость викингов в каждом аккорде, дух Севера в каждом слове, эпические тексты, воспевающие Северных богов и героев, — я пролетела почти пять тысяч километров из одного конца Америки в другой только ради того, чтобы снова «*raise our horns, raise them up to the sky*» вместе с многотысячным стадионам под песни «Amon Amarth».

И снова, как и три года назад, вас ждет далекий от совершенства, но эксклюзивный фотоматериал.

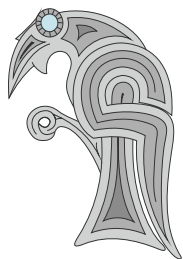

79...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

Волшебные норвежские сказки

Кто нынче мал, завтра велик

Источник: «Образы мира» <http://s-skazka.org.ua/>

Жила в Треннелагской округе бедная женщина. Не было у нее ни кола ни двора. Вот и ходила она с сыном своим по округе и милостыню просила. Поначалу они все в своем приходе нищенствовали и подавнием кормились, а после пришли в город Тронхейм. Побирались там по домам, покада к бургомистру не пришли.

Был бургомистр человеком добрым и почтенным, одним из самых первых людей в городе. И жена была ему под стать — из богатой купеческой семьи. Росла у них одна-единственная дочка, а больше у бургомистра с бургомистершей детей не было. Так что миловали они ее да голубили за двоих — и за сына, и за дочку, ничего для нее не жалели.

Вот пришла к ним в дом бедная женщина с сыном, и бургомистрова дочка сразу же с нищим мальчонкой подружилась. Увидел бургомистр, что дети так быстро поладили, и взял мальчика к себе в дом. Пускай вместе играют! Так оно и вышло: играли дети вместе, вместе гуляли и читали, а потом вместе в школу пошли. Крепко они дружили и никогда ни в чем друг другу не перечили.

Вот стоит однажды бургомистерша у окошка и видит: идет ее дочь с мальчиком в школу, а на пути у них большая-пребольшая лужа. Остановились дети. Мальчик сперва корзинку со снедью через лужу переправляет, потом назад перескакивает, берет на руки девочку, переносит через лужу, ставит на землю и целует.

Разъярилась бургомистерша, закричала:

— Еще этого не хватало! Как смеет побирушкин сын нашу дочку — дочку первых людей в городе — целовать!

Пытался было муж ее образумить. Чего только не говорил: и никому, мол, неведомо, где совьют свое гнездо птенцы и что кого ждет. Мальчик добрый и учтивый, а разве так не бывает: из маленького ростка могучий дуб вырастает. Кто нынче мал, завтра — велик.

Да нет! Куда там! Бургомистерше дела нет, кем он был, кто он есть и кем станет. Одно твердит:

— Коли бедняк будет в чести, неведомо, как станет себя вести!

И еще:

— Кого шиллингом вычеканили, тому далером не бывать. Из грязи в князи не выбьешься!

Гонит она мальчонку:

— Нечего тебе у нас оставаться! Убирайся сейчас же вон из дому!

Делать нечего. Пришлось бургомистру приемного сынка купцу-корабельщику отдать: пришел тот в Тронхейм на своей шхуне и взял мальчика к себе поваренком.

А жене бургомистр сказал:

Отдал я мальчонку купцу за пачку табаку!

Только стали якоря на шхуне выбирать, смотрят корабельщики — бежит бургомистрова дочка: лицо покраснелось, кудри ветром растрепало. Сняла она с руки перстень и — откуда только сила взялась — разломил его на две половинки: одну себе, другую — брату названому; это чтоб им друг друга признать, если встретиться придется.

Отчалила шхуна от берега, сколько дней, сколько ночей плыла — не счесть. И приплыла под конец в дальний заморский город, в чужеземные края. А там как раз в то время ярмарка веселая. И чего только на той ярмарке не было! В воскресенье отправились все корабельщики на ярмарку, один мальчик-поваренок на шхуне остался.

Только начал он обед готовить, слышит — кличет кто-то его с противоположной стороны пролива. Взял он челнок и переправился на другой берег. Видит — стоит на берегу древняя старуха, приговаривает:

— Лет сто я тут помощи ждала, не меньше, кричала, аукала, хотела на другой берег переправиться, только никто меня не слышал, никто, кроме тебя, не откликнулся. Переправишь ли меня на другой берег?

— Отчего не переправить! — отвечает поваренок.

— Награда за мной! — обещает старуха.

Переправились они на другой берег, и повела его старуха к своей сестре-троллихе, что в горе по соседству жила. Идут они по дороге, старуха и говорит:

— Как станет у тебя сестра допытываться, чем тебя наградить, ничего не проси, кроме старой скатерти, — она на нижней полке в поставце лежит. Скатерть эта не простая, а самобраная. Чего из еды пожелаешь, все тебе будет.

Так и случилось. Пришли они в гору. Как узнала горная троллиха, что он ее сестре помог, сказала она:

— Проси чего хочешь!

— Ничего мне не надо, — говорит поваренок, — кроме старой скатерти, что на нижней полке в поставце лежит.

— Не иначе, тебя кто надоумил, — молвила горная троллиха. — Ну да ладно, бери скатерть!

— Спасибо, — говорит мальчик, — а мне на шхуну пора, воскресный обед корабельщикам готовить.

— Не твоя теперь это забота, — перебивает его старуха. — Обед и сам сварится, покуда тебя нет. Иди со мной, получишь награду еще богаче. Лет сто, не меньше, я помощи ждала, кричала, аукала, но никто меня не слышал, никто, кроме тебя, не откликнулся.

Повела его старуха к другой своей сестре-троллихе, что в лесу по соседству жила. Идут они по дороге, старуха и говорит:

— Как станет у тебя сестра допытываться, чем тебя наградить, ничего не проси, кроме старого меча, — он на средней полке в поставце лежит. Меч этот не простой: сунешь его в карман — ножом обернется, вытащишь из кармана — снова длинным мечом станет. И меч этот обоюдоострый: пригрозил черным лезвием — все кругом замертво полягут, взмахнешь белым — все мертвые оживут.

Вот пришли они в лес. Как узнала лесная троллиха, что он ее сестре помог, сказала она:

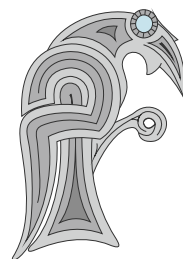
— Проси чего хочешь!

— Ничего мне не надо, — говорит поваренок, — кроме старого меча, что на средней полке в поставце лежит.

— Не иначе, тебя кто надоумил, — молвила лесная троллиха. — Ну да ладно, бери меч!

— Спасибо, — говорит мальчик, — а мне на шхуну пора.

— Успеешь еще, — перебивает его старуха. — Иди со мной, получишь награду еще богаче. Лет сто, не меньше, я помощи ждала, кричала, аукала, но никто меня не слышал, никто, кроме тебя, не откликнулся.

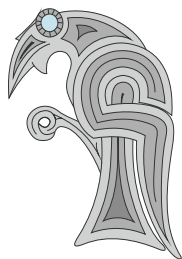
81...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

Повела его старуха к третьей своей сестре-троллихе, что в болоте по соседству жила. Идут они по дороге, старуха и говорит:

— Как станет у тебя сестра допытываться, чем тебя наградить, ничего не проси, кроме старого бабушкина песенника, — он на верхней полке в поставце лежит. Песенник тот не простой. Захворает кто, стоит его в руки взять да спеть, хвори как не бывало!

Вот пришли они на болото. Как узнала болотная троллиха, что он ее сестре помог, сказала она:

— Проси чего хочешь!

— Ничего мне не надо, — говорит поваренок, — кроме старого бабушкина песенника, что на верхней полке в поставце лежит.

— Не иначе, тебя кто надоумил, — молвила болотная троллиха. — Ну да ладно, бери песенник.

— Спасибо, — говорит мальчик. — Теперь уж мне пора. Прощайте!

Приплыл он на шхуну, а корабельщики еще на ярмарке. Решил он тогда скатерть испытать и поглядеть, на что она годится.

Расстелил мальчик поначалу всего лишь краешек скатерти. Смотрит — на столе чего только нет: и еды всякой — ешь сколько хочешь, и закусок, и заедок, и хмельного.

Отведал мальчик кусочек того, кусочек другого, а остальное собаке скормил. Наелась она до отвала и спать улеглась.

Вернулись с ярмарки корабельщики, шкипер и говорит:

— Где это собака так наелась? Брюхо у нее толстое-претолстое, и развалилась, будто боров.

— Да я ее костями накормил! — отвечает поваренок.

— Молодец, парень, и собаку не забываешь! — похвалил шкипер.

Расстелил мальчик скатерть-самобранку, и, откуда ни возьмись, на столе и снедь всякая — и закуски, и заедки — и хмельное появилось. Никогда еще корабельщики так не пировали.

Захотелось мальчику и меч испытать. Остался он с собакой один на один, пригрозил ей черным лезвием — и упала собака на палубе замертво. Перевернул он меч, взмахнул белым лезвием — ожила собака и хвостом завиляла. А вот песенник пока что не довелось ему испытать.

Плавали они, плавали, много земель морем обошли, и во всем была им удача, покуда буря не разыгралась. Много дней их по морю носило. Улеглась под конец буря, и причалила шхуна к неведомому берегу в чужеземных краях. Никто ведать не ведал, что это за страна. Но вскоре на шхуне прослышали: приключилась в стране великая беда — заболела проказой королевская дочка.

Собрались однажды на палубе корабельщики. Пришел тут на шхуну король и спрашивает:

— Не может ли кто принцессу исцелить?

— Да кому это под силу? Лекарей у нас нет! — в один голос отвечают корабельщики.

— А кроме как на палубе, на шхуне никого больше нет? — спрашивает король.

— Да есть тут один мальчонка-оборвыш! — сказали корабельщики.

— Зови его сюда! — приказал король.

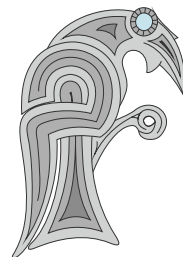
Пришел на палубу поваренок.

— Может, ты принцессу исцелишь? — спрашивает король.

— Отчего не исцелить! — отвечает поваренок.

Как услышал это шкипер, страшно разозлился, заметался по палубе, будто жук навозный в плошке с дегтем. Испугался он, что парень не за свое дело взялся и теперь ему не выпутаться. Вот и говорит он королю:

— Не стоит, ваше величество, детские речи слушать!

— Ничего, — говорит король, — с годами и разум приходит, а из мальчика мужчина вырастает. Раз взялся поваренок принцессу исцелить, пусть попытает свои силы. Немало охотников уже находилось, да все потом отступались.

Взял парнишка свой песенник, и повел его король к принцессе. Спел поваренок ей песню — королевская дочка ручку поднимает, спел другую — она на постели садится. Как спел третью — встала принцесса на ноги, будто и не хворала.

Обрадовался король и пожаловал спасителю половину земель в своем королевстве и дочку в придачу.

— Ладно, — соглашается парень. — Половину земель в королевстве, так и быть, возьму, сгодится. Премного благодарен! А вот королевскую дочку в жены взять не могу. Я другой обещание дал.

Остался он в той стране, и досталось ему полкоролевства. А вскоре война началась. Пошел на войну и парень. Подрос он и, уж поверьте, поработал черным лезвием меча на славу. Не отдал соседскому королю свой народ в рабство. Иноземные воины как мухи падали; победила королевская рать вражью. Стал тут парень белым лезвием размахивать. Ожили павшие враги и под начало к королю перешли: парень-то им жизнь подарил! Воинов у короля стало видимо-невидимо, а кормить их нечем. Пришлось парню скатерть-самобранку вытаскивать, и уж тогда никому ни в чем недостатка не было: наелись все досыта, напились допьяна.

Живет парень у короля год, живет другой, а потом заскучал вдруг по бургомистровой дочке. Снарядил он четыре шхуны и отплыл в Тронхейм, где бургомистр жил. Вошли шхуны в Тронхейм-фьорд, и стали корабельщики из пушек палить. Загрохотало в городе, загремело так, что половина стекол полопалась. Спустился тогда бургомистр в гавань и видит: убранство на шхунах королевское, а сам хозяин разодет в пух и прах: платье на нем сверху донизу расшито золотом.

Приглашает бургомистр незнакомого вельможу:

— Добро пожаловать ко мне в дом отобедать!

— С охотой! — говорит тот.

Пришел он к бургомистру в дом; усадили его за стол — по правую руку бургомистрова дочка, по левую — сама бургомистерша. Сидят все, беседуют, едят, пьют. Исхитрился парень и бросил половинку кольца в чашу бургомистровой дочке, да так, что никто, кроме нее, не заметил. Она сразу все поняла и вышла из горницы, будто ей на кухню надобно. А сама только за дверь — сразу обе половинки кольца друг к другу приладила.

Мать встревожилась: неужто дочка что задумала? Улучила минутку и вышла за ней.

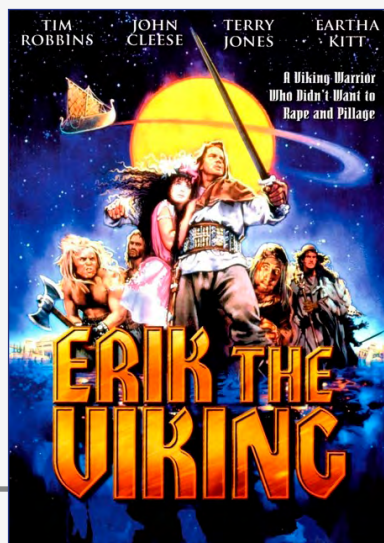
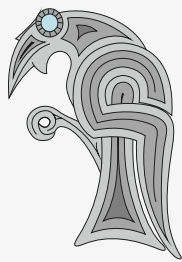
— Знаешь, матушка, кто наш гость? — спрашивает дочка.

— Откуда мне знать? — отвечает бургомистерша.

— Да тот, кого отец за пачку табаку отдал!

Закатились у бургомистерши глаза, и упала она без памяти. Вышел тут и сам бургомистр, а как услышал, что приключилось, не стал печалиться.

— Нечего шум поднимать, — говорит парень, которого за пачку табаку выменяли. — Я беру в жены девочку, которую когда-то поцеловал по дороге в школу. — А бургомистровой жене сказал: — Не гнушайся нищими детьми — никому неизвестно, кем они станут; с годами разум к человеку приходит, и из мальчика вырастает мужчина.

Дмитрий ДАММЕР

Эрик-викинг

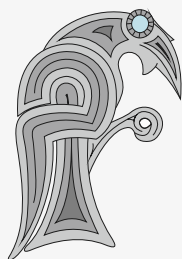
Где-то в далеком-далеком Вороньем фьорде на краю Норвегии жили-были самые что ни на есть среднестатистические норвежцы. Жили, как деды заповедали, — чтили богов, растили детей, пили немерено да соседей грабили, в очередной вик отправляясь. Неплохо, в общем, жили, как все. Пока одному из них, да еще и рыжему, (вот уж кто действительно оказался крайним) во время очередной (неудачной, надобно заметить) попытки снасильничать первую красавицу в окрестных деревнях не постучалось в его рыжую голову озарение: что ж мы делаем-то, это же порочный круг, и вообще так жить нельзя, и разве без насилия и впрямь никак? Понятное дело, что о таком невиданном милосердии никто из ближних нашего героя и не помышлял, и парня подняли на смех. Но духовный поиск было уже не остановить, поэтому главный герой, Эрик то есть, отправляется спросить совета у мудрой женщины, живущей в горах, подальше от этих мужланов и их нехитрого образа жизни. Звали женщину Фрейя, и герой вопрошает ее о том, как быть и почему людям предначертано богами убивать друг друга. А она его и спрашивает, видишь ты, мол, солнце на небе? «Нет», — ответил наш парень, ни разу об этом раньше

не задумавшийся. Фрейя ему и пояснила, что солнце проглотил Волк-Фенрир, после чего наступила Великая Зима, люди очерствели сердцами, в общем, полная Кали-юга. Но выход есть — Эрик лично должен пересечь Западный океан, снеся по пути обязательные тяготы и лишения, найти страну под названием Хай-Бразил, там рог, именуемый Громогласным (очевидная отсылка к Гьяллархорну), и протрубить в него три раза, тем самым разбудив богов. После чего они проснутся, объяснят Фенриру, что тот глубоко неправ, и на земле, а уж в конкретном Вороньем фьорде и подавно, наступит мир и благоденствие. Выбора у Эрика не было, окружающее свинство сидело в печенках, и он решил. Кинул клич по соседям: «Ну, кто хочет при жизни попасть в Асгард?» — нашлись смельчаки (хотя, прямо скажем, кое-кому Асгард не светил

тушку, и еще немало достойных сынов Норвегии. В финале зло получило по заслугам, солнце вновь вернулось на небо, а рыжий Эрик встретил любовь всей жизни. Мораль сей саги такова — почаще прислушивайтесь к голосу сердца, после чего и мир изменить сможете в лучшую сторону.

Если говорить серьезнее, то «Эрик-викинг» — отличная и очень смешная комедия

и после смерти), и под слезы матерей и рыдания брошенных любовниц войны отплыли в неизведанное.

Терри Джонса, начинавшего вместе с Терри Гиллиамом в небезызвестном шоу «Монти Пайтон». Кроме этого, он популярный историк и автор забавного и добротного сериала «Средневековая жизнь с Терри Джонсом».

Дальше было все: инициатическое путешествие, битва с драконом, завоевание сердца принцессы, столкновение с Тенью (зловредным конунгом Хальфданом), встреча с богами-детьми (эпизод для неприятельской комедии на удивление глубокий) и спуск в Хель (почти) — психонализ не дремлет и всегда готов предложить свою версию событий, но все совпадения случайны. Пройдемся лучше по персонажам, они того стоят. Потомственный берсеркер с вечно поучающим его отцом, красавец-кузнец, по которому сохнет вся слабая половина фьорда, вместе с подручным задумавший помешать исполнению плана, а то этот проклятый мир и благоденствие весь бизнес сорвет. Зовут подручного Локи, и ведет он себя как положено — хитрит, портит малину и в полном соответствии с Эддой приближает Рагнарек как может. Миссионер-неудачник, которому никак не удастся обратиться к Святому Писанию хоть одну погрязшую в невежестве душу — все грозятся выбросить за борт или сжечь вместе с писанием. Бесстрашный воин, нежно любящий свою ма-

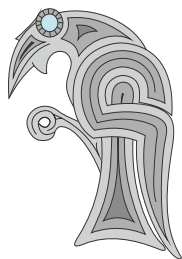
Уши «Монти-Пайтона», и правда, торчат из характерных диалогов, да и к Терри Гиллиаму есть оммаж — Хай-Бразил, страна-антиутопия «самых вежливых людей», явно намекает на «Бразилию» Гиллиама, вышедшую за четыре года до этого. В общем, фильм легкий, забавный и приятный. Незаслуженно, кстати говоря, забытый. Единственная претензия, пожалуй, есть к спецэффектам и комбинированным съемкам — такое впечатление, что их снимали в 1969, а не 1989 году, но не ради них же мы смотрим такие фильмы? Ведь ностальгия сильнее CGI.

85...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

Перевод со шведского:
Анастасия ТИШУНИНА

Скальдическая ПОЭЗИЯ

Главы из книги Peter Hallberg
«Den fornisländska poesien» —
Stockholm: Bonniers, 1962

Эпизод из "Саги об Олаве Святом", где Тормод скальд Чёрных Бровей¹ во всеуслышание декламирует "Древнюю песнь о Бьярке"², чтобы разжечь боевой дух воинов конунга перед битвой при Стикластаде в 1030 году, в полной мере отображает профессиональную деятельность скальда. Вместе с этой конкретной исторической подробностью Снорри Стурлусон даёт читателю ещё одно интересное свидетельство о деятельности скальдов. Он рассказывает, как Олав перед битвой приказывает трём своим скальдам находиться рядом с ним. "Вы должны, — говорит он, — стоять здесь и видеть всё, что происходит, собственными глазами, тогда вам не придётся полагаться на рассказы других, ведь потом вы должны будете рассказать об этой битве и сложить о ней песни"³.

В этих эпизодах саги изложена одна из важнейших функций скальдической поэзии. Многие скальды служили в качестве летописцев или, выражаясь современным языком, поэтов-репортёров, чьей задачей было рассказывать о своём правителе и славить его деяния. Как видно из пролога "Круга Земного", Снорри Стурлусон в полной мере осознавал ценность скальдических строф как исторических документов. Он утверждает, что вполне

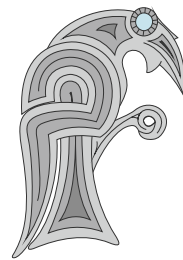
можно доверять всему рассказанному о походах и распрях конунгов в этих произведениях, которые были сочинены при жизни либо самих этих правителей, либо при жизни их сыновей. Несомненно, что скальды в какой-то мере превозносили и возвеличивали того, о ком слагали висы, однако никто не осмелился бы приписать конунгу деяния и подвиги, которых он вовсе не совершал, ведь и конунгу, и всем слушателям скальда было об этом известно — это сочли бы ложью и бесчестьем, а не прославлением.

Значительная часть образцов скальдической поэзии, которыми мы располагаем сегодня, сохранилась в записанных Снорри сагах о норвежских конунгах, начиная с "Перечня Инглингов" в "Саге об Инглингах", где скальдические строфы приведены в качестве цитат в прозаическом тексте. Здесь следует заметить, что эти многократно пересказанные поэтические произведения было бы очень трудно понять без разъяснений Снорри. Да, иногда личные имена и топонимы могут помочь осведомлённому читателю сориентироваться в географии и хронологии событий, но зачастую стилистика поэзии скальдов очень сложна для понимания. Кроме того, в поэзии скальдов было много шаблонных приёмов и типичных ходов, которые применялись, например, в описаниях морских сражений, и потому читатель может вообразить, что сражение разыгралось где угодно и с участием кого угодно. Затрудняет понимание ещё и тот факт, что имена действующих лиц иногда переписывались с ошибками, заменялись другими именами или вовсе кеннингами, например, конунг мог быть назван просто "воин".

¹ (др.-исл.) Þormóðr Bersason kolbrúnarskáld, в некоторых русских переводах также назван Тормод скальд Чернобровой

² (др.-исл.) Bjarkamál hin fornu

³ Снорри Стурлусон. Круг Земной. — М.: Научно-издательский центр "Ладомир", "Наука", 1980, пер. Ю.К. Кузьменко

Как известно, приём чередования прозы и скальдических строф, когда поэтические вставки повторяют уже рассказанное в прозе, широко применялся в исландских семейных сагах, и особенно в тех сагах, где скальды — это главные герои: Сага об Эгиле, Сага о Гуннлауге Змеином Языке и др. Исследователю очень трудно, а порой и вовсе невозможно определить, какие же из этих вставных строф подлинные, а какие — нет. Например, действительно ли реально существовавший исторический персонаж Эгиль Скаллаgrimсон сам сло-

жил все lausavísur⁴, которые, согласно тексту саги, он сочинял как в трёхлетнем возрасте, так и в преклонной старости, или же хотя бы в некоторых случаях можно говорить о том, что какие-то скальдические строфы были досочинены переписчиками и составителями саги?

Помимо "Круга Земного", ещё одним важнейшим источником наших познаний о скальдической поэзии является другая работа Snorri Sturluson — "Младшая Эдда". Однако в этом сочинении скальдические строфы приводятся не для отображения исторических событий, а рассматриваются под совершенно другим углом — как самостоятельные произведения искусства; Snorri изучает многообразие метафор и синтаксис скальдической поэзии.

ПЕРВЫЕ ДРУЖИННЫЕ СКАЛЬДЫ В НОРВЕГИИ

Происхождение скальдической поэзии и древнейший этап её истории окутаны мраком неизвестности. Искусство скальдов имеет ранних представителей в Норвегии, как и в Швеции — по крайней мере, известна

⁴ В древнескандинавской поэзии и в более поздней исландской поэзии lausavísa (мн.ч. Lausavísur) представляет собой композицию из одной, реже — набора строф, не связанных друг с другом повествовательно или тематически. Lausavísur часто вводятся в тексты саг с помощью фразы rá kvæð (затем сказано).

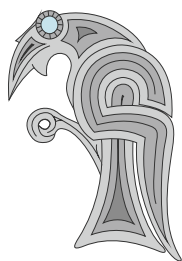
одна древняя строфа в размере дротткветт, высеченная на Карлевском руническом камне, и ещё две строки на брактеате из Сигтуны. Во всех остальных случаях источники относятся к северно-западным регионам Скандинавии.

Первым известным скальдом был Браги Боддасон, по прозвищу Старый, и время его жизни традиционно относят к IX веку. В "Младшей Эдде" Snorri приводит несколько строф из его "Драпы о Рагнаре Лодброке". Драпой называлось хвалебное стихотворение с повторяющимися строфами на манер припева; стихотворение, не содержащее таких повторов, называлось флокк и уступало драпе в значимости. Уже в поэзии Браги Боддасона в полной мере проявляется характерный для скальдической поэзии размер дротткветт. Но является ли это следствием долгого развития литературной традиции, ранние фазы которой до нас не дошли, или же, согласно норвежскому филологу Халльварду Ли, всё дело в новаторстве Браги — вопрос остаётся открытым.

Норвежец Тьодольв из Хвина был скальдом Харальда Прекрасноволосого (ок. 860-940 гг.). В прологе "Круга Земного" Snorri утверждает, что именно Тьодольв является автором известного стихотворения "Перечень Инглингов" — генеалогического древа конунгов. На материале "Перечня Инглингов" Snorri выстроил свою "Сагу об Инглингах". Стихотворение было призвано наделять не самого значимого норвежского конунга Рёгнвальда из Вестфольда, двоюродного брата Харальда Прекрасноволосого, также известного как Рёгнвальд Достославный, блестящей родословной — стихотворение возводит его род к шведским королям Уппсалы Инглингам, а через них — к предку Фьольнеру, сыну самого бога Фрейра.

Среди норвежских скальдов при дворе Харальда Прекрасноволосого также можно выделить Торбьёрна Хорнклофи⁵, смысл прозвища которого до конца неясен. Его перу Snorri приписывает "Глюмдрапу". Название может быть переведено как звонкая или певучая драпа и таким образом иллюстрировать вымышленность описанного в ней. Гораздо проще и понятнее выглядит другое произведение, так называемая "Песнь о Харальде", которая также приписывается Торбьёрну. Snorri подробно приводит текст песни в описании битвы при Хаврсфьорде, в которой Харальд

⁵ В некоторых русских изданиях он также именуется Торбьёрн Роговый Коготь.

победил своих противников и подчинил себе всю западную часть Норвегии. Принято считать, что итоги этой битвы в значительной мере стали причиной заселения Исландии, так как все несогласные с политикой Харальда были вынуждены покинуть Норвегию. Многие знатные норвежцы предпочли бежать от беспощадного правителя и начать новую жизнь на далёком острове. Несколько живописных строф из произведения Торбьёрна содержатся в 18 строфе "Саги о Харальде Прекрасноволосом". Песнь написана в размере малахаттр:

Heyrðir í Hafrsfirði,
hvé hizug barðisk
konungr enn kynstóri
við Kjǫtva enn auðlagða;
knerrir kómu austan,
kaps of lystir,
með ginǫndum hǫfðum
ok grǫfnum tinglum.

Hlaðnir vǫru hǫlða
ok hvíttra skjalda,
vigra vestrænna
ok valskra sverða;
grenjuðu berserkir,
guðr vas á sinnum,
emjuðu ulfheðnar
ok ísǫrn dúðu.

Кто не слышал
О схватке в Хаврсфьорде
Великого конунга
С Кьётви Богатеем?
Спешили с востока
На битву струги —
Всё драконы пасти
Да острые штевни.

Были гружены струги
Щитами блестящими,
Заморскими копьями,
Вальской сталью.
Бряцая мечами,
Выли берсерки,
Валькирия лютых
Вела в сраженье.⁶

Одной из самых красивых хвалебных песней в скальдической поэзии можно назвать произведение "Речи Хакона" (Hákonarmál), сочинённое Эйвиндом

⁶ Перевод М.И. Стеблина-Каменского. Источник: Снорри Стурлусон. Круг Земной. — М.: Наука, 1980.

Погубителем Скальд⁷, хотя это произведение и нельзя назвать типичным для жанра. Песнь рассказывает о гибели конунга Хакона Воспитанника Адальстейна в битве на острове Сторд в 960 году и о том, как его встречают в Вальхалле. Странное прозвище поэта может переводиться как "вредящий, ранящий или губящий скальдов" и в некоторой степени средневековым исландцем должно было расцениваться как "плагиатор". Для своего произведения Эйвинд, без сомнения, позаимствовал название и структуру сюжета у ранее существовавшей песни Eiríksmál, "Речи Эйрика" (Эйрика по прозвищу Кровавая Секира, единокровного брата Хакона). Песнь изображает, как Один посылает двух валькирий забрать Хакона в пиршественный зал Вальхаллы. И хотя само стихотворение сложено в размере льодахаттр ("разговорный лад"), непосредственно описание битвы на острове Сторд написано в малахаттре, что ясно видно на примере седьмой строфы.

Brunnu beneldar
í blóðgum undum.
Lutu langbarðar
at lýða fjörvi.
Svarraði sárgymir
á sverða nesi.
Fell flóð fleina
í fjöru Storðar.

Горели в ранах
зарева брани.
Жала железные
на жизнь покушались,
капли сечи шипели
на поле копий,
стрел потоки
струились по Сторду.⁸

И когда Хакон подходит к воротам Вальхаллы, ему навстречу Один посылает Хермода и Браги. Всеотец видится конунгу недобрым и грозным, как будто бы Хакону есть что скрывать от него. Этот эпизод многие пытались истолковать как изображение христианской веры конунга. В сагах Хакона называли христианином, так как английский король Адальстейн (Этельстан) крестил его и воспитал в христианском духе, хотя в Норвегии Хакон был вынужден блюсти некоторые языческие традиции, уступая местному большинству. Очевидно, скальд Эйвинд

⁷ Полное имя Eyvindr Finnsson skáldaspillir, Эйвинд Финнссон (т. е. сын Финна), по прозвищу Погубитель Скальдов.

⁸ Здесь и далее "Речи Хакона" приводятся в переводе О. А. Смирницкой. Источник: Снорри Стурлусон. Круг Земной. — М.: Наука, 1980.

намеревался изобразить конунга истинным язычником и отвести от него все подозрения в неприятии богов. Далее в песни особенно подчёркивается, что Хакон всегда чтит их святыни, и именно поэтому боги радушно принимают его в Вальхалле. Апофеозом хвалебной песни становится утверждение в предпоследней строфе, что скорее волк Фенрир порвёт свои оковы — то есть начнётся Рагнарёк, — чем появится конунг более достойный, чем Хакон. Для самой же последней строфы Эйвинд позаимствовал две известные строки из "Речей Высокого":

Deyr fé,
Deyja frændr,
eyðisk land ok láð.
síz Hákon fór
með heiðin goð,
mörg es þjóð um þjáð.

Мрут стада,
умирают родичи,
пустеют доли и дома,
с тех пор как пришел
к Одину Хакон,
народы многие пограны.

СКАЛЬДИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИСЛАНДИИ

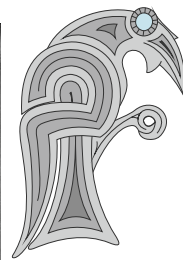
Постепенно жители Исландии стали монополистами в области скальдической поэзии. Молодые знатные исландцы, овладевшие искусством стихосложения, съезжались ко дворам королей северных стран, особенно к норвежским конунгам, и преподносили им в дар свои хвалебные песни. Дружинные поэты стали чем-то вроде институции в Норвегии. Учёный Сигурд Нордалъ предлагал следующее весьма правдоподобное объяснение: он указывал, что ни один норвежский конунг, начиная с Эйрика Кровавая Секира (ум. в 954 г.) и заканчивая Харальдом Суровым (ум. в 1066), не унаследовал дружину (хирд) от своего предшественника, поскольку всегда являлся его соперником. Это и препятствовало появлению местной, т.е. норвежской, традиции дружинных скальдов. Последним из норвежских дружинных поэтов стал Эйвинд Погубитель Скальдов, придворный поэт Хакона Доброго, который не мог нарушить закон и начать прославлять убийц своего господина — сыновей Эйрика Кровавая Секира и королевы Гуннхильд по прозвищу Мать Конунгов. С приходом к власти нового правителя дружинному скальду предыдущего конунга приходилось уйти в тень. Однако исландцам такая проблема не грозила. К ним,

чужестранцам, не предъявлялись такие строгие требования нерушимой верности одному правителю. Поэтому исландцы могли переезжать от одного королевского двора к другому как внутри Норвегии, так и за её пределами намного свободнее, чем норвежцы. Именно это преимущество, по мнению Нордаля, стало причиной возвышения исландских скальдов, а не какое-то другое загадочное обстоятельство.

Существует произведение "Skáldatal" (Перечень скальдов), сохранившееся в двух редакциях, более полная из которых охватывает исторический период в 350 лет, т.е. примерно до 1300 года. В тексте упомянуты 110 исландских дружинных скальдов от Эгиля Скаллаgrimссона до Йона Эгильссона, который в 1299 году воспел конунга Эйрика Магнуссона. Его хвалебная песнь стала заключительным аккордом северной скальдической традиции. От большинства поэтов, упомянутых в "Перечне скальдов", остались только имена. Но даже из тех скальдов, чья поэзия сохранилась до наших дней и чей творческий стиль был оригинален, нужно тщательно выбирать, кого включить в рассказ. Намерение автора книги состояло в том, чтобы сфокусировать внимание на нескольких значимых поэтах, которые вместе могут дать достаточно полную картину фаз развития скальдической поэзии и её жанров. Ввиду этого можно обратиться ещё к нескольким произведениям.

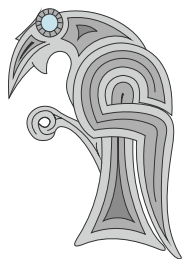
Хвалебная песнь, посвящённая конкретному королю, обычно считается наиболее распространённой формой скальдической поэзии, и она, безусловно, является наиболее социально значимой. Но были попытки обозначить и другие жанры в скальдической поэзии, хотя разграничить их довольно трудно. Ведь если рассматривать с точки зрения содержания "Перечень Инглингов", это и генеалогическое стихотворение, и одновременно восхваление правителя. Кроме того, существуют стихотворения

89...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

с мифо-героическими мотивами, в некоторых из них поэты описывают изображения на щите и т.п., и, как правило, эти стихотворения являются откликом на определённую ситуацию. Так, например, Браги Боддасон по прозвищу Старый вплетает в свою "Драпу о Рагнаре" эддические сюжеты: неудачную рыбалку Тора, подцепившего на крючок Йормунганда ("Песнь о Хюмире"); нападение Хамдира и Сёрли на Йормунрекка (он же готский предводитель Эрманарих). Описание рассказывает об узорах на щите, который Браги получил в подарок от Рагнара. Отрывок процитировал в "Младшей Эдде" Снорри: "Рагнар подарил мне этот щит со многими изображениями". В данном случае сочинить стихотворение скальда Браги побудило желание отблагодарить щедрого повелителя. Точно так же обстоит дело с "Хусдрапой" (исл. *Húsdrápa*, хвалебная песнь о доме) скальда Ульфа Уггасона. Отдельные строки из неё также процитированы в "Младшей Эдде", они тоже рассказывают о рыбалке Тора и похоронах Бальдра. В "Саге о людях из Лососьей долины" рассказывается о том, как была сложена эта драпа. На свадебном пиру Ульф произнёс стихотворение об Олаве Павлине, сыне Хёскульда, и о событиях, изображениями которых были украшены стены дома, и был щедро одарен Олавом за это. Так изобразительное искусство было воспето в поэтической форме, а само стихотворение стало данью уважения хозяину.

Другой важной составляющей поэтического наследия скальдов являются *lausavísur* — короткие висы-экспромты. Они могли быть посвящены самым разным эпизодам жизни скальда и были столь же разнообразны, как все авторы, сочинявшие их. Из исландских саг нам известно, что сочинение стихов не было уделом какой-то привилегированной прослойки общества, напротив, почти любой человек мог сложить вису.

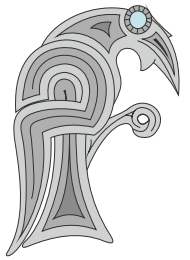
Несмотря на некоторые трудности и неизбежные несоответствия, проследить систематическое развитие разных жанров скальдической поэзии вполне возможно. Однако в данной книге более уместно следовать событиям в хронологическом порядке. ◆◆

...90

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

Читательские впечатления от романа «Герпла»

Ольга МАРКЕЛОВА

Наконец у меня нашлось время прочитать от корки до корки роман «Герпла» (1952) в подлиннике¹! Спешу поделиться читательскими впечатлениями.

Как известно, роман написан «по мотивам» древнеисландской «Саги о названных братьях». Портрет побратимов у Лакснесса вышел карикатурный: Торгейр Хаварссон — северный Дон Кихот, чья жажда военных подвигов переходит все границы; Тормод Скальд Чернобровой постоянно ищет благосклонности женщин и даже находит её, но его мечта — вовсе не семейное счастье (которое он, кстати, на некоторое время обретает), а возможность исполнить свои стихи перед каким-нибудь правителем, соответствующим его представлениям об идеальном конунге. Таким конунгом в романе оказывается Олав Толстый (вошедший в историю Скандинавии под именем Олава Святого) — и он является таким же любителем бессмысленного кровопролития, как и его почитатель...

Побратимы странствуют вместе по глухим уголкам Западных фьордов и по отдельности — по разным краям от Нормандии до Гренландии. Большие фрагменты текста посвящены их участию в военных походах в дальние страны. Читатель, хорошо помнящий «Сагу о названных братьях», непременно отметит, что по отношению к этой саге очень многое в романе является «отсебятиной», однако гибель Торгейра и мечь Тормода за него всё же остаются важной частью сюжета.

Битвы при Стикластадире и описания гибели Тормода, получившего в грудь стрелу с зубренным наконечником (в «Саге о названных братьях» это одна из самых запоминающихся и самых трагичных сцен), в романе нет.

Интересна финальная сцена: конунг и скальд, оба потрёпанные судьбой, встречаются в ночь перед битвой при Стикластадире, и между ними происходит следующий разговор: «Потешь, скальд, своего конунга нынче песнью, которую ты сочинил!» — «...Да я эту песнь сейчас и не припомню!»

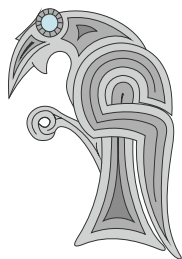
¹ На русском языке был опубликован только отрывок из этого романа: перевод Н. Крымовой, журнал "Иностранная литература" № 1 за 1957 год.

91...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 25

2019

Как и многие произведения Х. К. Лакснесса, «Герпла» отличается обилием языковых и стилистических экспериментов. Язык у романа намеренно архаизированный. Его принято сравнивать с языком саг, но стиль древнеисландской прозы с его лапидарностью абсолютно не похож на поистине барочное многословие, характерное для «Герплы»! Синтаксис и морфология в языке романа порой производят впечатление вычурных. Возможно, они обнаруживают больше родства с текстами раннего Нового времени, созданными по рецептам зарубежных риторик. Во всяком случае, если целью автора была не филологическая точность, а придание тексту определённой доли исторического колорита и лингвистической затемнённости, то эта цель оказалась вполне достигнута.

Признаюсь честно: мне роман не очень понравился. Восторженному почитателю древнеисландской словесности тяжело воспринимать текст длиной в 493 страницы, где лишь на редких страницах нет глумления над саговыми героями! И всё же мне совсем не жаль времени, потраченного на этот роман. После его прочтения становится понятно, где надо искать корни некоторых тенденций современной исландской прозы (например, тенденции изображать древних исландцев оборванцами и чудаками). В эпоху написания «Герплы» рецепция нацистов уже оставила свой след на романтически-героизированном образе древней Скандинавии, и продолжать апеллировать к этой героике для серьёзного писателя было уже немыслимо. Высмеивание — как раз хороший способ избавиться от морально устаревшего дискурса в словесности. Возможно, Халльдоур Кильян местами и перегнул палку в окарикатуривании своих героев, но в этом была историческая необходимость.

А также этот роман важен тем, что в нём на смену образу Героя как центрального предмета почитания в исландской словесности пришёл образ Поэта. (Об этом подробно пишет исландский литературовед Jón Karl Helgason). А фигуру Поэта в исландской литературе пока ещё никто не ниспроверг!

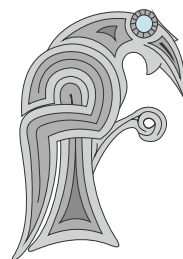

...92

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

О книге

О.В. КУТАРЕВ

«Сага о йомсвикингах»

(Перевод и научный аппарат Ю.А. Полуэктова —
М., СПб., 2018)

Настоящая работа написана в формате рецензии, хотя, возможно, правильнее назвать её отзывом. Дело в том, что, к сожалению, я не владею в должной степени древнеисландским языком, чтобы полноценно рассмотреть основную — переводную — часть описываемой мною книги. Однако указанное в заголовке издание¹ не оставило меня равнодушным, и за пределами собственно качества перевода я постараюсь осветить основные черты этого нового труда именно так, как это принято делать в рецензиях.

Книга удачно оформлена, она достаточно объёмна (592 страницы) и «декорирована» стилизацией рисунков с картинных камней викингов. Но самое приятное, что и содержание её показывает фундаментальную, длительную и кропотливую работу создателей, прежде всего Ю.А. Полуэктова, который основательно разобрался с историографией и источниками своего предмета, сумев создать по-настоящему востребованный и качественный труд.

«Сага о йомсвикингах» — произведение древнеисландской литературы, возникшее около 1200 года и известное по ряду различных рукописей и редакций, несколько отличающихся друг от друга, при этом оригинал их, вероятно, был утрачен. Переводчик выбрал три сохранившиеся ключевые редакции на древнеисландском языке и полностью перевёл на русский одну за другой, хотя тексты эти во многом параллельны и схожи. Однако переводчик хотел показать их как самостоятельные произведения со всеми характер-

ными особенностями каждого текста, тем более что так и не было окончательно установлено, какая из версий саги однозначно более древняя или близкая оригиналу.

Йомсвикинги — боевое братство, существовавшее, судя по хронологическим «наводкам», которые даны в самой саге, в конце X в. и имевшее базу в крепости Йомсборг. Само представление об этом месте («область Йом») в сагах и в другой средневековой литературе представляет собой значительную научную проблему, которая в последние десятилетия, впрочем, как кажется, была разрешена. По всей видимости, Йомсборг — это городок Волин (точнее говоря, крепость в нём или около него) в нынешней северо-западной Польше у южного берега Балтийского моря; однако в древности это был большой и значимый центр региона, одна из «столиц» Поморья, могучего некогда славянского государства эпохи Высокого Средневековья. Согласно «Саге о йомсвикингах», доблестный воин Пальнатоки (в его имени, кстати, исследователи также видят славянские корни,

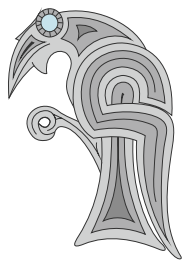
93...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

¹ Полное название: Сага о йомсвикингах / Пер. с древнеисландского, ст., комм. Ю.А. Полуэктова, лит. обработка пер. М.П. Соболевой; науч. Ред. Ю.К. Кузьменко. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. — 592 с. Тираж 300 экз.

ср. поляне, с. 342–343) покидает родину и становится знаменитым викингом, промышляя некоторое время на Британских островах. Добившись славы и признания, он прибывает в Виндланд, «страну вендов», то есть к балтийским славянам, которые с конца X в. до примерно середины XII в. переживали свой не долгий культурный и политический расцвет. Здесь, договорившись с правителем вендов Буриславом, он основывает крепость Йомсборг и его боевое братство. Желавшие признания воины, прежде всего из Дании, один за другим присоединялись к прославившимся в успешных походах йомсвикингам, увеличивая значение и силу этого сообщества. После смерти Пальнатоки йомсвикингов возглавил Сигвальди, который сумел взять в плен самого короля Дании, Свейна Вилобородого. Однако Свейн позже сумел отомстить: хитростью он добился от Сигвальди и его воинов обещания, что те отправятся на войну против его недруга, короля Норвегии Хакона. Йомсвикинги оказались верны обетам и действительно, несмотря на большой перевес сил соперника, напали на норвежцев и даже некоторое время побеждали. Однако Хакону удалось переломить ход войны в свою пользу; описание финальной битвы братства йомсвикингов и её последствий занимает значительную часть саги.

Книга представляет собой, прежде всего, перевод основных редакций саги, а также обширный (немного превосходящий по объёму все тексты переводов) научный аппарат, который охватывает целый ряд вопросов, связанных как непосредственно с произведением, так и с множеством связанных проблем. Имеет смысл теперь рассмотреть все части книги по порядку.

1) Русские переводы текстов саги (с. 13–226) выполнены на хорошем и понятном для чтения языке, который покажется удобным и простым для усвоения даже тому, кто именно в этой книге впервые будет иметь дело со средневековыми исландскими источниками. Небольшое предисловие (с. 3–10) быстро вводит читателя в исторический контекст и общими словами характеризует жанр саг. Переводчик в том числе нашёл удачные способы выразить специфический юмор викингов. Необходимо отметить, что русские переводы двух из трёх редакций «Саги о йомсвикингах» выполнены впервые; ещё одна редакция ранее переводилась целиком, но только с английского², что исклю-

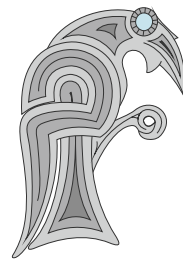
чает возможность считать этот перевод академическим. Ю.А. Полуэктов же осуществил переводы с оригинала. Однако по самому тексту приводится относительно мало (подстрочных) комментариев (см. далее), основное место которым уделено во второй части книги. Тексты трёх редакций следуют одна за другой; основная их часть сходна, соотнесение параллелей сюжетов и различия в написании имён и названий оставлено на читателя.

2) Следующий раздел книги — текстологический, посвящённый описанию рукописей и их историографии. Рассмотрев источники и литературу по данной проблеме, Ю.А. Полуэктов приходит к выводу, что в настоящее время не установлено надёжно, в каких отношениях находятся те или иные редакции памятника и которые из них являются старейшими: «Сага о йомсвикингах» прошла больше ступеней развития, чем какая-либо другая сага» (с. 237). Дополнительную сложность вызывают различия в описании общих сюжетов во многих смежных памятниках, например, в «Круге Земном» или «Деяниях данов» Саксона Грамматика, где тоже много говорится о тех же героях. Впрочем, подытоживая рассмотрение исследований, автор указывает, что все ключевые редакции «Саги о йомсвикингах» «появились в период с 1200 по 1230» года или немногим ранее (с. 242), а рассматривать их лучше комплексно.

3) Основу исследовательской части книги занимает обширная работа «Легенда о Йомсборге и йомсвикингах в исторической науке» (с. 245–310), которая разделена на несколько тематических глав. Пожалуй, данные главы имели смысл отметить в содержании книги; поскольку этого не сделано, а также ввиду важности этой части труда, имеет смысл рассмотреть их чуть подробнее.

А) Первая из них посвящена проблеме Йомсборга: каков был исторический прототип этой крепости? Ю.А. Полуэктов рассматривает средневековые источники (с. 245–247), исторические произведения нового времени (с. 247–254) и современные научные исследования (с. 254–266), чтобы попытаться разобраться в этом вопросе, который на самом деле лишь не столь давно обрёл окончательный ответ. Йомсборг сопоставляли с городом, который по разным текстам мог называться Юмне, Юмнетой, Винетой, Юлином, Волином; при этом весьма различалась и его локализация. Хотя почти все были согласны, что он находился в Померании (южное побережье Балтийского моря, ныне разделённое между Польшей и Германией и отчасти под-

² Фетисов А.А., Щавелёв А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. — М.: Вече, 2013. С. 85–147. Этот перевод опубликован на известном у любителей скандинавского средневековья сайте «Северная слава» (<http://norroen.info>).

ступающее к Дании), всё же разные авторы по-своему подходили к проблеме. Иногда множественность названий объясняли тем, что это разные поселения; каждому находили место то на островах Рюген или Узном (нем. Узедом), то на тех или иных рукавах рек Одры, Дзивны и Пены. Отдельные исследователи полагали, что некоторые эти крепости уже разрушены или утонули при изменении ландшафта; прочие же уцелели и ныне имеют новые, дополнительные названия. Этот хаос, действительно, налицо даже при чтении средневековых хроник и агиографий XI–XIII вв., противоречащих друг другу, но в то же время и стремящихся использовать материал предшественников³. Дошло до того, что некоторые авторы к XX в. стали и вовсе отрицать реальное существование поселения под тем или иным названием, считая его сугубо литературным домыслом. Однако ко второй половине XX в., особенно с появлением обширных археологических материалов из польского Волина, становится ясно следующее: «тождество Йома, Юмне, Волина и Йомсборга уже практически не вызывает сомнений» (с. 265).

Б) Вторая часть исследовательской статьи освещает вопрос истории Волина, какой она открывается по наиболее ранним надёжным источникам и данным археологии. Здесь автором привлекается новейшая зарубежная литература, что делает этот раздел, несомненно, чрезвычайно актуальным. Прежде всего потому, что подобных исследований на русском языке явно недостаточно; а также ввиду огромной роли Волина и Поморья в раннем и Высоком Средневековье. «Волин отличался не только своей протяжённостью, но и большим населением. По мнению ряда исследователей, уже в конце X в. в нём проживало 8–10 тысяч человек. Для сравнения — самый большой город в Северной Европе той поры, Дорестада, имел население всего 3 тысячи человек» (с. 268). Волин имел обширные культурные и торговые контакты как со скандинавским и западноевропейским миром, так и с Русью и Византией; изделия его ремесленников пользовались большим спросом

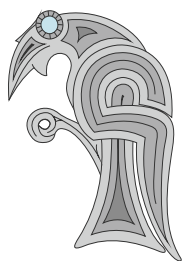
по всему балтийскому региону, но доходили и до арабских стран. Крайне любопытно предположение о появлении Волина и балтийских славян (виндов) как индов (из Индии) — в русских былинах (с. 269). Прекрасно проработан вопрос отношений Волина и Поморья в целом в X в. с Польшей (с. 272–274); подробно рассмотрены сведения об этом регионе купца и путешественника X в. Ибрагима ибн Якуба (с. 274–277). Дальнейшее рассмотрение текстов-источников увязывается с новейшими археологическими материалами региона: отмечается постепенный упадок значения города, его многократные разорения во второй половине XII в. и едва ли не исчезновение к XIII в. «В XVI в. население Волина составляло всего 300–400 человек» (с. 281). Однако память о великом богатом славянском городе сохранялась не только у жителей этого региона⁴, но и в Скандинавии, где в XII–XIV вв. происходит запись огромного числа бытовавших до того устно саг.

В) Весьма интересен следующий раздел, посвящённый названиям Волина/Йомсборга (с. 282–286). Автор по научной литературе прослеживает этимологии многочисленных именованний города, подчас имеющих тесную связь между собой. Трудно не согласиться с тем, что по сути однокоренные формы Юмне, Йом и Йомсборг (а также Хиумсбург) имели хождение прежде всего в германском мире (можно было бы, разве что, привести в пример и другие германские, и, прежде всего, скандинавские именованья для более известных под своими славянскими названиями городов: Хольмгард для Новгорода; Бурстаборг для Щецина и т.п.); славяне же называли город Волин. При этом в случае Винеты и особенно Юлина мы имеем дело с внешними искусственными этимологиями: Винета как город винедов (германское название балтийских славян), и Юлин как город якобы Юлия Цезаря (попытка эвгемерного объяснения эпонима города Волин, происходящая из «Житий св. Оттона Бамбергского»). Впрочем, автор акцентируется на других этимологиях, из которых интересны предположения о славянском корне «яма» для Йома; о влиянии финских или балтийских языков.

Г) Ключевое место в исследовании занимает раздел о происхождении и развитии легенды о йомсвикингах. Археологический материал указывает, что «скандинавские вещи

³ Достаточно сказать, что при изучении текстологии «Житий св. Оттона Бамбергского», где также значительное внимание уделено городу Волин (названному здесь Юлин), я со своим коллегой А.С. Досаевым пришёл к несомненному выводу, что данными агиографиями пользовался спустя несколько десятилетий Саксон Грамматик. Этот датский хронист, создавший в начале XIII в. «Деяния данов», в случаях, когда источником ему служили скандинавские саги, называл город «Йомс» (например, в 8.2.5); а когда опирался на «Жития» Оттона — «Юлин» (например, 14.42.1–3). Именно обращение к Саксону Грамматику позволяет отождествлять эти названия; см. далее.

⁴ Прекрасный пример местных фольклорных «воспоминаний» о Волине см.: Иванова-Бучатская Ю.В. Plattes Land: Символы Северной Германии (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера). — СПб.: Наука, 2006. С. 88–91.

хорошо представлены в Волине в период с 980-х годов до первого или второго десятилетия XI в., т.е. на протяжении 30–50 лет» (с. 287). Это вполне согласуется со сведениями «Саги о йомсвикингах», основные события которой, судя по историческим параллелям, происходят в последней четверти X в. (подробнее о датировке см. с. 300). Впрочем, сама по себе скандинавская крепость, будь то в черте Волина или около него, не обнаружена и вряд ли когда-нибудь будет.

Один из важнейших вопросов, справедливо занимающий Ю.А. Полуэктова в самых разных разделах книги: в какой степени можно рассматривать «Сагу о йомсвикингах» как исторический источник? Тому, кто записывал «Сагу» в XIII в., это предание, несомненно, представлялось историческим. Действительно, её участниками являются многие исторические фигуры; не вызывает сомнения и факт битвы в Хьёрунгаваге между датскими викингами и норвежским королём Хаконом Могучим. «В битве в Хьёрунгаваге участвовали несколько исландских скальдов», и «они рассказали об этом сражении в своих поэтических произведениях» (с. 232, ср. 304), при этом часть некоторых из этих стихов, видимо, дошла до нашего времени, в том числе как цитаты «Саги о йомсвикингах» (но см. с. 490). А «в историографии XVIII — начала XX в., когда Йомсборг многими воспринимался как исторический факт», «Сагу» использовали в одном ряду с немецкими хрониками, лишь пытаясь согласовать их противоречия (с. 293). Позднее однако скептический взгляд на историзм оригинальных сведений «Саги о йомсвикингах» широко распространился в литературе (вместе с аналогичным сомнением в отношении и других исландских саг). Автор рассматривает весьма различающиеся взгляды на проблему того, был ли (и каков, если да) исторический прототип для сказаний «Саги»: от доверия её тексту или признания наличия наёмного отряда датчан на службе у поляков или поморян — вплоть до полного отрицания исторической основы братства йомсвикингов (с. 293–310). Важно отметить, что само понятие «йомсвикингов» появляется очень поздно, видимо, в конце XII в., в то время как современные битве в Хьёрунгаваге источники этого названия не используют. Вместе с тем в качестве действительных причин похода датских воинов на короля Хакона хронисты называют отпадение Норвегии от Дании и отказ норвежцев от уплаты дани, а вовсе не «торжественные обеты, легкомысленно принесённые йомсвикингами», как это представлено в «Саге» (с. 301). В этой связи закономерно спросить: все ли (хотя бы главные) герои преданий су-

ществовали на самом деле, и так ли происходили основные события, ставшие причиной битвы, и сама битва?

Разночтения в источниках на предмет основания Йомсборга, отдельных личностей «Саги» (включая, например, одного из важнейших персонажей Вагна Акасона, не упоминаемого до конца XII в. в связи с этой историей), описаний политических перипетий и т.д. приводят вслед за рядом исследователей Ю.А. Полуэктова к некоторому скепсису в отношении историзма «Саги о йомсвикингах», и надо сказать, в своих объяснениях этого он закономерен. Он принимает ряд следующих тезисов: «мы не можем утверждать, что в основе легенды о Йомсборге лежит предание о датском господстве в устье Одера на рубеже X–XI в.» (с. 305); «известность Волина в Скандинавских странах привела к тому, что вся информация, касающаяся славян, стала ассоциироваться у них с этим городом» (с. 308); а также то, что заинтересованность в таком виде предания могла проявить скандинавская знать: «часть аристократов вела свой род от героев битвы в Хьёрунгаваге, и рассказ об этой битве стал важной частью мифологии, которая легитимизировала ведущую роль знати» (308–309 с.). Кроме того, в «Саге» слишком актуализируются многие политические и социальные проблемы скандинавского общества, характерные именно для начала XIII в., когда сага была записана, но не когда происходили её события, и потому некоторые истоки этих преданий «следует искать не в реалиях X века, а в культурной среде и идейной истории более позднего времени» (с. 310). Ю.А. Полуэктов полагает, что в том виде, как их изображают саги, йомсвикинги никогда не существовали. Возможно, этот тезис чрезмерно суров, но для спора с ним теперь потребуется серьёзная аргументация с оглядкой на рассматриваемую книгу.

4–5) Следующая часть работы представляет собой алфавитный список имён персонажей «Саги» с аннотациями, то есть первый раздел справочного аппарата. За ним следует второй: алфавитный же список географических названий с пояснениями и комментариями. Вместе эти словарики занимают более сотни страниц (с. 311–385 и 386–423), то есть весьма ощутимую часть книги. Необходимо отметить, что рассматриваемые здесь понятия никак не «приклеены» к именам и названиям в собственно тексте; они поставлены в некотором роде отдельной работой. Но читать её в отрыве от источника довольно скучно; возможно, было бы удачнее сделать пояснения в виде традиционных для ака-

демических переводов «приделанных» к тексту комментариев после перевода (например, как в сериях «Литературные памятники»; «ЖЗЛ» или «Mediaevalia»).

6) Тем более актуальным этот совет кажется в отношении финальной части раздела комментариев. Это «Историко-этнологический комментарий» (с. 424–491), имеющий весьма любопытные и ценные статьи. Однако и они, полностью оторванные от текста источника, находящегося уже минимум на 200 страниц выше, без малейших точных привязок воспринимаются несколько «выпавшими». А обращение к ним как к собственному справочному аппарату затруднено их структурой. Понятия, которые здесь рассматриваются, разбиты на 10 тематических групп (например, «Ритуалы и традиции», «Обычаи. Верования», «Корабль эпохи викингов» и т.д.). Мало того, что не вполне ясно, что именно и в какой из этих порой смежных категорий можно найти, так ещё и понятия здесь следуют в произвольном, а не алфавитном порядке. В то же время некоторые статьи, особенно о религиозных воззрениях скандинавов-язычников, совершенно великолепны (хотя к ним можно было бы добавить некоторые славянские параллели, скажем, в отношении использования питьевых рогов). Так что здесь я выскажу лишь пожелания о более удобной структуре научного аппарата, но не стану предъявлять претензии по его существу.

7–8) За комментарием следует небольшой перечень текстов-источников, упомянутых в книге, с некоторыми пояснениями. Далее в качестве приложения даётся первый полный русский перевод «Драпы о йомсвикингах» (созданной «в конце XII в.», с. 244; или в первой четверти XIII в.); о ней говорится в книге на с. 232–233. Возможно, этот краткий (с. 504–515) поэтический текст стал основой для появления многочисленных редакций «Саги»; очень ёмко он излагает события, завершающие историю братства йомсвикингов. Традиционно научное издание источника завершает библиография и указатели имён и географических названий. Таково содержание книги.

Таким образом, перед нами работа, которая предстаёт чрезвычайно интересной и востребованной сразу в нескольких разных плоскостях. Ценители скандинавской истории и эстетики викингов найдут здесь замечательный перевод важнейших исландских саг, красочных и весьма знаменитых в своё время. Недаром, например, некоторые сюжеты саги перекочевали в популярный сериал «Викинги» (ср. эпизод о неудачном для палача отрубании

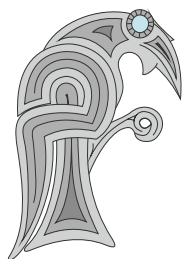
головы пленнику в 9 серии 3 сезона — и с. 95, 140–141, 220–221). Но работа будет полезна и для тех, кто интересуется историей славянского мира: проблеме Йомсборга и Виндланда (земель балтийских славян) здесь уделено большое внимание не только в самом источнике, но и в прекрасном научном аппарате.

Лично у меня, не раз обращавшегося к этой сложной теме, вызвало настоящий восторг рассмотрение проблемы Волина/Винеты в историографии нового времени. Эти работы, созданные на латыни или современных европейских языках (например, скандинавских; или на немецком — готическим шрифтом) весьма труднодоступны для русского читателя; кажется, что многие факты из них на русском языке излагаются в книге впервые. С одной стороны, можно сказать, что ценность их сугубо историографическая, поскольку авторы эти руководствовались домыслами подчас в куда большей степени, чем признанными сегодня научными методами. Но с другой, они порождали определённую собственную культурную инерцию и стереотипы, которые нашли своих почитателей и впоследствии влияли не только на развивающуюся науку, но и на фольклорную, художественную, иногда даже политическую среду. Изложение этих идей XIV–XVIII вв. составляет, на мой взгляд, одно из крупных достижений книги.

Нужно отметить весьма ценным и признанием того факта, что среди викингов, действительно сражавшихся в Хьёрунгаваге против норвежцев, были славяне (с. 295, 302, 317, 351, 458), которые кроме прочего прямо упоминаются в цитатах вис, сочинённых участниками сражения. Например, Тинд Халлькельсон (с. 358) говорит в одном флокке (с. 490): «*Давший пищу врана / След меча оставил / У отряда вендов*» (с. 209). Тот же или созвучный стих Тинда цитируется и в «Круге Земном»: «*Вендов Тунд кольчуги / Метил углем рети*»⁵ (т.е., по смыслу, примерно: король норвежцев «Хакон разил славян» в битве в Хьёрунгаваге). В конце концов, можно даже поставить дерзкий вопрос: не был ли исторически последний крупный пиратский набег поморян в 1135 году направлен на далёкую Норвегию (на богатый и крупный тогда город Конунгахела, ныне шведский, см. с. 307) именно потому, что некогда волинские викинги прославили себя в веках также в морском походе на Норвегию?

В то же время я не могу признать полную бесполезность «Саги о йомсвикингах» для исторических разысканий (да и кажется,

⁵ Сага об Олаве сыне Трюгви. Гл. ХЛII. // Снорри Стурлусон. Круг Земной. — М.: Наука, 1995. С. 125.

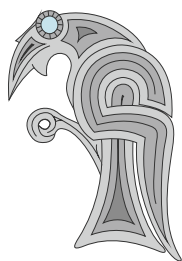

97...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

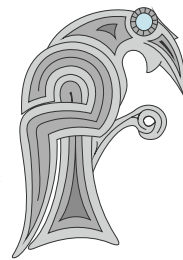
что создатель книги вовсе и не имел этого в виду). Любопытнейший вопрос в этой связи, например, вызывают славянские персонажи саги из Виндланда, прежде всего, «конунг» Бурислейв и его дочери, ставшие жёнами многих видных королей и героев (с. 125, 180, 184–185 и т.д.). Вопрос их историчности на самом деле весьма занимает Ю.А. Полуэктова; он внимательно и подробно рассматривает взгляды исследователей на Бурислава как на современного событиям саги Болеслава Храброго, князя Польши (возможно, «смешавшегося» в предании со своим отцом Мешко I); в то же время допуская влияние на этот образ как Болеслава Кривоустого (правившего уже в XII в.), так и вовсе наличие собственно поморского князя Бурислава. Впрочем, проблему идентификации его дочерей (одна из «них», Гуннхильд, например, согласно историческим источникам, действительно была женой Свейна Вилобородого) однозначно не решает ни одна из теорий; следует признать чрезвычайную сложность вопроса и смешение исторического и литературного в саге (притом, что исторические источники также не дают полной ясности). По всей видимости, поляки всё же сыграли в этой истории какую-то роль; по крайней мере, известно, что к 1000 году часть Поморья (в частности город Колобжег) подчинялся им. Но в таком ключе интересно и предположение, что датские наёмники (прототипы йомсвикингов) могли, наоборот, защищать Поморье от польской экспансии (вопросу о Бориславе, его дочерях и смежным темам посвящено множество обращений: с. 295, 302, 305, 307, 317, 319–324, 329–331, 339–340, 351, 370–371, 376, 378). С другой стороны, исторические источники могут сближать скандинавских персонажей со славянским миром теснее, чем «Сага»: например, ряд немецких памятников указывает, что Харальд Синезубый, будучи свергнут сыном, Свейном Вилобородым, умер в Волине и, возможно, там был похоронен (с. 379–380); в то время как по саге он был убит на Борнхольме (с. 47–48, 113, 157–158; 386). Хотя в отдельных случаях саги явно «лгут» в противовес достоверным сведениям других, признанных источников — в других случаях они приводят данные, надёжным источникам попросту неизвестные, притом порой явно отсылая к каким-то вызывающим доверие воспоминаниям. Например, очень скудно известно, как и к кому именно попал в плен датский король Свейн Вилобородый, «Сага о йомсвикингах» же рисует в этом отношении достаточно логичную и, во всяком случае, интересную картину (с. 351). Любопытны

также связи отдельных героев с теми или иными знаменитостями или событиями. Так, Сигвальди — согласно саге, вождь йомсвикингов после кончины Пальнатоки — видимо, был знаком с крупнейшим хронистом своего времени Титмаром Мерзебургским и сообщал тому важные сведения о северных странах (с. 355), а такой второстепенный персонаж саги как сын короля Хакона Эйрик «в 996 — 997 гг.» «предпринял поход на Русь и захватил Старую Ладугу» (с. 383).

С неожиданной стороны предстаёт в саге и скандинавское язычество: здесь норвежский король Хакон приносит в жертву малоизвестным (и уж точно не стереотипным) персонажам скандинавской мифологии, богиням (или великаншам?) Ирпе и Торгерд в жертву сына, после чего те помогают ему победить в битве йомсвикингов (о богинях см. с. 334, 360–363, 451). Этот сюжет (с. 87–89, 135–137, 206–214) определённо мало известен широкому читателю.

Недостатки работы (помимо указанной несогласованности источника и комментариев) малочисленны, однако их всё же следует указать. Автор не всегда хорошо представляет себе мир балтийских славян, опираясь в своих суждениях о нём, видимо, прежде всего на зарубежную историографию. Это заметно, например, по перечислению славянских групп, которые «вышли к берегу Балтийского моря не позднее VI в.»; среди них названы «сорбы [так!], лужичане» (с. 390), хотя серболужичане никогда не имели выхода к Балтике. Также поморскому Волину приписан культ руянского «Святовита с четырьмя лицами» (с. 268). Действительно, здесь был найден знаменитый «карманный» дубовый идольчик (9 см высотой) с четырьмя одинаковыми ликами, однако это вовсе не означает, что речь о Свентовите (именно так, по-полабски, всё же правильнее называть это божество): многоликость истуканов балтийских славян была широко распространена и употреблялась по отношению ко многим персонажам мифологии. Тем более сомнительно предположение о связи этого истуканчика со скандинавской религией (с. 287).

Автор пишет: «Городская верхушка Волина была занята торговлей, однако не пренебрегала и пиратством, что принципиально отличало волинян от других велетских племён, поэтому местная элита была богаче и многочисленнее» (с. 270). Здесь возражение вызывает даже не столько тезис о причастности ряда велетов к пиратам, что кажется, вообще говоря, несомненным (и сам Ю.А. Полуэктов отмечает страсть всех балтийских славян

к пиратству далее, с. 306, косвенно 461): и само понятие «викинг» той эпохи, по сути, означало «пират». Куда более существенной ошибкой является отнесение волинян к веле-там. Представляется, что правильнее видеть в них поморское племя, несмотря на мнение некоторых исследователей (с. 271; но 283). Расселение велетов начиналось западнее, видимо, с острова Узноим (нем. Узедом).

Вызывает недоумение факт, что эта, вышедшая в середине 2018 года книга, не упоминает русского двухтомного издания «Деяний данов» Саксона Грамматика, поступившего в продажу в апреле 2017 года. Автор в целом неплохо ориентируется в данной латиноязычной хронике, однако некоторые детали этой весьма объёмной работы ему всё же неизвестны; полезным было бы и его обращение к научному аппарату.

Нередки и отсылки автора к «Житиям св. Оттона Бамбергского», корпусу немецких агиографий середины XII в., в которых среди прочего подробно описывается, как католический миссионер Оттон, епископ Бабенберга, проповедовал в городе Волин (Юлин) и других местах Поморья в 1120-х годах. Полный русский перевод «Житий» Оттона пока не издан (хотя, видимо, будет сдан в печать в III квартале 2019 года), однако автор, пытаясь компенсировать это, обращается к крайне неудачной работе А.А. Котляревского (с. 521)⁶. Но уже к моменту своего создания она весьма отстала от передовых научных исследований на этом поприще. В частности, среди её важнейших и несомненных ошибок следует выделить периодизацию и взаимное влияние трёх ключевых агиографий: авторства Прюфенингского анонима (создана в 1140–1146 годах), Эбона (а не Эбона, как он назван у Котляревского — создана в 1151–1159), и Херборда (1158–1159, но позже, чем Эбона). А.А. Котляревский считал, что агиографии появились в совершенно другом порядке, в другие годы и иначе влияли друг на друга; к сожалению, и Ю.А. Полуэктов, принимая эти взгляды, допускает серию ошибок при обращении к «Житиям» (с. 282, 493–494 и т.д.). В то же время на русском языке давно существует прекрасное, не менее подробное и по сей день не теряющее актуальности исследование на тему «Житий» Оттона⁷.

Хотя в целом книга написана, как говорилось, грамотным и приятным для чтения,

⁶ Котляревский А.А. Сказания об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древностей. — Прага, 1874.

⁷ Имею в виду автора: А.Л. Петров, чей труд «Гербордова биография Оттона, епископа Бамбергского» вышел в семи частях в разных номерах «Журнала Министерства народного просвещения» в 1882–1883 годах.

понятным широкому читателю языком, она не избавлена от мелких ошибок, хотя и многочисленных для столь объёмного труда. Иногда это лишние пробелы (с. 72, 369) или отсутствие пробела (с. 404, 407); пропуск скобки (с. 500) или запятой (с. 272, 467, 491); несогласованность предлога (с. 258) или разные написания тире в одних и тех же случаях (с. 358, 494). Встречаются отдельные описки (с. 271, 372, 442, 503 в латинском названии) или неудачные выражения, например, «вчинять» (с. 424) или «договора» вместо «договоры» (с. 438). Недоумение вызвало регулярное повторение вместе с верным написанием «Волином» (Волин в творительном падеже, с. 266, 274) форма «Волиным» (259, 261, 280, 307, 309; и однажды «Щециным», с. 277). Впрочем, качество текста заслуживает самых высоких оценок, равно как и оформление (за исключением сказанного о связи текста переводов и комментариев). Издательские подписи сверху позволяют ориентироваться в книге, указывая на раздел, где находится данная страница.

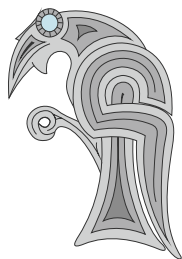
Подытоживая, не могу не похвалить автора проекта, взявшегося за непростое и нужное дело и прекрасно с ним справившегося. Несомненно, что издания, подобные указанному, необходимы русскоязычному читателю, особенно в эпоху столь массового увлечения Средневековьем и эпической традицией. Скандинавские саги предстают драгоценными памятниками североевропейской древности, освещающей широкий и яркий мир не только викингов, но и их соседей, иногда весьма удалённых географически — но тем более интересных для читателя. В отношении же «Саги о йомсвикангах» интерес представляется ещё более бесспорным, ведь здесь значительное внимание уделено и миру средневековых славян, игравших большую, но незаслуженно мало освещённую роль в раннем и Высоком Средневековье.

Славяне или скандинавы — йомсвиканги добились своей славы, превыше которой ничего не знает «Эдда». И верно говорится в «Драпе о йомсвикангах»: *«В пылу битвы молвят / Вои речи дерзки. / Люди их запомнят»* (с. 514).

99...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

Ольга МАРКЕЛОВА

Педер Арребё¹

Окончание. Предыдущие части пронзительной истории жизни лютеранского священника, который меняет религию на язычество, и про то, как дальше изменилась его жизнь, вы можете прочитать в 11–24 номерах нашего журнала.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. МЭЛАН: ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ

1992: Корни глобализма

В школе ещё не начались уроки географии, их ждать ещё несколько лет. У дяди Йонаса над столом — широкая картина с зелёными, бурными и белёсыми пятнами, словно кто-то срисовал узор лишайников с валуна. «Это карта мира». — «А зачем она?» — «На ней показано, какие на земле есть моря, острова и страны». — Неведомые земные города, причудливее, чем все вместе взятые сказочные царства: Йоханнесбург, Антверпен, Франкфурт, Москва, Калькутта, Сан-Франциско... А вот и Копенгаген. «Дядя Йонас, а где тут Вийой?» — «Здесь мы его не увидим, надо взять карту побольше», — и он хлопает ящиком стола, достаёт атлас Скандинавии. Борнхольм, Лунд, Тромсё, Миддельфарт, синие морские страницы, Ватнайёкутль, Гримсей... Диагональные лоскуточки Фареров. «Вийой тут! Вот мы где!» — «А почему нашего хутора не видно?» — «Да опять карта слишком мелкая». — Дядя Йонас вынимает затрёпанную нецветную карту-простыню, расстилает на полу у дивана, гордо тычет в сероватую кляксу острова: «Вот наш хутор, Мэлан!» Но в глазах девочки не сверкнула радость узнавания. Что толку в том, что имя родного места напечатано маленькими узкими буквами на затёртой выгоревшей бумаге, — ей хотелось видеть его на той большой разноцветной карте, убедиться, что он — брат тех сказочных незнакомых городов с названиями-заклинаниями: Джакарта, Калькутта, Сан-Франциско... А на этой карте нет ничего волшебного. Вот родной хутор; к западу от него море, к северу Вийарайи, к востоку гора, через фьорд — Мюли. Она и так прекрасно знает, что Вийарайи к северу, а Мюли через фьорд, никаких сказочных новостей нецветная карта не сообщит. По ней даже не ясно, что остров Вийой находится на той же самой Земле, что Сахалин и Мадагаскар.

В родных местах ни красок, ни волшебства... Тесно!

¹ Описанные в романе события в общественной жизни Исландии имели место в реальности. События в жизни персонажей, как и сами персонажи — литературный вымысел.

2003: Мэлан после исчезновения Байнты

В детстве у Мэлан Байнтудоттир была привычка: по вечерам, лежа в своей постельке без света, она перебирала в памяти всё самое страшное, что увидела за день. Даже в тихих зеленых посёлках ее детства среди ласковых гор страшного находилось много: жирные, извивающиеся в мокрой грязи червяки (одно время девочка боялась их), растерзанные безголовые птицы на дорогах, голые туши мёртвых овец, распяленные на крюках в крестьянских сараях. Не только реальный мир — и мир грёз тоже был страшным. В телевизоре жили черноглазые злодеи с иностранными именами, оборванные безногие дети, ползающие по руинам, горбатые чудовища и полуодетые мясом склизкие остовы. Стужей веяло от новостей о погибших рыбаках: дядя Йонас говорил, что их забирает себе морская богиня; у неё, должно быть, цепкие ледяные пальцы...

Мэлан не относилась к числу детей, которые обожали «ужастики» или по вечерам в темноте развлекали друг друга страшными историями. Она вспоминала по ночам все страшные моменты, пережитые днём, только с одной целью: проверить, испугается ли она еще раз, или нет. Ей всегда хотелось, чтоб её маленькая нервная система оказалась сильнее, чем жуткое впечатление. Но это давалось ей нелегко, ведь в темноте и тишине страшным вдруг оборачивалось даже то, что днём вызывало смех. Когда они с матерью жили на острове Вийой, дядя Йонас иногда рассказывал ей о марбендиде — морском человеке, который играет и поёт на море при полной луне; о мёртвом некрещённом младенце, который подкатывается под ноги одиноким путникам; о забирающих детей троллях... Мэлан, слушая его, озорно улыбалась. Она думала: Вот было бы классно, если бы всю эту старомодную нечисть можно было передать на киноэкране с массой разных спецэффектов! ...Но ночью каменноглавые тролли вставали, словно конвой, возле её окон.

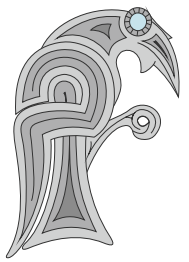
Мэлан неспроста вспомнила свою детскую привычку перед сном думать о самом страшном. (Хотя обычно ей было неинтересно возвращаться к воспоминаниям раннего детства). Сегодня вечером она включила в пустом доме радостную музыку, — но музыка не заполнила пустоты. Она только создала вокруг Мэлан тоненькую хрупкую оболочку уюта, а за её пределами темнота и молчание были сырыми, враждебными и тролльскими — совсем как в детстве.

Разумеется, девушке было не впервой оставаться одной дома. Еще до появления Педера, когда Байнте надо было уезжать на какую-нибудь конференцию, курс повышения квалификации или просто в гости к матери, дом на много дней целиком поступал в распоряжение Мэлан. Если она не устраивала шумную вечеринку для своих приятелей или не прилипла до рассвета к экрану телевизора или компьютера, — она ночами напролет бродила по комнатам, пела песни, рылась в старых журналах в чулане и даже не робела спускаться в гулкую голую комнату в подвале, где поблёскивал равнодушный красный глаз масляного обогревателя.

Но теперь одиночество было совсем не таким, как прежде.

Всё началось одним прекрасным утром в начале августа. Тогда мать вошла в дом, ничего не видя вокруг себя, бросилась в спальню и сгребла в сумку вещи. Хотя время было весьма раннее, а в банке в этот день был выходной, она была одета в нарядное платье, которого Мэлан никогда прежде не видела, а его фасон и цвет были совершенно не похожи на то, что привыкла носить мать. Когда девушка вышла навстречу ей по коридору и растерянным голосом спросила: «Доброе утро, мама. Куда ты собралась?» — Байнта походя бросила ей, что срочно едет на Вогар со своим шефом, — и выбежала на улицу.

Мэлан в то утро вернулась из гостей, где она всю ночь пила и плясала до упаду, а на расвете помогала хозяйевам, у которых родители к полудню должны были вернуться из поездки, мыть посуду и оттирать пол. В этот час она плохо соображала и хотела спать. Поэтому ей

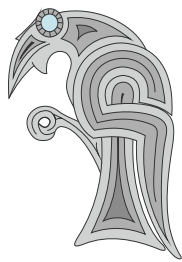

101...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

не пришло в голову задать вопроса, какие такие срочные дела гонят мать ни свет ни заря на соседний остров, и когда именно она вернётся оттуда. Не насторожило её и то, что мать не стала, как обычно перед отъездами, «грузить» свою взрослую и самостоятельную дочь напутствиями о том, чтоб она хорошо себя вела и уважительно относилась к Педеру.

Потом прибежал сам Педер. Она честно рассказала ему всё, что знала сама; он немножко покричал возле дома и исчез. Девушка рухнула на постель в своей комнате и отрубилась до вечера; её не беспокоила даже музыка, которую она забыла выключить. Мэлан решила, что мать просто поссорилась с мужем: наверно, он чем-нибудь проштрафился перед ней на Южном острове. Еще раньше, в детстве Мэлан, когда дядя Йонас, а потом Северин чем-то сильно обижали или оскорбляли мать, Байнта показывала свой бурный нрав и уходила из дому, хлопнув дверью. Чаще всего она отправлялась к своей матери, — чтобы там, на нейтральной территории, вскоре принять посольство мужа, пришедшего с повинной, и через пару дней вернуться в дом... Усталая Мэлан проглядела тот факт, что, во-первых, на Вогар у Байнты не было никакой родни или подруг, к которым можно было бы уехать после серьёзной семейной ссоры, а во-вторых — что никто не вовлекает в свои семейные дела начальство — даже в маленьком Торсхавне.

Вечером, когда девушка наконец высунула нос из дому, Суннева Никласен, соседка, огорошила её новостью: её отчима, датчанина Педера, арестовали. Из сбивчивых объяснений старухи Мэлан так и не уразумела, за что именно, выяснила только, что это как-то связано с банком Оппермана. Соседка узнала об аресте от очевидцев, которые видели, как отчима девочки заталкивали в полицейскую машину, а окна в банке были разбиты...

Первой реакцией Мэлан было удивление. Ее ошарашило то, что этот невзрачный, «отмороженный», по её мнению, человек, способен предпринять такое отчаянное дело, как ограбление банка, да не где-нибудь в Нью-Йорке или Париже, где такие преступления уже давно стали частью повседневной рутины, — а, ни больше, ни меньше, создать прецедент в спокойном уютном Торсхавне! Если бы Мэлан ещё давно не разругалась со своим парнем — Кристофером, который слушал рэп и вёл разговоры только про баб да про тюрьму, — непутевый отчим своим поступком подарил бы девушке верный шанс поднять свой авторитет в глазах мальчугана.

Следующим порывом Мэлан было: немедленно достать мать по телефону, где бы она ни была, и сообщить ей о случившемся. Но сотовый телефон Байнты мирно лежал в спальне на комодке.

В голове Мэлан быстро всплыли сюжеты всех авантурных фильмов, которые она посмотрела на своем веку. А вдруг этот тщедушный и рассеянный возлюбленный ее матери нарочно приехал сюда из Копенгагена, чтобы ограбить банк? Притворился человеком respectable, безобидной и даже немного старомодной профессии, а сам женился на кассирше, чтобы выведать у нее все ходы-выходы в банке и потом нанести коварный удар? А может, мать сама была пособницей грабителя и в день, на который было назначено ограбление, нарочно увезла из Торсхавна директора банка: он пару раз видел Педера и с легкостью опознал бы преступника. А может, наоборот: мать всё знала о готовящемся ограблении, но решила вовремя смотаться и умыть руки? А может, грабитель сам велел ей убраться из дома, посулив за молчание часть награбленного? Или может, он хотел еще убить Оппермана (сквозь сон девушка слышала, как отчим орал во дворе что-то типа: «Проклятый паук Опперман», — если это, конечно, не приснилось ей), — и мать решила спасти своего шефа? А может...? А может...? Все догадки Мэлан были остроумны и даже не лишены изящества, — да только правдоподобнее всего они выглядели бы на киноэкране, а не в заросших дягилом торсхавнских переулках. Здесь разыгрывалось какое-то другое кино, а его жанровых законов девушка пока не знала.

На следующий день поводов для недоумения стало еще больше. Если верить газетам, зданию банка на площади «был нанесён значительный ущерб», но из него ничего не пропало. Другими словами, муж матери разгромил банк просто так и ничего не украл. (Тут Мэлан подумала, что такой нелепый поступок точно не привёл бы в восторг рэппера Кристофера, — зато обрадовал бы другого знакомого парня, Егвана, который любил почитать старые и новые книжки о построении лучшего общества и часто говорил, что «в борьбе с властью капитала хо-роши любые средства, вплоть до разгрома и поджога банков»).

В газете были крупным шрифтом напечатаны якобы сказанные Педером Арребё слова о каком-то загадочном «крестовом походе». Такой нелепицы уж точно не смог бы растолковать никто из приятелей девушки.

И всё же Мэлан не так занимал вопрос о том, кем считать в общем-то чужого для неё Педера: сбрендившим неудачником или идеалистом-боевиком, — сколько другой вопрос: что случилось с матерью.

Сперва Мэлан решила не искать Байнту, а просто ждать. Даже если Байнта не удосужится сама позвонить на домашний телефон или написать письмо, кто-нибудь непременно даст Мэлан знать о ней: другие работники этого банка, полиция, пресса, досужие соседи типа Сунневы... Мать не потеряется. Надо только набраться терпения и дожидаться...

Мэлан была взрослой и самостоятельной девушкой. У неё были свои сбережения. (Если из банка ничего не было украдено, значит, её счет по-прежнему цел). По вечерам она подрабатывала официанткой в кафе и получала небольшую зарплату. Но сейчас ей едва не пришлось бросить эту работу. Когда злополучный выпуск газеты со статьей о «крестовом походе» Педера на банк увидел свет, и жители города сообразили, какое отношение дочь кассирши имеет к незадачливому попу, девушка больше не могла спокойно выйти на улицу: в магазине, на дискотеке, на пристани её всюду сопровождал ехидный шепоток сверстников и тяжёлые взгляды старших. Девушке приходилось прятать лицо в те минуты, когда в её душу спускалась тоска, и глаза становились похожи на глаза собаки, потерявшей хозяина. Но иногда и это не ускользало от окружающих, и тогда они притворно-участливым тоном заговаривали с ней, расспрашивали, в чём дело и как ей теперь живётся, — но, удовлетворив свое любопытство, они не предлагали ей никакой помощи, даже чисто символической. И Мэлан знала, что всё, рассказанное ей, завтра станет предметом чьей-нибудь досужей беседы за чашкой кофе. Начальница на работе пару раз спросила при всех, не будут ли Мэлан вызывать в суд для дачи показаний.

Но август сменился сентябрём — а деревенские парни в чёрной униформе всё не стучались в дом с шиповником под окнами. Телефон молчал. От матери и отчима не было ни слуху, ни духу.

Но в один прекрасный день в центральной газете появилась статья, из которой явствовало, что Педер Арребё в тюрьме в Копенгагене.

Именно эта весть и оказалась самой жуткой, когда Мэлан сегодня под вечер решила подытожить, чего она за сегодняшний день испугалась больше всего. Она и не ожидала, что Педера просто отпустят домой после пары символических допросов, — всё равно приговор показался ей слишком суровым: ведь он ничего не украл, сам во всём сознался, в конечном итоге — он уже достаточно наказан тем, что его снимут с должности священника. Но даже если датские власти оказались суровы, и Педер теперь за решеткой — он мог бы связаться со своими близкими, мог бы позвонить ей, может быть, рассказать что-то о Байнте... Звонить домой не запрещено законом...

Или всё-таки запрещено? Этого она не могла сказать... Из телевизора и газет Мэлан знала очень много об американских тюрьмах: Альтиконтас, Синг-Синг и других, где заключённые, как пауки в банке, изводят друг друга с циничной жестокостью. Из тех же источников она знала и кое-что о тюрьмах в большой загадочной стране, которая одно время фигурировала там под названием "USSR", — с прогнившими стенами, тощими пайками и туберкулёзом. Знала она и кое-что об адских казематах Ближнего Востока, охраняемых садистами в униформах разных государств. Из учебников истории и прочитанных для школы книг она знала и о каменных мешках эпохи Габбелей.

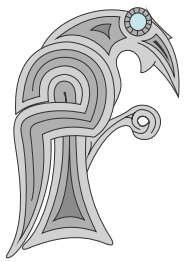
Но о буднях датских тюрем в прессе и в книгах говорится не так часто, — и Мэлан обнаружила, что имеет весьма расплывчатое представление о том месте, где сейчас оказался Педер.

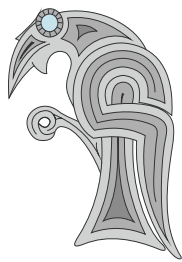
Не успела Мэлан осмыслить для себя это странное открытие, как по дому — пустому и молчаливому, несмотря на орущий магнитофон, — прокатилась трель дверного звонка. Для Мэлан, напряженно перебиравшей в памяти всё, что она знает о разных местах заключения в мире, этот звук на несколько мгновений стал вторым самым страшным событием за этот день.

На пороге оказалась Марита, только что вернувшаяся с летних заработков в деревне. Мэлан впустила ее в гостиную. Подруга была румяной и оживлённой:

— Хай! Что у тебя ваще происходит? Я тебе звоню-звоню, блин, а там говорят, что телефон отключили! Я уж прямо думала... Слушай, а ничего, что я сейчас заскочила? Ты как — одна?

— Одна, — потухшим голосом ответила Мэлан. В соседней комнате наяврил дискотечные мелодии магнитофон, глянцевые несерьёзные ноты разбивались о тяжёлую пустоту.

— А где мать и этот, как его, батюшка? В отъезде, что ли? — Марита за эти несколько месяцев в деревне не читала газет, не знала городских сплетен. Ей казалось, что весёлость, разбрызгиваемая из динамика по холодному дому — настоящая, прогревающая всё до основания.

— Да уж, в отъезде, — сухо произнесла Мэлан, и её лицо в миг стало неприступным, словно наглухо закрытая дверь тюрьмы. А может, не тюрьмы, а крепости, в которой ей придётся пересидеть долгую и мучительную осаду, — такую же, как сотни других осад, предпринимаемых против неё праздным любопытством безмятежных и болтливых земляков.

— Ой, правда? — щебетала Марита. — А они как — надолго? А тебя чего с собой не взяли?

— Да иди ты...! — мрачно выматерилась Мэлан, сверкнула на подругу колючими глазами и замолчала. И отошла в другой конец гостиной. И села на диван с ледяным выражением на лице. Но вдруг лёд стал стремительно таять, из глаз Мэлан побежали капли. Она забилась в угол.

— Да идите вы все! — повторяла Мэлан в ответ на все расспросы подруги. — Всем любопытно, нашли себе, блин, бесплатную развлекуху, а чтобы помочь по-настоящему, — фигли!

В конце концов она перестала плакать и добавила:

— Это просто бред какой-то. What shall I do? I'm in a big hole. Я в полной заднице. Меня все кинули, а я даже не знаю, где их искать...

После этого ничего не оставалось делать, как рассказать подруге всю историю.

— Давай разбираться, — серьёзным голосом сказала Марита, немного помолчав в знак сочувствия.

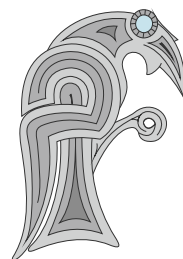
Конечно, Марите сразу удалось всё четко структурировать и быстро найти разумный выход из положения. Ведь ей не приходилось жить с этой проблемой, делить с ней пустые вечера, эта печаль не измотала её. Поэтому в её восприятии ситуация оказалась не такой плачевной. Да, всё это крайне странно и, судя по всему, мать и отчим подруги наделали больших глупостей. Но Мэлан уже не ребёнок, и ей ни к чему горевать, что её бросили одну. Самым разумным сейчас будет навести справки. Она ведь хорошо говорит по-датски? Значит, завтра они пробуют связаться с правоохранительными органами и узнают, вернётся ли Педер Арребё в Торсхавн. А насчёт матери... Да у нее же откровенный роман с этим жирным банкиром, неужели сразу не было заметно! Об этом весь город знал... Ей удалось отделаться от Педера, и теперь она ни на шаг не отойдет от своего обожаемого толстячка. Значит, всё оказывается проще, чем они думали. Найти такую крупную птицу, как Опперман, в Интернете, не составит труда. У Мариты ещё осталось бесплатное подключение...

В Интернете, как всегда, было очень много рекламы. Особенно лезла в глаза афиша одной независимой благотворительной организации, объявлявшей набор вожатых в детский лагерь где-то в Венгрии...

2007: Переписка по скайпу

Мэлан оторвала взгляд от монитора, посмотрела в окно... После чумазой пестроты венесуэльского города панорама здешних улиц напоминала выстиранную скатерть неброских цветов. Над крышами сыпал тоскливый европейский дождь. Мэлан поёжилась. Она сама удивлялась, что так долго не может привыкнуть к умеренному климату после Южной Америки. Она не могла объяснить, что всё-таки побудило её начать свои странствия по миру: горячее желание бежать от торсхавнских проблем на край света, унаследованный от матери авантюрный характер или кровь отца — часто ездившего в дальние края моряка с острова Вийой. (Она сама его не помнит, но мать про него иногда рассказывала... Как же его звали? Ханс Йоэнсен?)... Сначала её воображение поразили пряничные домики Центральной Европы. А потом она узнала, что такое многочасовые перелёты и разбитые дороги. Она видела сирот в застиранных майках, тайком таскающих бумагу из мусорных корзин, чтобы свернуть самокрутку. Она выучила много слов на разных международных языках — а на родном говорила редко, а чаще не говорила, а писала, если в конторе детдома, где она работала, бывал исправный Интернет.

После волонтерской работы в Венесуэле Сербия, которую она пару лет назад отказалась бы считать «нормальной страной», казалась ей оплотом цивилизации — и скуки...

На экране открыт чат, возле знакомого имени мигает зелёный кружок... О счастье, Марита сейчас в Сети!

Malan: Привет!

Marita: Привет!

Malan: Чем занимаешься?

Marita: Сходила в магазин, сейчас буду помогать вешать шторы в гостиной... А ты сейчас где?

Malan: В городе Приштина, это в Сербии...

Marita: Опять эта программа по работе с детишками?

Malan: Ага.

Marita: Ты молодец! Везде ездешь... А я-то дальше Копенгагена никуда не добиралась...

Malan посылает в ответ смайлик, который можно истолковать как «Не отчаивайся, у тебя всё впереди».

Marita: Сербский язык уже выучила?

Malan: Не, он очень сложный. Там пока с одним алфавитом разберёшься: у них же кириллица. И произношение такое, что ваще!

Marita: Надо же! А мы-то с тобой в школе от уроков датского языка стонали, нам он казался трудным...

Malan: Кстати, спасибо тебе за ссылку на тот исландский сайт, про новые андерграундные команды. Мне, правда, пока музыку слушать особо негде и некогда, но я всё равно зашла, пошла... И знаешь, благодаря этому сайту я узнала такие вещи...

Marita: Ну, круто! Я думала, он тебя не заинтересует, там же один сплошной хардкор...

Malan: Да не про музыку, а другие важные вещи... Про жизнь, короче...

Marita: Да что именно-то?

Malan: Сейчас расскажу. Ты ведь помнишь, что когда мама смоталась из Торсхавна с этим своим банкиром, я потом на неё случайно вышла в Венгрии через его фирму?

Marita: Ага, помню...

Malan: Так вот, мы с матерью общались-общались по скайпу, и вдруг в прошлом ноябре она перестаёт мне отвечать! Послаю имэйл — моё письмо возвращается с пометкой, что такого адресата нет. Пытаюсь звонить по телефону — по reply. Пытаюсь прогуглить все эти Опперманновы предприятия — тоже всё глухо. Вот что ты будешь делать! Коллеги по работе предложили подать в международный розыск. Только я так ничего туда и не написала. Потому что у нас случился пожар, и пришлось срочно эвакуировать детишек... А потом выколачивать по всяким инстанциям компенсацию и новые помещения...

Marita: Ну, у вас там и жесть была! ...А с матерью-то что?

Malan: А вот что: короче, я со всем этим замоталась, по уши в хлопотах... А когда я уже переехала сюда, мне вдруг приходит от тебя эта ссылка! Сама-то музыка там не очень, у фарерцев лучше... Но меня заинтересовало, что один исполнитель свою композицию подписал «Посвящается Педеру Арребё». Ну, думаю, «Арребё» — это всё-таки не «Йенсен», вряд ли просто однофамилец, наверняка тот самый...

Marita: Пастор, что ли?

Malan: Ага. А у этого чувака на той страничке был помещён имэйл. Ну, я, как дурочка, ему написала, спросила, не знает ли он таких-то... И прикинь, оказалось, что они его знакомые!

Marita: Мама и преподобный?

Malan: Ну да! Прикинь, они снова начали жить вместе!

Marita: А что стало с банкиром?

Malan: А неизвестно. Да он меня и не очень интересуется, честно говоря.

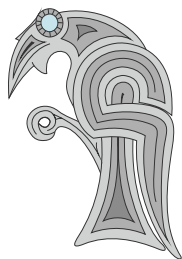
Marita: И где они сейчас живут?

105...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

Malan: В Рейкьявике. Тот мужик дал мне их координаты. Ну, ничего так, пообщались...

Marita: Как у них сейчас?

Malan: Короче, преподобный теперь больше не преподобный, он эту церковь давно бросил... Сейчас он, вроде, пишет какую-то книгу по философии. Или не по философии... Он вообще прикольный мужик, это он только сначала кажется таким унылым, а на самом деле с ним интересно... А мать пока устроилась в «Скандинавский дом» преподавать фарерский язык и культуру. Правда, живут они чёрт-те где, на чердаке у знакомых неформалов, и денег у них стало меньше, — зато никто на мозги не капает.

Marita: Ты собираешься к ним переезжать?

Malan: Вряд ли. У матери теперь своя личная жизнь, а у меня своя...

Marita: Но хорошо хоть, человек всё-таки нашёлся!

Malan: Это точно!

Marita посылает вереницу смайликов с улыбками разной ширины.

Malan: Ну всё, мне пора. У меня вечером работа: я у детишек на дискотеке диджеем.

Marita: Ну, тогда не буду отвлекать. Пока!

Malan: Пока! Пиши письма!

Заключение

Сейчас ноябрь 1756 года. Меня зовут Педер, и я ещё не родился. Я родюсь — нет, рожусь, — короче, мне суждено родиться в этот мир только через 213 лет. До моего рождения произойдёт очень много разных событий. Будут войны. Будет голод в Исландии. Моего соотечественника Адама Эленшлегера увенчают лавровым венком его шведские коллеги в Лунде. Проведут в новом месте границу в Шлезвиг-Голштейне. Датчане научатся петь хором патриотические песни. На Фарерских островах придумают орфографию для родного языка. Рыболовное судно подорвётся на немецкой мине. Моя матушка Марта Дитлефсен пойдёт в нуборгскую школу для бедных. Исландия провозгласит свою независимость. Молодёжь начнёт танцевать рок-н-ролл. Люди выйдут в космос. У нас сменится правительство....

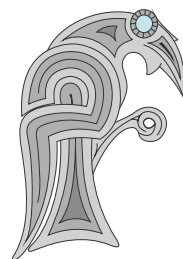
А пока — оттепель и грязно-серые ляжки гор, и ангел стоит у щербатых дверей землянки с ведром в руке.

Москва — Рейкьявик — Коупавог
2004 — 2014

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Источником вдохновения для создания этого произведения послужили фарерская народная легенда XVIII века о пасторше Байнте, принёсшей гибель трём своим мужьям, а также роман датско-фарерского писателя Йёргена-Франца Якобсена «Барбара» (издан в 1939 г.), в основу сюжета которого легла легенда о Байнте в сильно переработанном виде. До Й.-Фр. Якобсена эту легенду использовали в качестве материала для романов двое фарерских писателей. Однако их книги не получили широкой известности, в отличие от «Барбары», которую скандинавские читатели полюбили сразу после её выхода в свет, а датский режиссёр Нильс Мальмрос своей экранизацией (1997 г.) прославил её далеко за пределами Скандинавии.

Ещё одним источником явилась проза Вильяма Хайнесена, у которого в романе «Чёрный котёл» (1949) был циничный коммерсант Опперман, родом из Британии.

Первоначальная идея была — написать постмодернистский пастиш на «Барбару», в котором действие происходило бы не в XVIII в., а в наши дни. Таким образом, было бы восстановлено изначальное положение вещей: ведь, как известно, прототипом Барбары у Й.-Фр. Якобсена была его подруга Эстрид Ресторфф, которую писатель перенёс из современности в XVIII век. При этом персонажам возвращены их исторические имена: Байнта и Педер — вместо Барбары и Поуля у Й.-Фр. Якобсена.

Итак, мой роман был задуман как ни к чему не обязывающая постмодернистская литературная игра. Но уже на начальной стадии работы над текстом игра стала приобретать серьёзные черты, и то, что написалось в конце концов (тогда ещё первая часть), было меньше всего похоже на постмодернистский роман. (Что, может быть, и к лучшему, так как в те годы (2005-2006) фарерский литературный критик и культуролог Ким Симонсен в своих статьях в разных литературоведческих журналах Скандинавии окончательно похоронил постмодернизм как изжившее себя течение).

Мой герой, Педер Дитлефсен Арребё, родился, как Афина Паллада, из моей головы в силу случайной прихоти. Но после этого он захотел жить самостоятельно и не всегда подчинялся авторской воле. В 2005 году мне казалось, что про Педера Арребё уже всё написано: после разгрома банка в Торсхавне его ждёт суд и тюрьма — вот и весь сказ. Оставалось только поработать над стилем — и отложить перо в сторону. Но через полгода или меньше того герой сам потребовал продолжения истории! Летом 2006 года в Исландии мне в голову пришёл фрагмент текста, который не мог относиться к прошлому Педера, а мог только к его дальнейшей судьбе. Так началась жизнь Педера Арребё в Рейкьявике. Текст романа окончательно оторвался от «Барбары»: если в первой части были совпадающие эпизоды (сам приезд копенгагенского пастора на Фареры; его отлучка на отдалённый остров (у меня — Сурой, у Якобсена — Мичинес), за время которой Байнта успевает изменить ему; детали биографии Байнты, судьба её предыдущих мужей), — то во второй части над персонажем Педером Арребё не довлеет его литературное прошлое, он волен делать что угодно (в рамках художественного правдоподобия, разумеется). Единственное «воспоминание» этой части текста о первоисточниках — Байнте всё ещё снятся сны о XVIII веке...

Как назвать получившийся в итоге роман? Переложение? Заёмные персонажи стали моими собственными, у них появилась своя логика поведения... Фанфикшн, сиквел, апокриф? Когда писались первые абзацы этого романа, в моём лексиконе ещё не было таких слов. К тому же, писать фанфик по роману, известному в нашей стране только специалистам — весьма экстравагантное занятие. Возможно, тот или иной критик назовёт этот текст «продолжением зарубежной литературной традиции» или произведением «по мотивам» фарерского фольклора и литературы.

Наверно, не будет слишком далёким от истины, если я скажу: мне хотелось написать на моём родном языке о том, что меня интересует, создать свою северную Атлантику, дебатировать определённые экзистенциальные вопросы, в конце концов, просто рассказать о жизни в Торсхавне и Рейкьявике первой половины 2000-х годов, которая знакома мне отнюдь не понаслышке...

Хотя, в сущности, не такие ли стремления лежат в основе любого литературного текста?

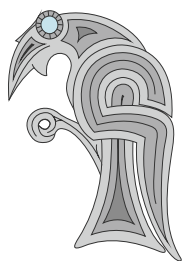
2013 г., Коупавог, Исландия

107...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

Ольга Маркелова

Дмитрий Черкашин

Посвящение журналу «Северный ветер»

Да что́ вам в этих северáх? —
Там обитает только страх.
Там плавают в потёмках тролли
на тяжких каменных судах.

Там нет гармонии в речах,
и светоч разума зачах,
а духу — тесные темницы,
их держит полночь на плечах.

Чего искать на северах?
— Там свет рождается в горах.
И там всегда слышны напевы,
что сложены в других мирах.

Там высь в сияющих лучах —
и даже в будничных вещах
растут заоблачные смыслы —
и отражаются в очах.

22 апреля 2019

* * *

Я стою на плотине из тысячи дней,
В моей правой руке свернут в нить небосвод.
Я есть тысяча ярких и темных теней,
Я кровь неба и крови небесной народ.

Я плету покрывало из тысячи рун,
На клинке моем нету ни тени луны.
Я есть меч и молитва, и музыка струн,
И стена, и таран для крушенья стены.

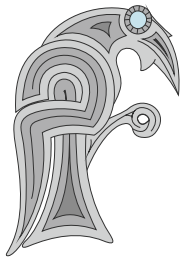
Я открыл в себе бездну, и бездна дала
Сути суть излучением черной звезды.
И над солнечной бездной два верных крыла
Раскрывают для сущего смысл пустоты.

Я есть слово и вязь, я есть лед и металл,
Я есть солнечный ветер и время времен.
Я сиянье светил и сгорание скал,
Факел, рунный клинок и властитель имен.

В моей власти есть круг из ключей к пустоте,
Я дарую возможность навечно уйти.
Я есть крест при рожденьи и смерть на кресте,
Эта смерть тоже ключ — от миров на пути.

Я — зов дальних миров и далеких планет,
Я есть символ, надгробие, знаки жреца.
Я погибший при жизни, я — солнечный свет,
Я возможность начала и память конца.

2010

**Мы продолжаем печатать
цикл экспериментальных
стихотворений
с шаманскими
и языческими мотивами
из книги Ольги Маркеловой
«Разомкни реки».**

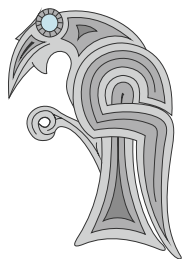

САМОУНИЧТОЖЕНИЕ
и
ВОСКРЕШЕНИЕ

Пришла лисица.
Седая шкура.
Гнилые зубы.
Сырое брюхо.
Пришла с рассветом.
Отъела мне голову.
На том месте выросла голова свиньи.

Пришла седая
Перед рассветом.
Глаз ее — камень.
Руки ее — ножницы.
На солончаках
велела растить цветы.
Голова свиньи скалит зубы на шесте.

Замолчало эхо.
Опустело зеркало
Рухнул костяк.

Рухнул костяк —
вся прежняя гниль.
Нету мух
вкруг пустой колоды.
В зеркалах алый блеск.
Над горой белый луч.
Нет свиной башки
на плечах солнцекрылого.
Будет бескрайняя просинь,
а гниль — в Хель!

Из хлябей страха и сомненья
выплывает

света колыбель.

26 августа 2004

7

... 110

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№25
2019

ВАРВАРСКАЯ ПЛЯСКА

И хотел гореть,
да придется гнить,
да рукой своей
перерезать нить.
Перерезать нить
да переждать рассвет,
размотав клубок
заповедных лет.

5 августа 2002, утро

8

МУЗЫКАНТ

Человек научил петь
гмутье куски дерев,
полые кости птиц,
растамптые шкуры зверей, —
себя же оставил бессловесным.

Человек научил своим словам
звенящий кусок железа,
натянутую медную проволоку,
каричневую змейку плёнки.
Научил своим словам, своим думам
все предметы вокруг себя,
Отдал свой голос миру вокруг себя.
Себя же оставил бессловесным,
себя же обрек на немоту.

Предметы обступили человека со всех сторон,
взяли его в кольцо в кромешной ночи.
Каждый глядит на него и просит слова,
просит научить его новой песне,
вместо старых, которые все уже знают наизусть.
Но глядит человек во тьму
и шепчет: "Я боюсь!
Высохла давно моя душа от отсутствия слов.
Больше неподвластны мне тайны новых миров.

9

Я взят в плен! Я взят в плен!
И в плен я взят именно вами:
собственными словам,
когда-то любимыми вещам,
мрака глазами.
Я создал вас, чтоб отгородиться от хаоса,
Я научил вас своей песне,
чтобы отогнать мрака.
Но теперь, когда вы взяли меня в плен,
каждый из вас мне враг.
Больше не могу я вас учить своим песням, —
хоть ты тресни!
Хоть ты тресни!

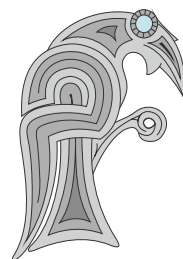
Да и не осталось в душе моей ни одной песни.

Вы имете тайную власть надо мной!"

Вещи стоят вокруг музыканта стеной
и видят, как он стал рабом своего творения,
и каждая дудочка, каждая косточка
у него на подозренье.

— "Ты научил нас своей песне, ты сделал нас частью себя.
Ты научил нас не бояться в этой кромешной тьме.
Так не бойся сам
и иди сквозь нее дальше,
потому что всё, что ты увидишь здесь, —
это продолжение тебя,
это твоё порождение,

10

111...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 25
2019

АВТОР А.К.

▲ Дагаз

▲ Иса

▲ Манназ

Страничка художника:

<https://www.deviantart.com/annaiceflames/gallery/37234845/norse>

АВТОР Iren Horrors

▲ The Norns

Freya ▲

▲ Loki

Страничка художника:
<https://vk.com/irenhorrors>